Константин Кучер

Там, за речкой

Повесть и рассказы

Петрозаводск
2023

Кучер К.
Там, за речкой: [Повесть и рассказы]. — Петрозаводск, 2023. — 128 с.

Константин Кучер
ТАМ, ЗА РЕЧКОЙ
Повесть и рассказы

Мост через Амударью, на советском берегу которой стоит узбекский город Термез, а на афганском – Хайратон, когда-то называли мостом Дружбы. И своё название мост получил вполне обоснованно. По нему из Советского Союза на ту сторону реки шли автомобильные колонны с товарами и продукцией, в которых тогда остро нуждался Афганистан: автомобили и запчасти к ним, чёрные металлы, холодильники, обувь, медикаменты, трикотаж, товары хозяйственного и культурно-бытового назначения. Часть из них поставлялась СССР в качестве безвозмездной помощи. Если река, по которой проходила государственная граница, разделяла две соседних страны, то мост – объединял. Поэтому, наверное, неудивительно, что для героев маленькой повести и небольшого цикла рассказов, вошедших в эту книгу, Афганистан – совсем не чужая страна. Хотя бы потому, что там прошла часть их молодости. Так уж получилось, что молодости – военной. Хотя официально в Афганистане советских пограничников не было: «Да как можно?! На территории суверенного государства… И пограничники иной страны! Да такого не может быть. Потому что не может быть никогда!». Но они – были. Вот о них, тех, которых вроде бы и не было, а они – были, эта книга.

© К. Кучер, 2023

Предисловие

Чуть-чуть от автора

Очень хочется верить, что эта небольшая повесть и такой же небольшой цикл рассказов, хронологически и территориально привязанные к тому месту, где прошла часть моей молодости, найдут своего читателя. Иначе – зачем?! Зачем всё это всплывало в памяти, а потом ложилось на бумагу, скорее всего, не самыми умелыми и, уж точно, не профессиональными строчками?!

Зачем… Для меня самого ответ на этот вопрос достаточно прост. Этими текстами я, как тот сыгранный Георгием Жжёновым в «Горячем снеге» генерал, сделал «всё, что смог». Всё, что смог, чтобы память о тех людях, которые тогда были рядом, не только сохранилась, но и осталась после того, как и мне самому придёт время уйти туда, откуда не возвращаются.

Говорят, чем ближе к передовой, тем меньше атеистов. Не знаю. Может быть. Но как бы там ни было, хочется верить, что наша жизнь не предельна. Бесконечна. Потому что продолжается не только в делах, что остаются после нас уже нашим детям и внукам, но и в памяти тех, кто знал нас. Даже не очно. А вот так – узнал, прочитав эти по-своему бесхитростные тексты, в которых нет ни капли авторской фантазии. Только память.

Память о тех славных временах, когда мы были молоды, в меру (как нам тогда казалось) бесшабашны, в какой-то мере неоправданно беспечны, горды тем, что нам доверили выполнить такое большое и ответственное дело… И счастливы. Правда, тогда мы ещё не знали, что это действительно так. И воспринимали как должное, что тебе прикроют спину, поддержат огнём, не бросят и вытащат… Даже из горящего бэтээра – вытащат.

Может, я заблуждаюсь. Но понять это, думаю, можно только прочитав всё, что идёт дальше после этого короткого авторского вступления.

И мне хочется верить, что найдутся те, кто прочитает. И вместе с автором и его героями разделят их чувства и вберут в себя частичку общей памяти героев этого сборника. Чтобы оставить её с собою. И нести дальше. Уже самому…

Мой взвод

Маленькая повесть

Глава первая. За речку

Меня даже местные в пионерлагере не били. А что? Плаваю я не хуже их. Ныряю лучше многих. Цыпки на ногах к концу смены точно такие же, как и у всей местной толпы. А удочки и яблоки в колхозном саду меня в те времена интересовали значительно больше, чем их девчонки.

Даже местные в пионерлагерях. Что уж там говорить о разных микрорайонах родного города? Да где хочешь и когда тебе вздумается шастать можно. Главное – не выпендриваться сильно. И со своим уставом в их монастырь не залазить. Но и глаза опускать, если какая наглая рожа в них не мигая уставилась, – не стоит. Репа, она у каждого своя, родная, не дядина. И кто кому начистит её до фингального безобразия, в самом начале знакомства кто скажет?

Цыкнул набежавшей слюной сквозь зубы да поинтересовался спокойненько, где бы тут у них лучше пятак на грузило раскатать. И будет тебе счастье. Для начала, конечно, поиздеваются над твоей наивностью. Но к вечеру… К вечеру на всех твоих удочках будут самые лучшие грузила. Свинцовые шарики дроби, без особого спроса позаимствованные новыми приятелями у лично тебе незнакомых, но явно чьих-то отцов-охотников. А через неделю будешь знать все самые классные засидки на километр вверх и на такое же расстояние вниз по течению. От тебя и требуется-то. Не жидиться. Перед тем, как утром тихонечко выбираться из дома, сначала на кухню. Луковицу, пару картофелин и горсть пшена на будущую уху. Соль? Соль тоже не забыть отсыпать в пустой спичечный коробок или, на худой конец, в свёрнутый из газеты небольшой кулёк. И только потом – в сарайку. За удочками.

И будет тебе счастье. Большое и светлое. Только к соседу через плечо не заглядывай. У него точно такое же. Не больше и не светлее твоего. Просто он не любит, когда кто-то на его счастье заглядывается. Кто знает, может, у тебя глаз чёрный?

Всё. Простые, элементарные правила. Не нарушай их. И они сработают. Обязательно сработают. Где бы и с кем бы ты ни был.

Вот и в армии они меня не подвели. Нас же, практически всю учебку поголовно, в Афганистан перебросили. Погрузили сто пятьдесят харь в Чите на транспортный Ан-22 – Антей, восемь часов лёту и вместо зане-

сённых огроменными сугробами почти по самые макушки вечнозелёных лиственниц Забайкалья – чистая посадочная полоса Термезского аэродрома. Вылезай, приехали. Выгружай своё барахло.

А его у нас с собой… Не-ме-ря-но. Три комплекта формы у каждого – само собой. Гордость любого бойца – тельник.

Одно жаль. Полоски на нём… чёрные. Морские… С зелёной краской, что ли, в стране напряжёнка? Ну почему сразу в нормальный цвет не покрасить? Вон, у десантуры, так полоски – голубые. Сразу видно – не абы кто там перед тобой. Войска Дяди Васи. Маргелова. А чем они лучше нас? Да ничем. Ничем! А тельники им – пожалуйста. Вот бы и нам – с родными, зелёными полосками. Знай, мол, наших! Погранцы идут…

Тот самый Хайратонский мост. Опять «за речку». Только уже лето, солнце, без дождя и на броне. Прямо по центру, с лепёшкой в зубах, – Слава Чекун (Жёлтые Воды), правее него – Шурик Чернышов (Кировская обл.) и Фаршид, переводчик с узбекского

Конечно, тельник, берет к нему места почти не занимают и весят немного. Но ведь к ним довеском ещё всё то, без чего, по мнению высшего командования, бойцу – никак. Кальсоны, свитер из верблюжьей шерсти. Такая же шапочка в комплекте с ними. Матрас, тапочки… Даже… кеды. Вот видел кто в армии кеды? Я – тоже. Но в получении расписался. И, ско-

рее всего, они были. Где-то там, в вещмешках, котомках, рюкзаках… Которые – на себе. Носильщиков, грузчиков бойцу по штату не положено, да и по окрестностям как-то не наблюдается. Кран-балка, правда, внутри железного брюха транспортника была. Если верить тому, что на ней написано, – солидной грузоподъёмности. 13 тонн. Да только кто же нам разрешит её раскурочить? Всё на себе, самому. Дотащи, погрузи, выгрузи.

Пока выгрузишь – до самых трусов взмокнешь. Да и после забайкальских морозов то, чем нас Термез встретил… Да курорт просто. На юга прилетели.

– Раздевайся, пацаны. Загорать будем. Кто в географии силён? Тут, говорят, южнее Сочи. Вот только моря нет. Жалко…

– Жалко, оно, боец, у пчёлки. А вам построиться в шеренгу по два и вон туда. Видишь коробку КПП? И ворота рядом. Видишь?! Тогда – что стоим? За мной, хлопчики…

Вот так и встретили нас. Чтобы уже следующим днём воткнуть в очередную колонну, идущую за речку с грузом зерна и боеприпасов…

Из кабины, благодаря включённому на всю мощь приёмнику, было слышно, как Пугачёва удивляется по поводу того, что «старинные часы ещё идут». Нет, ну надо же, засранцы какие… Идут всё-таки!

Это была последняя песня, которой со всеми нами прощался Союз, надолго оставаясь где-то там. За спиной…

А когда въехали на Хайратонский мост, вдруг неожиданно пошёл совсем не зимний, мелкий, грустный дождик. И кто-то, посмотрев на покрывающуюся тёмными расплывающимися пятнышками шкуру брезентового тента, вдруг негромко сказал:

– Это к счастью… Пацаны, дождь – это к счастью. Пусть они там хоть обсерутся все. Мы вернёмся. Мы все обязательно вернёмся!

Глава вторая. Знакомство

Вот так мы и очутились в Ташкургане. И там нас ждали. Ещё как ждали. С нетерпением. Приказ о демобилизации очередного срока призыва ещё в ноябре подписан. Декабрь на дворе в полный рост встал. А кто заменит «дедушек», которые уже совсем и не «дедушки»… «Квартиранты». Сроки службы-то все уже давно вышли…

Вышли – не вышли, то отцам-командирам фиолетово. Кто ж «квартиранта» на гражданскую волюшку отпустит, когда каждый из них ещё смену себе подготовить должен. И качественно подготовить. Командир, он ведь тоже – живой. И по неопытности одного из бойцов переходить

в категорию мёртвых, оставляя молодую офицерскую жену вдовой, ему ох как не хочется… Тем более, если ты не просто командир, а командир взвода разведки.

Тут уж… Грудь в крестах. Про другой вариант – не надо. Не должно его быть. И не будет. Если ты, конечно, на все сто процентов уверен в надёжности тех тринадцати, что у тебя под началом. Только они… В какую сторону не кинь на многие километры кругом – только они на боевом выходе тебе спину прикрывают. Других не будет. Пока там ещё основные силы манёвренной группы подтянутся. До этого ещё дожить надо. И будет ли шанс этот – дожить – от тебя и твоих бойцов зависит. На Бога надейся…

Потому каждому «квартиранту» надо из нового пополнения не просто замену найти. А реального пацана за хобот схватить. Да так крепенько схватить, чтоб не вырвали конкуренты ненароком. Им же тоже желательно… Чтобы у молодого не только масло в голове было. Но и руки у него – не граблями. И приделаны к тому месту, к которому надо. А ко всему этому ещё и командир чтобы на сменщика глаз положил. И не просто положил, а с симпатией. Нет, поцелуев там или аплодисментов громких и продолжительных – не надо. Достаточно, если старшой что-то про «годится» себе под нос пробурчит. Вот тогда всё. Начищай свой значковый иконостас, пакуй вещички и жди, когда очередной борт на Союз пойдёт.

Но для того чтобы этот желанный момент приблизить… Сейчас схватить надо. Быстро, но крепко. Да не абы что…

Вот так. Я и мявкнуть не успел, как стал наводчиком крупнокалиберного пулемёта имени товарища Владимирова. Вернее, ещё не стал. А только достался. Тому «дедушке», которого за год до меня другой «дедушка» заграбастал. Тот, который наводчиком был. Ну и мой стал. Им же. И мне – то же самое в перспективе светило. И высветило. Со временем. Потом. А тогда суровые будни начались. Это когда в ученье тяжело.

Так что первые дни мне вообще некогда было по сторонам смотреть. Ну а потом как-то подустаканилось всё, вошло в колею. Начал я не только лычки на погонах, но и лица как-то различать.

В общем, через неделю где-то смотрю… Что за чудо-юдо такое? Годок мой. Такой же «фазан». Птица большая, но глупая. На «Витёк» запросто откликается.

Но хоть и годок, а не наш. Не забайкальский. Нам же перед отправкой форму выдали… Лучше, чем у американских рейнджеров. Первые дни от нас даже «дедушки» в ужасе шарахались. Думали, какой-то специальный спецназ им на смену прислали. Потом-то, конечно, поняли, что к чему. Да и форма как-то потихоньку растворилась в части, разошлась по рукам,

как бы опер не зверствовал и не пугал «дедушек» загорбаченным дембелем, если найдёт у кого что-то из забайкальского комплекта.

Так что через неделю нас невозможно было отличить от сменяемых «дальневосточников». Рожи у всех одинаково красные, форма – в меру выгоревшая, примерно одного смешанного фасона.

А вот пополнение, что ещё раньше нас пришло из Краснознамённого Среднеазиатского пограничного округа… Афганская граница – это же их зона ответственности. Ну и нечего тогда за нашими спинами отсиживаться. Азиаты и не отсиживались. Слали своих бойцов. Почему-то преимущественно украинцев. В Ташкургане их хватало. И все при делах. Как и мы, готовились менять «дедушек». Каждый за кем-то, но закреплён. А Витёк – нет. Ничейный как бы.

Вечно курсирует между блиндажом и кухней в своих широченных галифе. Откуда только в Среднеазиатском округе такая форма? Может, сохранилась на складах ещё с тех времён, когда красные кавалеристы гоняли басмачей по пескам Туркестана? Завезли с запасом, вот она и долежала до Витька со товарищи…

На башне нового бэтээра, полученного взамен старого, с бортовым номером 167, подбитого 03.05.1983 г. в кишлаке Акча. Слева Шурик Чернышов, справа Коля Пилепчатин (Ворошиловградская обл., Витёк). Вот таким, с простодушной, чуть удивлённой и неизменно улыбающейся физиономией, Витёк и был…

Так что по форме, с уже порядком засаленными от вечного дежурства по кухне или блиндажу карманами и задницей, Витька достаточно легко было отличить от всей остальной толпы. Да ещё по простодушной, чуть удивлённой и постоянно улыбающейся физиономии. Хотя, если честно, то улыбаться вообще-то было нечему. Одно дело, когда ты чей-то. Конечно, от своего сменяемого тоже достаётся. Но кто другой тебя уже мало интересует. Если что, так ему его же годки сразу: «Стоять. Посади, где оно и росло! Не видишь, что ли? Так зенки-то открой и спички в них вставь. Чужое!»

А когда ты ничей… Каждый сильный тебе господин. И даже слабые. Особенно, если их двое. Кто ни попадя считает своим святым долгом чем-нибудь, но озадачить тебя. А чтобы ты понимал важность и ответственность поручения, норовит ещё и пендель хороший отвесить под пятую точку. Для ускорения. Крутись, боец!

Витёк и крутился. Но не унывал. Да и сам посмотришь на его улыбающуюся рожу и тоже… Взбодришься малость. Особенно под вечер, когда так умудохаешься, что никаких мыслей в голове, кроме одной. Про то, что упасть бы да соснуть минуток так… Сот несколько. Для начала хотя бы пятьсот.

И вот такой… Неунывающий, заводной, с вечным шилом в одном месте. И – ничей? Никому из «дедушек» и «квартирантов» не нужный?.. Странно, однако. Особенно, если подумать.

Но думать-то как раз и некогда было. Тем более, что лишние мысли, они бойцу как бы и ни к чему. От них вечно какая-нибудь бяка потом вылезает. Правда, в тот раз бяка совсем не оттуда прилетела.

Глава третья. Витёк-пулемётчик

Перед самым Новым годом ду́хи с завода по производству минеральных удобрений в Мазари-Шарифе родных, советских специалистов выкрали. Нас и подняли по тревоге.

Праздник медным тазом накрылся, это и не полбеды даже. А вот то, что загорбатился дембель «дедушкам», ни один из которых не успел уехать… Вот это уже серьёзно. Правда, прошёл слух, что дембелей увольнять будут прямо с операции. Может, зная это, взводный и принял соломоново решение – взять с собой всех. Больных, хромых, убогих. И Витька.

Сунули ему в зубы усовершенствованный под малоимпульсный патрон 5,45 ручник… Ручной пулемёт Калашникова. И запихнули в БРДМ – бронированную разведывательно-дозорную машину на базе боевой машины пехоты.

А на бээрдээмке чего только не было установлено. Лазерный дальномер и радиолокационная станция в башне – это только цветочки. Если верить её механику-водителю, то машина по заданной программе могла идти самостоятельно, на автопилоте. Даже ночью. Без каких-то опознавательных или сигнальных огней. Достаточно было включить специальную аппаратуру, и теоретически БРДМ сама могла вернуться на базу. Лишь бы движок и ходовая были в относительной норме. К экипажу таких требований уже не предъявлялось. Им бы только до базы дотерпеть и продержаться, пока тех, кто дотерпит, вертушками в Союз, в госпиталь, перебросят.

Может, и врал, конечно, водила, но кроме трёх мест штатного расчёта в носовой части бээрдээмки было ещё и четвёртое. Для штурмана.

В центральную же часть машины, там, где десантное отделение, тоже понапихали всякого разного. Для начала – специальную аппаратуру для прямой связи с Москвой. И не только с ней. А чтобы это можно было сделать из любого места и вне зависимости от времени суток, на корме БРДМ выдвигалась огромная телескопическая штыревая антенна. В качестве источника питания для этой аппаратуры, опять же в десантном отсеке, был установлен двухтактный двигатель для выработки электроэнергии. Что-то типа карбюраторного генератора.

В результате свободного места в машине осталось… Шиш да ни шиша. Если в стандартный десантный отсек по штату нормально влазит шесть стрелков, а при необходимости их можно уплотнить на как минимум вдвое большее количество, то в нашей бээрдээмке, при самом хорошем раскладе, помещалось только двое. Каждый из которых еле-еле втискивался в тот небольшой металлический гробик, что ещё оставался свободным между аппаратурой, двигателем её питания и бронёй машины. Сам втискивался. А оружие? Ладно, автомат там. Но у Витька же в зубах не он, а ручник был.

И хотя РПК это почти тот же автомат Калашникова, но «почти» и «то же самое» – не близнецы-братья. Усиленная ствольная коробка пулемёта, повышенная прочность узла запирания – это ещё ладно. Прицел с возможностью введения боковых поправок – тоже не так серьёзно. А вот утяжелённый и удлинённый, по сравнению с автоматом, ствол, на котором, между прочим, ещё и щелевой пламегаситель имеется, делает всю эту стрелковую конструкцию несколько более масштабной. Плюс складные сошки под стволом, придающие ему дополнительную устойчивость при стрельбе. И попарно связанные, для увеличения ёмкости, удлинённые рожковые магазины, по 45 патронов каждый.

А если всё это да вместе. В одном флаконе… Достаточно громоздкое

сооружение получается. Конечно, более элегантное, чем пулемёт Калашникова, но… Но Витьку от того легче не было. Если автомат можно было положить на колени или приспособить между ними, то для РПК в качестве возможного оставался только один вариант. Последний. Между коленями. Тут удлинённый ствол ручника со своим пламегасителем и вылез. Как в переносном смысле, так и в прямом. Вылез в верхний десантный люк и встал намертво. Не хочу, мол, вниз. В этот душный и загромождённый всякой ерундой отсек. Ему, оказывается, и тут хорошо. Он, видите ли, свежий воздух любит.

Так Витёк и ездил с высунутым наружу стволом. Все две недели, пока мы безуспешно искали похищенных специалистов по ущельям Гиндукуша, вступая время от времени в короткие, но ожесточённые стычки с духовским арьергардом. Они стреляют, мы, не менее приветливо, отвечаем. Мы стреляем, они отвечают. И так – всё время.

А через две недели нас, измотанных, злых и голодных, отводят на отдых и дозаправку к Мазари-Шарифу. И только приходим на базу, как тут же, моментально, солдатский телеграф не отстучал, голосом передал приятную для «дедушек» новость. Мол, с утречка придут вертушки и их всех… Всех до единого в Союз перебросят. Ну а нам завершать операцию предстоит уже одним. Без бывалых, опытных и мудрых. Да ладно. Как-нибудь сами, на простой, если гербовую завтра отнимут. Тем более, когда оно ещё будет. А сегодня…

А сегодня вечерком это дело можно бы и отметить. У нас есть что-то для прощального праздничного ужина? Да даже если и нет, то кто сказал, что к вечеру не будет?! Народ и зашевелился…

И в течение дня, незнамо откуда… Послал нам Бог. Правда, не сыра. Немного картошки, приличный кусочек сала, с пол-литра подсолнечного масла. А противень… Огромный такой протвешок. Еле-еле в кормовой десантный люк бэтээра влазил. Не иначе, где-то на прочёске «дедушки» прихватили. И вот это чудо афганской кухонной посуды уже две недели с нами ездит. Без какого полезного применения. Непорядок. Вопиющий!

Надо бы его… Устранить как бы. Тем более картошечка, маслице, сальцо… Вот они. Родненькие. Только днём и заводиться не стоит. Оголодавших… Комариная туча сразу же набежит. А нам что? Облизываться после них? Дураков нет. Вот стемнеет…

Еле-еле дождались. Уж так жареной картошечки хотелось. Да с сальцем… Но для разведки выдержка – тоже не последнее дело. Дождались. Стемнело.

Чтобы самое высокое начальство ничего не заподозрило, поставили бээрдээмку и БТР рядышком, между ними протвешок на кирпичиках

установили. Костерок развели. Взводный двух своих друганов «кадетов» пригласил. Ну и мы, почти все. Сидим кружком, ароматы аппетитные вдыхаем. Самые нетерпеливые уже ложки облизывают.

Ночь. Чёрное, высокое и звёздное афганское небо над головой. И на его тёмном фоне, невдалеке – более светлым – стройные силуэты минаретов знаменитой Мазари-Шарифской мечети. С которых, только прорежет восток красная ниточка восхода, запоют непонятно муэдзины, нарушая чуткий сон неправоверных бойцов. А пока тихо. Изредка кашлянёт негромко кто-то из усевшихся в кружок у противня. Да время от времени раздастся из бээрдээмки мощный всхрап, с последующим переливчатым посвистом. Витёк. Он как-то остался в стороне от всеобщего праздника жизни, по-своему здраво рассудив, что только сон, он один, приближает воина к увольнению в запас.

Ну а мы как-то не стали его переубеждать. Да и картошки не так много. Ещё и двое «кадетов» на хвосте. Меньше рыл – больше порция каждому из оставшихся.

И почти весь взвод – в предвкушении. Вот этой, большой порции… Расслабуха – полная. А что? Пусть и не у Христа за пазухой. Даже не на своей базе. Но всё-таки – не в горах. Пусть и у соседей, но на базе. У них же, наверное, как и у нас? Мины. Колючка. Посты, на которых народ не дрыхнет. Стойко переносит тяготы и лишения…

Благодаря чему мы вот тут, сейчас… Как там картошечка? Не подгорит? Может, уже того? И ложки в ход пора запускать?.. А то слюной уже не то что захлебнуться, в ней утонуть можно!

Как вдруг… Да-да-да-да! Пулемётная очередь. Все сорок пять патронов из удлинённого… Между прочим, удлинённого для увеличения ёмкости рожкового магазина! Все сорок пять патронов, каждый второй из которых – трассер, в одно мгновение вылетают в тёмное и тихое афганское небо.

В бывшее тёмным и тихим до того как. Потому что тут же, ещё до того, как, располосовав огненной бритвой чёрный ночной атлас, куда-то в сторону минаретов ушёл последний трассер… Тут же с испугу – наверняка тоже не спали – куда попало начинают стрелять сарбозы. Которых вообще-то старались близко не подпускать к нашим позициям, но всё равно доблестные бойцы апрельской революции имели дурную привычку жаться к советским частям как можно плотнее. Может, им от того теплее было?

Нам-то от такой пальбы не то что тепло – жарко стало! Какая, к чертям собачьим, картошка, когда на тебя накатывает особист в одних кальсонах. А за ним все офицеры опергруппы:

– Кто стрелял? Куда попал?!

– Не попал, старался слабо…

А у дембелей одна мысль:

– Всё. Утром – никаких вертушек. Загорбатился дембель… Кто? Какая сволочь?!

Среди всего этого гвалта и суматохи если кто и оставался спокойным, так это только один человек. Витёк. Надо было видеть его кристально честное, с лёгким недоумением лицо, когда он предстал пред светлы очи взводного после того, как за шкварник мухой был вытащен из бээрдээмки тяжёлой дембельской рукой:

– Приснилось, товарищ старший лейтенант. Ей бо, приснилось. Будто дýхи меня за шкирку и… И тянут из бээрдээмки. Вот как товарищ сержант сейчас. Только у него бороды не было. А у духа – во-от такая!

– Страна…

Это у Витька фамилия такая была. Как раз под него заточенная. Мол, у нас Страна одна. Это боец такой во взводе разведки.

Вот взводный ему и говорит… На пределе всех своих душевных сил, но спокойно так говорит. Пока спокойно.

– Страна… Прежде, чем в духа стрелять, ручник с предохранителя снять бы не мешало. А для того чтобы это сделать… Надо проснуться для начала. Но если ты проснулся… Увидел, что никаких дýхов в помине нет. Какого? Вот какого чёрта снимать пулемёт с предохранителя и стрелять в белый свет, как в копеечку?! Ночью. Трассерами. Да ещё и в расположении части? А?!

И тут выясняется, что этот ухарь даже не думал ставить пулемёт на предохранитель. А зачем?!

«Зачем»… Да ещё бэтээр из ворот шахского дворца не выехал, а у каждого… У каждого всё должно быть взведено и дослано до упора. Чтобы первый патрон в любом магазине уже начал в соответствующем патроннике обживаться. И чувствовал себя там полным хозяином. Потому как, если вдруг что, так затвором клацать – некогда. Это ж ещё старшина Васков сказал когда-то – «те самые секунды, за которые потом до гробовой доски поят».

Только тут… Сам же затвор передёрнул, чтобы сэкономить секунды, на которых потом, возможно, вся твоя жизнь держаться будет. И что получается? После каждого боевого сам себя до полного одеревенения поить должен? Да так до дембеля и спиться недолго.

А Витёк… Ну не понимает человек! «Зачем»?

После такого искреннего недоумения у взводного даже сил орать не осталось. Да и как можно? Старлей только рукой махнул. Но нам и это-

го было достаточно. Пулемёт у Витька окончательно и бесповоротно отобрали. Мол, нечего, себе дороже. Кого – от греха, а этого товарища – от оружия подальше. Всё, ничего, кроме котелков, ему в руки не давать. До самого дембеля. И решение наше – твёрдое. Как сказали, так оно и будет. До самого дембеля!

Витька, правда, такой поворот как-то не сильно и расстроил. Ну котелки, так котелки. А мы… Мы даже не подозревали, как сильно ошибаемся насчёт своего твёрдого решения.

Глава четвертая. Витёк-гранатомётчик

Где-то к майским... Ну да, в самом конце апреля. Никто ничего не говорил. Приказ перед строем не зачитывали. Командир манёвренной группы с трибуны речь не толкал, ну а мы, естественно, не аплодировали. Но…

Это как перед грозой. Ещё небо не потемнело. У листвы на тополях даже в мыслях не было тревожно шелестеть. И ветер не закручивал спиралью разный лёгкий хлам, чтобы, подняв его невысоко над землёй, поволочь незнамо куда и там бросить. А потом снова закрутить спиралью, поднять, поволочь, бросить…

Ещё нет ничего, а мать уже точно знает – будет гроза, и кричит тебе, чтобы срочно снял сохнущее во дворе бельё.

Вот и тогда, в самом конце апреля… Никто ничего не говорил. А всем сразу стало понятно – надо собираться. Предстоит что-то серьёзное. Скорее всего – засада. Но не простая, когда не знаешь, что с этим якобы тебе в помощь приданным сарбозом делать. Не-ет. В тот раз сарбозом даже не пахло. Засада намечалась с ХАДом. Афганской службой госбезопасности.

А хадовцы – такие ребята. Не чета сарбозам. В госбезопасность афганцы кого ни попадя не брали. Только проверенный народ. Тех, у кого личный счёт к ду́хам. Кому есть что им предъявить. Либо вырезанную семью. Либо сестрёнку с отрубленной правой кистью. Мол, нечего ей в школу ходить. А если не передумает, так смотри… Вернёмся, и с левой кистью то же самое сделаем.

Но месть это такое блюдо… Которое желательно подавать холодным. А когда у тебя родная меньшая сестрёнка-красавица, да с отрубленной кистью перед глазами… Будешь ты ждать, пока оно остынет?! В такой ситуации от хадовцев можно ожидать чего угодно. Им бы до врага добраться. Да в горло ему вцепиться. А что потом будет… Уже не интересно.

Это им не интересно. А нам – звыняйте. Желательно не только поставленную задачу выполнить, но при этом хорошо бы ещё и башку на плечах сохранить. Но если с этими хадовцами что наперекосяк пойдёт, так основные силы манёвренной группы только часа через два на подходе будут. Не раньше. И пока они подтянутся, надежда только на руку друга и ту пару гранат, которая всегда должна впереди тебя идти. А рук во взводе не так уж и много. Но каждая из них – надежда.

Вот и решил взводный ещё раз попробовать. И заточить Витьковы руки ещё подо что-то. То, от чего в бою больше пользы, чем от солдатских котелков.

Решил взводный сделать из Витька гранатомётчика. Но не первого номера. Второго. А то, не приведи Господь, опять приснится что Витьку в засаде… Он и нажмёт на курок. А вот и нетушки. Второй номер у гранатомётчика на курок не нажимает. Он даже гранатомёт в руках не держит. Его хозяйство – это сумка такая специальная. В которой гранаты. Или, как их называют, «выстрелы». Этот «выстрел» второй номер расчёта должен быстро и умело вставить в ствол ручного противотанкового гранатомёта. И, самое главное, не забыть сдёрнуть с выстрела специальный предохранительный колпачок. Иначе полетит во врага не кумулятивный или осколочный снаряд, а простая болванка.

Вот и все обязанности второго номера. Поднёс выстрел, колпачок сдёрнул, вставил снаряд в гранатомет. Всё. Остальное – это уже первый номер. Занял позицию, прицелился, выстрелил. Вроде бы и при деле Витёк. И вреда от лихого разведчика не должно быть никакого.

Всё взводный прикинул, взвесил, учёл. И решил. Витёк и стал вторым номером расчёта ручного противотанкового гранатомёта. Но ненадолго. До первой стрельбы.

Рано утром ещё котята-мышата не умывались, а мы с базы в сторону гор выдвинулись. У нас там, в ложбинке, было что-то типа пристрелочного полигона. С одной стороны – не на виду у всей афганской толпы. С другой, если на возвышенности поставить пару бэтээров, то ни одна вражеская собака незамеченной не подберётся.

А вот с крыши шахского дворца – основного строения базы мотоманёвренной группы – ложбинка просматривалась очень даже прилично. Так что начальство, при желании, могло без каких помех и с некоторыми удобствами, например, на стульчике, контролировать процесс освоения подчинёнными науки побеждать.

Ну выехали мы, значит. Встали как положено. Взводный на башню БТРа взгромоздился, командует по рации – кому, куда, из чего стрелять. На крыше шахского дворца видно – начальник опергруппы. Контролирует

процесс. Любуется, как разведка точными выстрелами разваливает валуны седого Гиндукуша.

Всё по плану. Сначала снайпера отстрелялись. Потом пулемётчики. За ними мы, наводчики. Дошло дело до гранатомётчиков.

Первый номер, Вовка Ефремов, выдвинулся на позицию. Всё как положено. Встал на одно колено, второе – выдвинул чуть вперёд. Упёр в него согнутую в локте левую руку. Кистью обхватил ударно-спусковой механизм. Нашёл цель, навёл на неё трубу гранатомёта…

Далеко. Так-то не слышно, но не трудно догадаться, что там Вовка командует:

– Снаряд, салабон!

И Витёк. Летит. Голубь сизокрылый. Даже не спотыкается в своих развевающихся галифе, нахлобученной каске и с автоматом через плечо.

В начале мая ночи в предгорьях Гиндукуша ещё холодные. Иногда только тулуп и спасает. Справа – Вовка Неверов (Воха, Хакас, Железный человек, старший стрелок, кавалер ордена Красной Звезды, г. Абаза, Хакасия)

Подлетел. Предохранительный колпачок снял, «выстрел» в ствол гранатомёта вставил. И… Нет чтобы присесть рядом, чуть правее первого

номера. Ну так как оно положено и прописано в наставлении по стрелковому делу.

Нет! Это чудо зачем-то отбегает назад и садится метрах в двух прямо под раструб казённой части гранатомёта. Как раз туда, куда будет направлена вся дурная сила пороховых газов, отходящих при выстреле гранаты.

Взводный, как только это увидел, чуть тангету переговорного устройства не проглотил. В момент скатившись с бэтээра, понёсся к позиции гранатомётчиков… А орал так, что на крыше шахского дворца, верняк, слышно было:

– Отставить, Ефремов. Отставить! Прекратить стрельбу!

Куда там. Вовка, он же из Хакасии. Мелкий, но упёртый… Встал на рельсы – всё. Вперёд, до полной и окончательной победы коммунизма. И никакой силой не остановить его. Не сбить с намеченного курса. Только если термоядерным взрывом.

Цель Хакас зацепил, не отпустит. Выстрел. Ш-ш-ша-а. Пошла граната. Полетела, родненькая. Вперёд. К цели.

Сзади… Пыль столбом. Витька приподняло… Раза два крутануло его вокруг своей оси. Ремешок у каски порвался. Она – в одну сторону. Витёк – в другую. Все к нему. Бегут, орут.

Начальство тоже по крыше… Туда-сюда. Суетится. В воздухе явно пахнет палёным. Вот-вот матюги по рации на наши головы посыпятся.

Первым к Витьку добежал взводный. Естественно. Он же раньше нас всех стартанул. Мы-то уже потом… Так что видим только, как потихоньку оседает поднятая отходящими пороховыми газами пыль, и сначала мутно, потом чётче и чётче проявляются фигуры Витька и схватившего его за плечи взводного. Который вцепился в уже – понятное дело! – несостоявшегося гранатомётчика и трясёт его. Трясёт…

Фу-уу… Живой, значит, второй номер гранатомётного расчёта. А то бы точно… не сносить взводному головы за такую небоевую потерю на родном стрельбище в двух шагах от базы. Вся офицерская жизнь – насмарку.

Видно, то же самое и взводный понял. И спёрло от радости в зобу. А может, просто все слова забылись. Но если верить Хакасу, он же ближе всех к месту событий стоял, всё слышал… Так Вовка потом рассказывал, что взводный даже фамилию Витька забыл. Знай, трясёт его и орёт:

– Витя. Витя! Ви-и-итя!!

А потом:

– Козёл. Козёл! Козё-ё-ёл!

И снова:

– Ви-итя-аа…

А тот стоит себе, честно смотрит на взводного своими плутоватыми серыми глазищами и тоже – только одно талдычит:

– Нэ чую, товарищу старший лейтенант. Не слышу… Ничего не слышу, товарищ старший лейтенант! Ничего…

Не судьба была стать Витьку гранатомётчиком. И вернулся он к исполнению уже привычных для него обязанностей вечного дежурного по кухне.

Что интересно… Вот то, что под самое завершение их не очень многословного разговора взводный ему про кухню и вечное дежурство от всей души в сердцах упомянул, так Витёк и оглохшим услышал.

Но всё вечное, оно только до какой-то черты такое. А потом раз. И выясняется, что даже вечный двигатель и тот… Останавливается.

Глава пятая. Витёк-чаччист

Месяца через два у нас взводный сменился. А к концу лета началась крупная операция. Которой, хочешь не хочешь, но как-то руководить надо. И обычно это делается из штаба. А у штабных – свои тараканы в голове. Они ж, если какая крупная операция намечается, без гостей… Даже если им и очень хочется, всё равно – не могут. Вот никак без гостей не могут.

И такая у штабных примета верная: чем крупнее операция, тем гости солиднее.

В тот раз москвичей ждали. Ну они и не подвели. Приехали. Не всё же в мягких столичных креслах форменные штаны протирать да в разных специальных взрослых раскрасках стрелки рисовать. Исключительно красным или синим цветом. Ну и повод как-никак. Потом по друзьям-знакомым, а иногда и перед вышестоящим начальником отличиться. На боевых, мол, побывал. Это вам, пацаны, не хухры-мухры. Иногда бывает, что и стреляют.

Но с этим «стреляют» тоже не всё так просто. Москвичи ж такие ребята… Не простые. В горы там или пустыню в гости не поедут. Ну а если там ещё и стреляют… На фиг надо.

Потому операцию мы проводили неподалёку от Амударьи. Вечером, если было время посмотреть в ту сторону, так можно было увидеть, как ташкентский состав на Душанбе пылит. Чух-чух… Когда ветер с севера, так иногда даже казалось, что слышно, как вагонные пары по рельсовым стыкам свою вечную и такую мирную песенку выстукивают. «Тук. Тук-тук.

Тук». А в хорошую оптику прицела иногда можно было высмотреть лица отдельных пассажиров.

Конечно, хотелось бы, чтобы девчонок среди них побольше было. Но это уж кому как повезёт. У меня так вечно… Хорошо, если одну-две мужских рожи увидишь. И то так, расплывчато и мельком. Пацанам вроде как больше везло. Но пойди проверь. Точно видели или так, для красного словца приврали?!

А территория эта была под какими-то туркменскими племенами. И хоть они тоже мусульманами были, но, в отличие от других провинций, женщины у них паранджу не носили. С открытыми лицами ходили. Да и посмотрел бы я, как эти туркменские мужики на своих жён и дочерей эту самую паранджу надевали бы. У них же женщины на голову… Это как минимум. А то и на две головы выше своих якобы сильных половинок. И крупнее. Ну и вели они себя соответствующе. Такое впечатление складывалось, что у них там полный матриархат.

Подходим к кишлаку. Блокируем его. И ни разу… Ни разу такого не было, чтобы из кишлака нам навстречу мужики вышли. Нет. Только женщины. Обычно трое. Все высокие, статные, в больших красных тюрбанах на голове. И сами – во всё красное одеты:

– Шурави… Стрелять, кишлак прочёсывать – не надо. Наши мужчины не воюют. Скажи – где? Когда тебе надо? Все мужчины там будут.

И точно. Не воевали. Хотя местность для войны очень подходящая. Озёра, в которых рыбы… Навалом просто! Арыков понакопано… До фига. А где воды много, там не только бахчи, огороды. «Зелёнка» – почти сплошняком. Воюй, не хочу.

Но эти туркмены, видно, действительно не хотели. Не воевали. И мы этим частенько пользовались. Чтобы сбить духов с толку, отдышаться чуть, ну и заодно помыться-побриться да какого горячего варева похлебать, отойдём к Амударье да переждём денёк-другой. Ну а потом с новыми силами... За потерявшими нас из виду ду́хами гоняться.

В этом самом районе та крупная операция и проводилась. А что? И москвичам хорошо. На боевых побывали. И у нашего начальства голова почти не болит. Шанс, что кого-то из гостей подстрелят, минимальный.

Вот только… Ну что за народ эти столичные? Не дождаться, пока в Москву вернутся. Нет, вот прямо тут, с места надо в белокаменную позвонить и отчитаться перед дражайшей супругой и детками… Мол, в порядке всё. Пули свистят, мины взрываются, но я живой-здоровый и ду́хи – отступают. Ещё немного, ещё чуть-чуть, мы победим и я вернусь. На какой-нибудь импортной беленькой машинке с телевизором «Шарп» и видеодвойкой «Сони» на заднем сиденье.

А после деток не мешало бы ещё и московскому начальству в жилетку поплакаться о том, что жарко. Мухи, хорошо, хоть не це-це. Зато желтуха… Но несмотря на объективные трудности, кто и как там, московский гость, конечно, сказать не может, но вот лично он – стойко переносит мух, жару, желтуху, плохо прожаренные шашлыки и всеми фибрами своей души – за светлое будущее братского афганского народа.

И чтобы всё это можно было в любое время дня и ночи… Как только у кого в одном месте береста загорелась. Для этого в нашей бээрдээмке специальная аппаратура связи стояла. Захотелось – взял и позвонил. Хоть в Кремль, если у тебя в книжке номерок какой секретный записан. Звони, дорогой, чувствуй себя как дома.

Источником питания к этой хитрой и востребованной московскими гостями аппаратуре был небольшой двухтактный карбюраторный движок-генератор. Вот новый взводный и решил, что нечего тут Витьку с котелками по части шастать. Раз на боевые едет…

А Витёк, между прочим, ни одного боевого выхода не пропустил. И от службы не отлынивал. Тянул её вместе со всеми. Вместе, и почти так же, как и все. Почти. Но самую чуточку – не так. Что тут сделаешь? Он ведь боец старательный и всё, что приказано, сделает. А вот если по итогу результат будет чуточку не такой, каким он вообще-то должен быть. Так эта «чуточка», как правило, самого же Витька по балде и стучала. А он от того, ничего… Не унывал. И нам унывать не давал.

В общем, новый взводный решил, что всё должно быть по-новому. Не так, как до него было. Оно и понятно. Лейтенант молодой, почти сразу после училища. Энергии ещё… Ядерный боезапас просто. Его бы в мирных целях… Цены б ему не было. А тут Витёк неприкаянный с котелками на глаза взводному попался. Он и решил, что не дело это, когда боец есть, а хорошей воинской специальности у него – нету.

И стал Витёк мотористом. Вернее, не совсем мотористом. Нет, в военном билете ему, может, именно эту учётную специальность и записали. Но в части на сленге боец, обслуживающий эту бензин-генераторную установку, проходил как «чаччист». Её ж только заведи… И если бээрдээм не в укрытии где, а на открытой местности, движок ка-а-ак запоёт… В ритме того танца, который когда-то наши папы с нашими мамами отплясывали. Ча-ча-ча, ча-ча-ча. Да так отчётливо, громко. Если даже и были в округе какие ду́хи и бараны до запуска генератора, то после этого их в момент как ветром сдувало. Так что «чаччист» – ещё та специальность. И боец, её освоивший, не просто воин, а гроза всех ду́хов Афганистана.

Ну и Витёк к новой специальности – со всей ответственностью. Для начала взял, разобрал движок. Дело, конечно, похвальное. Изучить вверенную тебе матчасть до последнего винтика, конечно, обязательно надо. Взводный на это дело не нарадуется. Тем более, что при сборке у Витька никаких лишних деталек не осталось.

Только смотрим… Что-то зачастил Витёк по соседним блиндажам. Ну мы у мужиков и начали выведывать – и чего это наш голубь сизокрылый у них забыл. Да ничего, говорят, не забыл. Большая шорная игла ему зачем-то нужна. Валенки, что ли, подшивать собрался? Странный, мол, он у вас какой-то. Валенками в конце августа заниматься… Зачем? Приказа на то никакого не было. Да и откуда он у вас вообще валенки надыбал?

Действительно… Откуда? Мы и припёрли этого пионера-поисковика к стенке. Уже в своём блиндаже:

– Витя, что за фигня?

Оказалось… Этот новоявленный моторист при сборке вверенного ему агрегата топливную иглу куда-то засунул. И найти её никак не может. Нет иглы. Растаяла и испарилась под жарким афганским солнцем. Но шорная… Очень на неё похожа. И если надфилем сделать вот такие вот насечки… Богата русская земля на таланты и самородки. Кулибин, понимаешь…

С другой стороны, нельзя, чтобы у молодых пропала вера в божественность происхождения «дедушек». Витёк-то… Ну, как и все мы. Не фазан уже.

Пришлось попыхтеть. По-тихому годков поднять и тщательный чёс по окрестностям провести на предмет топливной иглы. Хорошо, у Вовки-хакаса землячок в полку десантников был. Через их зампотеха нашли иглу. Магарыч, само собой, пришлось проставить. Минтаем в масле. Двадцать банок отдали. Почти полная коробка. Дорого нам эта игла обошлась. Но честь – дороже!

Воткнули мы эту иглу на место, движок собрали и строго-настрого… Строго-настрого Витьку наказали, чтобы больше тот агрегат… Ни под каким соусом не трогал. Ничего не крутить. Не разбирать. Дуть на него и то – ни в коем случае. Только в сторону.

Глава шестая. Обрыв связи

Еле-еле успели всё. Генератор этот наладили. Сухариков чёрненьких насушили. Картошку в десантный отсек загрузили. Масла подсолнечного у узбеков на кухне под дыни будущего урожая выменяли. Только-только всё сделали, команда – «на выход».

Мы и вышли. И шло всё, как обычно.

Кто-то старательно считал старые охотничьи ружья времён товарища Бердана и англо-бурской войны, отчитываясь за них, как за захваченные в ходе операции душманские стволы, а мы… Ну а мы встали так, чтобы начальству глаза не мозолить. Чуть в сторонке. Чтобы не на виду. Но так, рядом. Мало ли, спасать кого понадобится.

Но это – если понадобится. И тогда, когда горнист «тревогу» сыграет. А сейчас… Арычок рядом с бэтээром желателен. Хоть конец августа и уже и не пекло, но всё равно… Жарко! Реально жарко.

Окунуться, пока начальство не видит… Хорошо! А ещё лучше – переплыть на другую сторону арыка, подняться по его невысокому, но крутому, осыпающемуся под ногами песчаному склону. Выбраться на противоположный берег, а там… Вот она. Бахча. И пошёл переступать через уже начинающие подсыхать плети. Похлопывать, стучать, осматривать, нюхать:

– О! Вот этот. Плеть уже почти высохла.

Точно, пару раз крутанул арбуз вокруг своей оси, он и оторвался. Такого кабанчика в руках не потащишь…

– Ну что? Покатили?

– Стоп-стоп-стоп! А дыньку? Что, потом по новой на эту сторону плыть?

– Ну дыньку так дыньку…

Хорошо, арык большой. Глубокий. Течение приличное. Остатки трапезы если не утонули, то уплыли куда-то по направлению к Амударье.

– Ну что? Послеобеденный сон с перерывом на дремоту?

– Святое дело…

И только мы хорошенько так умостились в бэтээре… Только-только расслабуха пошла и кемарить начали, как опаньки – мы не ждали вас, а вы припёрлися!

Если не на весь Афган, то на большую часть провинции – точно. Крик. Витьковым голосом:

– Мужики-и!!

Глаза моментом на пять копеек открылись. Смотрим – точно, взъерошенная Витькина голова в кормовом десантном люке.

– Мужики, выручайте. Масла случаем нет? А то у меня какой-то московский начальник… После шашлыков, наверное. Сытый и довольный, вот уже полчаса со столицей треплется. Да ладно бы сам. А то ещё и каких-то афганских товарищей с собою привёл. В пиджаках. Не иначе какие-то шишки. Мужики… Выручайте. Вот так масла надо. Вот так! Жопой чую… Сейчас закончится чача. Движок и остановится. А без энергии – какая

связь? Прервётся всё. А этот, московский, чую, надолго к аппарату прилип. Мужики…

Нет, вот наши конструктора... Руки б ноги им повыдёргивал и обратно вставлять не стал. Это ж надо до такого додуматься! На машину, работающую на соляре, поставить карбюраторный генератор. Который не просто на бензине… Типа, как бензопила – на его смеси с маслом работает. И эта масляно-бензиновая смесь чачей называется. По её цветовому сходству со знаменитым кавказским напитком.

– Витёк… Да ты охренел. Какой такой павлин-мавлин? Не видишь, мы ку-ушали?.. Теперь вот отдых у нас. Дрёма послеобеденная. Ты, Витёк, не масло, совесть потерял. Плесенью весь от сидячей жизни покрылся. Тебе что? Жопу поднять тяжело?

Масло, оно – в обозе. Вот и дуй туда. К обозникам. Мы-то тут при чём?

А Витьку – пофиг веники. Видит, скопом нас не одолеть. Ну и переключился на моего водителя и своего земляка, Гришку Проценко:

– Гриня… Ну ладно, эти москали. Лапти вятские. Ты ж – зёма. И запас у тебя, знаю, есть. Гриня… Выручай. Вот так надо. Ну где те обозники? Где их искать? Да и пока найдёшь… Остановится ведь движок. А там москвич этот. С афганскими товарищами… Гри-иня-аа…

Доста-ал… Гриня и скажи ему, чтобы он сам залез и сзади, у двигателей, посмотрел. Вроде бы там что-то должно быть.

Бэтээр-то новый. Старый, как в мае подбили нас, так и закопали его в провинции Балх. А этот после госпиталя только получили. Ещё в заводской смазке. Хорошо хоть пристреляться до операции успели. А то Малыша – ПКТ – постоянно на полкоробке клинило. Очередная пуля в стволе застревала.

Хорошо, в Забайкалье всему учили, а то пока этих оружейников дождёшься… Если они, конечно, не миф. А живые и здоровые, в коже и плоти где-то, но есть. Даже если и есть. Пока их дождёшься…. Ствол остынет, и пуля в нём намертво застрянет. Только если высверливать потом. А пока ствол горячий, обмотал его старым комбезом и, обжигая руки, откручивать. Откручивать! Быстрее…

Открутил – шомполом пулю из ствола. Хорошо, хоть не разрывные для пристрелки взяли. А то бы точно – хана стволу. Отвечай потом за него. Особист вредительство запросто пришьёт. Доказывай потом, что ты не враг народа…

Пока с пристрелкой и стволами возились, до остальной заводской комплектации руки как-то не дошли.

Витёк и орёт радостно от двигателей:

– Есть! Тут такая маленькая чёрная канистрочка. Полная! Так я возьму?

– Да бери, бери. Шило тебе в задницу! Бери. Только отцепись. Поспать-то ты нам сегодня дашь? Да, Витька… Канистру-то пустую верни потом. А то знаю я тебя.

И уже удаляющийся голос убегающего к своему агрегату счастливого Витька:

– Верну, мужики…

Счастье у Витька, правда, было недолгим. Очень недолгим. Но ведь было. А это – главное. Всё остальное – такие мелочи по сравнению с апрельской революцией…

Двигатель, получив порцию нашего масла, вдруг перешёл на форсированный режим работы и стремительно развил такие обороты, что Витёк благоразумно отбежал от бээрдээмки на приличное расстояние. При этом предупреждать московского начальника и его афганских товарищей о непонятных изменениях в поведении агрегата он как-то не посчитал нужным.

Но те и сами скоро поняли, что что-то не то. Потому что генератор крякнул так же быстро, как и развил повышенные обороты. Стремительно крякнул.

Правда, то, что связь прекратилась по вине моториста, высокие начальники так и не поняли. Даже не догадались. Обрыв связи в боевой обстановке… Дело обычное. Может, это даже придало какую-то достоверность тем рассказам, которые вот уже больше получаса слушали семья и начальники за многие тысячи километров от Амударьи.

Но ни к ордену, ни к какой небольшой, но заслуженной медали Витька не представили. Вскрытие показало, что вместо машинного масла в двигатель-генератор была влита тормозная жидкость. Она-то и раскрутила агрегат на такие обороты, что мама не горюй. Но потом оправдала своё название. И тормознула движок. Да так, что собирать после этого было уже нечего.

– Ну, мужики… Опять меня из-за вас провели мордой по батарее.

Это всё, что сказал нам новый взводный. Молодой. Пацан ещё.

Невдомёк ему тогда было, что «папа» – начальник опергруппы – простит разведке всё. А если есть что-то большее, чем аморфное и безразмерное «всё», то и это он тоже простит.

Потому что никто, кроме тебя, лейтенант, не сядет в головной бэтээр. Подписав себе тем самым практически возможный смертный приговор. Сам себе. Самолично. И «папа» тут совершенно ни при чём. Потому что разведчик – это не воинская специальность. Не должность. Это состояние души, когда прекрасно понимаешь, что первая пуля, равно как и первая мина – твои. И твоего славного боевого эки-

пажа, который месяц бороздящего здешние пески, кишлаки и горы.

И там, впереди, в головной машине разведки, главное – не те, кто сзади. И какой силищей они идут за тобой. Главное – чтобы в тебя верил твой экипаж, с которым уже завтра, ещё до восхода, ты выйдешь из ворот шахской крепости, оставив всю мощу и силу где-то далеко за спиной. И только бойцы бээрдээмки с Витьком-чаччистом в десантном отсеке будут прикрывать твой тыл. До самого конца, каким бы он ни был. Будут защищать в меру своего умения, изо всех сил и с полной отдачей. Верные не только родной стране, воинскому долгу и присяге, но и тебе, лейтенант…

Глава седьмая. Закуняв

Нет, вот почему, как правило, именно так всегда?! Ждёшь, ждёшь чего-то там, как манны небесной, а начнёт она на тебя падать откуда-то сверху… Схватишь уже начинающими деревенеть от долгого ожидания губами и – дальше, на язычок. Который тут же, в полный голос всех своих вкусовых рецепторов, верещать начинает:

– Брехня! И не манка совсем. Кинули… Га-ады! Опять на самые камни кинули!

Вот и с осенним пополнением всё – точь-в-точь. Ждали его, ждали… А оно пришло нежданно-негаданно как раз, когда мы на операции были. Ну и… В большой и дружной семье клювом не щёлкают.

Только кто ж нас спрашивал, есть ли у кого такое желание – «пощёлкать»? Подняли по тревоге и – вперёд. К предгорьям Гиндукуша. Хадовские информаторы весточку в клюве принесли. Нечисто, мол, что-то. Не иначе, как крупная духовская база почти у нас под боком нарисовалась. Вот, сходили в засаду. Толку, правда, с того… Шиш с постным маслом, а толку – ни-ка-ко-го. Всё из-за сарбозов этих! Путаются под ногами, как собачонки. Жмутся поближе к нашей технике… Никакого манёвра с ними. Да ещё и шума стараются побольше наделать. Особенно ночью. Чтобы банда на них не напала. Воя-аки… Какой умник нам ещё этот сорбозовский довесок на хвост кинул? Тьфу!

А пока мы вхолостую по этим предгорьям лазили, самые умные и ушлые всё более-менее приличное, что в пополнении было, и расхватали. Царские палаты – мимо нашей кассы. Золотая рыбка даже хвостиком не помахала.

Возвращаемся… И вот оно – разбитое корыто! На тебе Боже, шо нам… Нет, так-то, конечно, приятно, что взвод разведки в правах уравнивают

с самым-самым, но… Хотелось бы ещё и чего ценного и весомого поиметь. А это… Это – что?

То-то и оно. Есть бойцы любого сорта, есть бойцы страшнее чёрта, есть страшнее ядерной войны…

Вот и Санёк оказался из той самой категории, которая «страшнее». Мы, как только из бэтээра вывалились и это чудо природы в полный рост разглядеть успели, так сразу рогато-хвостатого помянули. И всех его ближайших родственников. Не самыми лестными словами.

Нормальная естественная реакция. Да будь на нашем месте кто другой… Он бы тоже от души чертыхнулся. Санька ж видеть надо.

Худая длинная жердина с кривыми ногами в неуставных галифе, что по размеру – шире самого Чёрного моря. Он же до нас полгода на «китайке» оттянул. Конюхом на одной из застав. Вот и заделался «кавалеристом».

А если Санька ещё и послушать… Он же с Украины призывался. С какого-то самого дальнего и глухого села, которое там ещё каким-то чудом сохранилось. И разговаривал Санёк… Лыше на ридний мови.

И вот этого ценного национального кадра… Да мне в экипаж. Лучше б мордой по батарее, чем такое пополнение! Так ведь дарёному коню… Дают – бери. Ну мы и взяли.

Почертыхались, конечно, прилично, но про ядерную войну даже и не вспомнили. А зря.

Но мы это быстро поняли.

Буквально через две недели вся манёвренная группа ушла на очередную операцию. Как-то подозрительно быстро ушла. Ещё с утра всё тихо и спокойно было. А к вечеру… Фьють, и нет никого из наших. Как корова языком слизнула две машины и десант.

Из всего взвода разведки только наш бэтээр остался. Не вызывал, наверное, ещё Санек у командира доверия. А может, у него какая другая задумка была. Не докладывал он.

Ну а нам что? Солдат спит – служба идёт. Остались и остались.

Вот только обстановка как раз была… За пару дней до этого нам зачитали душманскую петицию. Мол, они берут на себя повышенные социалистические обязательства протаранить большегрузной машиной ворота шахского дворца, в котором базировалась группа, и не позднее третьего дня месяца рамазан вырезать всех нас подчистую как баранов.

А в части, после того, как наши на операцию ушли, остались экипажи трёх машин и так… Разная тыловая шушера. Типа писарчуков, поваров, переводчиков. Если сильно поскрести по сусекам – всего человек тридцать.

Из техники – бортовая «шишига», от которой толку, как от того козла мо-

лока, два бэтээра и бээмпуха. И только наша машинка – с полным боекомплектом, заправленными под завязку баками и в исправном состоянии. У второго БТРа стуканул один из движков. Так что стоял он намертво, как стальной памятник апрельской революции. Но стрелять этот монумент мог в полный рост. И башня вращалась. На все триста шестьдесят. Так что его поставили прикрывать ворота со стороны гор и Кабульского шоссе.

С бээмпухой всё обстояло с точностью «до наоборот». Сама машина была на ходу. Но вот башня… Поворачивать её приходилось «рукой за ствол». И только так. Других вариантов не было. Ладно, сейчас. А как и, правда, эти обезбашенные протаранят грузовиком ворота, ворвутся на территорию и… Какой дурак под пулями вылезет из-под брони и будет «рукой»? Так что БМП подогнали ко вторым воротам и с помощью нехитрых манипуляций – раз-два, взяли – нацелили её пушку так, чтобы она прикрывала центральный въезд во дворец со стороны Ташкургана.

Нервы, естественно, у всех были на пределе. Желающих повторить славный подвиг героических защитников Брестской крепости на горизонте как-то не наблюдалось.

Потому свой бэтээр мы поставили прямо у блиндажа и, в отличие от всей остальной честной компании, завалились спать под защитой его мощных накатов и охраной бывшего конюха и настоящего разведчика. Под охраной Санька. Но даже когда на Бога надеешься, самому плохо-вать не рекомендуется. Так что ПКМ с полной снаряжённой патронной коробкой был направлен на входную дверь блиндажа. Чтобы в случае чего – «броня крепка и танки наши быстры» – тремя красными ракетами вызвать огонь на себя и рвать когти в сторону разведбатальона ВДВ.

Главное, не забыть при этом опера. У которого тоже нервы не железные. Тем более что он, как стреляный воробей, хорошо знал истинную боеспособность вверенных ему остатков гарнизона и то время, которое мы реально сможем продержаться, если ду́хи от петиций и угроз перейдут к действиям.

Не питая особых надежд на воинскую доблесть служб обеспечения, опер лично отдал нам приказ без какого-либо предупреждения мочить любые подозрительные машины, как приближающиеся к воротам старой крепости, так и проезжающие мимо. А на себя взвалил нелёгкую обязанность регулярного обхода ночных постов. В один из которых он и обнаружил у нашего блиндажа «конюха-разведчика», который вместо того, чтобы охранять сон товарищей по оружию, самым бессовестным образом дрых на боевом посту. И это – когда у всех и каждого нервы взвинчены настолько, что реагируешь на малейший шорох!

Но то – все. А это – Санёк. Он не шелохнулся даже тогда, когда опер ак-

куратненько забрал прислонённый к стенке блиндажа автомат и унёс его с собой. Да ладно Санёк. Мы же – тоже. Ни сном ни духом. И не шелохнулись.

Только под утро, когда опер, споткнувшись на входе о пулемёт, зашёл в блиндаж и красноречиво помахал автоматом перед нашими окончательно ещё не проснувшимися мордами… Вот тогда мы осознали. И моментально проснулись. А опер так же молча, как появился, развернулся и – только мы его и видели.

Да был ли он вообще? Может, привиделось? А это… Это что?! Автомат. Саньков автомат. Он-то не из воздуха нарисовался?! Опер… Был. Оставил. И автомат оставил. И Санька – на растерзание «дедушкам».

И быть бы ему бедным. До самых… Самых последних дней его окончательно и бесповоротно загорбаченной службы. Если бы…

Если бы вдруг посреди всеобщего ора, русско-украинского мата и всего остального, что неудержимым потоком выплёскивалось из наших отлужённых за полтора года службы глоток… Моментально втащенный за шиворот в блиндаж, бессовестно и изумлённо моргающий своими широко раскрытыми карими глазами Санёк вдруг взял да и выдал:

– Хлопци… Чого тут? Ну чижив я, чижив… До пивпятого. И-ии… Закуняв!

Минуту. Не меньше. А то, может, и больше. Всё это время в блиндаже после Саньковой оправдательной тирады стояла мёртвая тишина. Народ переваривал. Усваивал. Осознавал всё то, что только что услышал. А как осознал…

Если стены блиндажа и выдержали последовавший за этим взрыв хохота, за то сапёрам – отдельная благодарность в приказе. Но тогда нам было не до них. И не до благодарностей. Впервые за эти несколько дней мы искренне и беззаботно смеялись, поочерёдно, не в силах выговорить ни слова, молча тыкая в сторону Санька загорелыми и, чего там греха таить, не самыми чистыми пальцами.

То ли полным «презрением» к ду́хам, то ли своим загорбаченным дембелем Санёк, сам того не желая, вдруг нежданно-негаданно разрядил довлевшую над всеми обстановку напряжённой опасности, и как-то сразу всем всё стало по такому большому и громкому пионерскому барабану…

И ведь с ним, Саньком этим, всегда так. Кто другой уже бы давно по ушам получил. А он… Хоть бы хны.

Уж какую бражку, гад, настоял в миномётном стволе на верблюжьих колючках, что для дезинфекции заварены были! Вкус – «спесифисеский». Последствия для желудков… Лучше не вспоминать. А Саньку… Всё как с гуся.

Ну… Он же как лучше хотел! До самого полпятого. А потом, вот… Ну совсем нечаянно. Взял и… Закуняв!

Глава восьмая. Осень

Самое хорошее время в северном Афганистане – осень. Особенно её первая половина. Того пекла, которое ещё месяц тому назад накаляло броню так, что на ней при желании да в полдень можно было спокойно яичницу жарить, уже нет. Да и мухи – почти не кусают. Светло, тепло… Если на наш, северный вятский аршин, так даже жарко.

Но самое важное – не это. Для бойца что главное? Правильно – сон здоровый, когда солдат на массу давит, а служба идёт. Идёт, идёт себе потихоньку, с каждой пролетевшей мимо секундой приближая такой долгожданный день. Который, как верёвочке ни виться, а обязательно придёт. И перекрасит привычный монохром до предела выгоревшей песчанки в лихое и ликующее разноцветье гражданской жизни. Только сон приблизит нас к увольнению в запас.

Вот только когда ты на боевых, особо не поспишь. На них ведь… Стреляют. Не холостыми, между прочим. И, как правило, если не в тебя конкретно, так с поправкой на закон подлости обязательно – в твою сторону. А пуля, она ж ещё та дура. Пойди пойми, какая из них – твоя. И не в тебя выцелена, так взяла отрикошетила. Заполучи. Кому потом докажешь, что не твоя она вообще-то? И что в получении – не расписывался…

Даже если и не стреляют, так тоже – не до сна особо. Две вещи в этой жизни – хуже некуда. И одна из них – ждать. Уж лучше стреляли бы. По крайней мере, понятно – откуда, из чего, какими силами. А тут… Тихо. Не стреляют. Сейчас не стреляют. А через секунду? Через минуту? Откуда? Из чего? Какими силами?! Стреляли бы уж лучше…

А осень… Особенно первая её половина… Это ж то самое время, когда день год кормит. Почти как и у нас. Только мы картошку копаем. А они в это время… гранаты убирают. Само собой, не наступательные там или оборонительные, а те, что на деревьях растут. В провинции Саманган они знатные… С бычачью голову плод. Хорошо, если штуки три в каску влезает. Четвёртый кладёшь к ним плюсом… Обязательно вывалится! А вкус… Специфический. С непривычки да поначалу можно всю кисть вместе с пальцами, вышелушивающими зёрна, проглотить. Особенно если гранат того сорта, в котором семечки не розовые или розовато-красные, рубиновые, а белые. Вот этот гранат… Всем гранатам гранат! Кто хоть раз в жизни попробовал белоплодную саманганскую

ягоду, тот её вкус не забудет уже никогда. Все его розово-красные шарообразные сородичи, что у нас на рынках продаются… То так, бледное подобие того, что каждой осенью вызревает на севере Афганистана. И в таких количествах вызревает… Идёшь по Ташкурганскому рынку, а та-ам… Горы! Гранатовые горы прямо без какой подстилы на землю навалены. Гиндукуш в миниатюре.

И гранат этот для афганца, считай – второй хлеб. Типа как для нас капуста та же. Они гранаты эти, как белка – шишку. Быстро-быстро в руках поворачивают… В момент шкурку снимают и – в рот зёрнышки. Да так, что ни одно из них на землю не упадёт. При этом, в отличие от нас, и рот, и руки – совершенно чистые. Ни зёрнышка не раздавят так, чтобы из него сок брызнул. Всё, до последней капельки, в дело.

А хранят они их, что в подвалах, что в горах – практически круглый год. До нового урожая как минимум. Ну как мы капусту. Или картошку.

Поэтому как наступает время сбора урожая, так все боевые стычки месяца на два прекращались. Перемирия или мирного договора никто не подписывал и их ратификации не требовал. Некогда воевать, когда день год кормит. Чуть отвлёкся на стрельбу… Сиди потом все остальные дни и месяцы голодным. До нового урожая. А голодное брюхо, оно не только к работе глухо. Но и воевать натощак… Как-то тоже. Совсем не в жилу.

Да и кому воевать-то? Все. И дехкане, и душманы. Все – на уборке урожая. Гранаты впрок заготавливают.

Так что осень… Особенно первая её половина. Месяца два. Горячая пора для афганцев. Все они – на уборке урожая. Ну а для нас – затишье. Типа как праздник жизни. А какой праздник без хорошего застолья? Тем более и повод соответствующий имеется.

Глава девятая. Юрка. И меню его дня рождения

Механиком-водителем на втором бэтээре взвода был у нас Юрка Корнейчук по кличке Кобра. Годок мой. Специалист тот ещё. За год дважды умудрился оба движка перегреть. Да так, что потом почти всему взводу пришлось мудохаться. Ну как минимум той части личного состава, которая до армии хоть в глаза двигатели внутреннего сгорания видела. Хорошо хоть среди пацанов были не только те, кто видел, но и те, кому приходилось иногда клапанную крышку от блока цилиндров отворачивать. Отвернули. Притёрли головки, которые от перегрева повело.

Притереть-то притёрли… Но, видно, от этой операции камера сгорания по размеру малость уменьшилась. От этого или чего другого, но коптил и урчал Юркин пепелац, как довольный, подкрепившийся натощак Змей Горыныч, с самого ранья проглотивший… Всего ничего. Телёнка, овечку, барана. А потом ещё и корову целиком, закусив на десерт мясником с прилавком…

Коптил и урчал Юркин бэтээр нещадно, но зато и тянул прилично. За что и получил почётное боевое название. Иначе как Аэрокоброй коптящe-урчащий агрегат с бортовым номером 166 никто в манёвренной группе не называл. Ну а её механик-водитель именовался укороченным вариантом этого имени. Кобра.

Конечно, не каждый мог позволить себе вот так, запросто, Юрку окликнуть. Он же по сложившейся у них, в Среднеазиатском пограничном округе, традиции уже обрил голову наголо. У нас, забайкальцев, такой чисто армейской привычки не было, но каждый увидевший такой модняч ий причесон прекрасно понимал, что перед ним не просто «дедушка». А «дедушка» заслуженный. Тот, которому до приказа осталось… Сто дней. Или уже чуть меньше. Вон, щетина-то на голове… Уже подросла немного.

Юрка-то нам и подсиропил с этими гранатами. Уж такой он был. Заводной и неугомонный. С вечным шилом в одном месте. Которое никак ему не давало возможности посидеть ровно. Вечно юлой закручивало. Обязательно Юрке надо было куда-то бежать, кого-то искать, что-то придумывать. Разные идеи так и пёрли из его башки. Им тоже не сиделось там, внутри, под черепушкой. Непременно наружу хотелось выбраться. Чтобы осчастливить своим появлением если не весь белый свет, так хоть ближайшее окружение. И вот этим самым окружением, на наше несчастье, именно мы оказались.

Той осенью решил Юрка свой день рождения отметить. Да не просто так отметить, а с размахом. Как-никак, но по всему получалось, что это – последний Юркин день варенья в армии.

В общем, меню торжественного мероприятия было в узком кругу согласовано и утверждено, а все, соответственно, озадачены.

Две канистры браги, в принципе, уже были на подходе. С последнего боевого выхода ещё сохранился неприкосновенный запас муки, а огромный противень, что достался нам в наследство от сменяемых дальневосточников, был в целости и сохранности, так что предложение по пирожкам с капустой и варёной сгущёнкой прошло на ура. Единственное, что смущало, так это то, что при решении этого вопроса вся толпа как-то дружно посмотрела в мою сторону… Ну да ладно. Чего не сделаешь ради праздника. Надо напечь? Напечём… Можно прямо в блиндаже, чтобы от-

сечь как лишние рты, так и неоправданные посягательства чуждого взводу личного элемента соседних подразделений.

С мясными блюдами тоже вроде определились. Прошлый раз сопровождали от Хайратона свою колонну с боеприпасами, так Юрка в ЗИЛовской запаске вместо камеры перебросил своим землякам за речку новый тулуп, списанный по итогу последнего боевого выхода. Ну а те не подкачали. Забили в один из ящиков вместо положенных ему мин добротное сало, посоленное по классическому украинскому рецепту. С чёрным перчиком и чесночком. Если под бражку… Так больше ничего и не надо.

Днюха. 20 лет. Первый, взрослый, осознанный юбилей. И, конечно, отметить его хотелось так, чтобы он запомнился

Но тут уже снайпера не усидели. Поддались общему ажиотажу и взяли на себя повышенные социалистические обязательства. Пообещали, что в одну из тёмных сентябрьских ночей добудут к Юркиной днюхе если не парочку, то хотя бы одного по-осеннему жирненького дикобраза. А дикобраз – это ж такой зверь. Если выкинуть его пыльную и плотно обжитую всякой насекомой мелочью шкуру, с огроменными, не меньше карандаша, иголками, а потом сапёрной лопаткой разрубить тушку на четыре части… То из грудины и передних лап можно забацать наваристый, аппетитный супчик. А окорок, если добавить к нему чуток того же сала, специй, да на вертел... Такое жаркое получается… За уши не оттащить.

Брага, пирожки, сало, жаркое… Что ещё нужно дедушке погранвойск

КГБ СССР, чтобы достойно отметить своё двадцатилетие? Вот как на мой взгляд, так вполне… И этого – более чем достаточно. Или, как говорил сам Юрок, – досыть. Что, в принципе, то же самое, но с учётом национальных особенностей произношения механика-водителя славной Аэрокобры с бортовым номером 166.

Говорить-то говорил. Но в тот раз – не сказал. И я промолчал. Не мой день рождения собирались праздновать. И не я его организовывал. А у Юрка всё должно было быть по высшему разряду. Который невозможен… Немыслим просто без… десерта.

А где его взять? Нет, так-то на территории шахского дворца сад, ничего не скажешь, отменный. Так ведь и жаждущих на плоды его… Тоже немало. Ткните мне пальцем в бойца манёвренной группы, который не хотел бы персика там или инжирчика с шахского дерева. Ткните! И я первый кину в него камень, что поувесистей. Пусть одним недремлющим конкурентом станет меньше. Хотя оно, конечно, понятно, что таким образом проблему не решить. Пальму первенства уступать особого желания ни у кого нет. Очень даже наоборот. Только отвернись от облюбованного тобою деревца… Обнесут. В момент обнесут. Листиков и тех – не оставят. А если оставят, так все понадкусывают. Даже те, что на самом-самом верху.

Так что если хочешь конкурентов обойти на крутом повороте и съесть хоть что-то из того, что в шахском саду произрастает, тут радикальные методы нужны. Правда, и они иногда дают совсем не те результаты, на которые в самом начале надеешься.

Глава десятая. Инжир

Прошлой осенью это было. Как-то, под вечер уже, сидим себе в блиндаже спокойненько. Кто-то из дедушек дембельский альбом терзает. Ну а мы – кто чем. Кто-то свежий подворотничок подшивает. Кто-то в носу ковыряется. Никто ничего. Тишь да гладь. Как вдруг…

Вдруг – ураган, всё и всех сметающий на своём пути. Врывается в блиндаж Юрок. И с ходу:

– Ага. Сидите… Сидите тут. А миномётчики там. Уже круги нарезают вокруг НАШЕГО инжирного дерева! Обнесут ведь. Помяните моё слово – обнесут за ночь! И что? Вот так и сидеть будем, пока из-под самого носа инжир не уведут?! Тару мне пустую. Срочно! И бойца свободного. Желательно – не хилого.

Мы и забе́гали. Нашли всё, что требовалось, и отправили с Юркой обратно. К нашему инжирному дереву.

И полчаса не проходит. Тащат. Две огроменные коробки. Полнёхонькие крупного тёмно-синего инжира.

Все на него и набросились. И вроде так ничего себе этот инжир оказался. Сочный. Если и твердоват немного, то так, в меру. Можно сказать – почти мягкий. Никто же толком не знает, каким он должен быть, инжир этот. Едим себе, нахваливаем, время от времени поминая всуе так ловко облапошенных миномётчиков. А то надо же… Позарились не на своё. А вот им. Дулю с маком. Пусть жуют её вприглядку да слюну набегающую сглатывают.

Вот только… Язык от сока инжирного пощипывает немного. Но так, самую малость. И рот, как от черёмухи, вяжет слегка. Но нам это всё как-то фиолетово. Мелочи жизни, на которые и внимания обращать не стоит.

Мы и не обращали. Пока где-то через полчаса языки не стали набухать и деревенеть как от пчелиного укуса. И началось. В медсанчасть не побежишь. Позорище-то на всю манёвренную группу:

– Мужики, слыхали?.. Разведчики наши славные… Инжира обожрались от пуза, теперь в санчасти валяются. Все. Поголовно! С во-от такими рожами. Шире ротного барабана. Разве-едчики…

Что делать?! Языки-то в натуре… Пухнут и деревенеют.

На наше счастье, по каким-то своим делам заваливает в блиндаж Касим. Переводчик. Увидел наши офигевающие морды с раскрытыми ртами и вывалившимися наружу языками, малочисленные остатки инжира на дне коробок, с ходу просёк всё, да как начал ржать. Как полоумный. Оставались бы силы и настроение соответствовало – отдубасили бы за милую душу. Да не до того было.

А этот весельчак-самоучка поржал, поржал, успокоился и давай нам про их этот инжир рассказывать. Касим же с севера Таджикистана. У них там этого инжира… Примерно как у нас яблок. Если и меньше, то ненамного.

Вот он и говорит, что тот инжир, что мы хавали, зимнего сорта и поспевает поздней осенью. Спелый он или нет, можно определить по иссиня-чёрному цвету плодов. Иссиня-чёрному. Но никак не тёмно-синему или, тем более, с синеньким отливом. И есть его надо не свежим. А хотя бы слегка подвяленным.

И всё это мы слушаем, слушаем… Пока кто-то наконец не выдерживает и с трудом ворочая плохо слушающимся хозяина языком не прерывает ботаника-самоучку:

– Касим… А нам-то что делать?

– Да ничего. Сода есть? Столовую ложку в кружке воды размешайте

и отмачивайте в ней языки. Время от времени набирайте содовый раствор в рот и полощите там, как при ангине.

Ну мы так и сделали. К утру всё и прошло. Честь и славное имя разведвзвода были спасены.

Глава одиннадцатая. Десерт – дело тонкое

В общем, по составу десерта никаких разногласий у народа не было. Дыни и гранаты. Но вот где их достать?

Шахский сад, как поставщик десерта к праздничному столу юбиляра, отпадал. Сразу, окончательно и бесповоротно. Бахчи во дворце не было. А то, что ещё оставалось висеть на деревьях, имело такой жалкий и непрезентабельный вид, от которого даже самый зверский аппетит улетучивался в момент.

За дынями и гранатами надо было выбираться за пределы шахского дворца.

Легко сказать, тяжело сделать.

Шахский дворец, сад, бассейн и все наши армейские постройки, начиная от блиндажей и заканчивая кухней, находились внутри четырёхугольника крепостных стен, по углам которых стояли сторожевые башни. Правда, одна из них, ближняя к Кабульскому шоссе, имела довольно плачевный вид, поэтому возле неё был оборудован выносной пост. Но состояние остальных трёх старушек ещё позволяло использовать их по прямому назначению – для организации и несения круглосуточной караульной службы.

Нашего взвода разведки это практически не касалось. Практически. А фактически на несение караульной службы нас задействовали лишь в исключительных случаях. Только ночью. Когда под покровом темноты на переговоры с начальником оперативной части приходили или главари душманских формирований, или наши люди из их рядов. Разведчики в стане врагов. Всем видеть их лица было необязательно. В этих случаях с определённого поста полностью снимался весь наряд. А чтобы свято место пустым не было, на их место заступали мы. Бывало это достаточно регулярно, так что к концу службы и подлинные, и поддельные душманы знали многих из нас по имени.

При желании выбраться за крепостной периметр было можно. Но ни дыни, ни гранаты прямо у стены не росли. Зато в небольшом отдалении от них стоял первый ряд колючей проволоки. За ним – минное поле и второй ряд колючки.

Минное поле было усилено так называемой «путанкой» – мелкой, но очень прочной, свитой в спираль проволочкой, имеющей очень неприятное свойство. Чем сильнее и резче дёргается человек или какая живность, стараясь высвободиться из недружественных объятий этого малозаметного, но по сути непроходимого препятствия, тем сильнее он в нём запутывается. Ещё на «китайке» приходилось наблюдать, как изюбрь спокойно сносил своими рожищами два ряда колючки. И хоть бы чихнул. Но если попадал в эту мелкую паутину… Запутывался в ней так, что другого выхода, как пристрелить зверя, чтобы не мучился, не оставалось.

И это ещё не всё. На столбах, помимо колючей проволоки, были установлены противопехотные осколочные мины направленного поражения. МОН-50. А это… Ещё та дурища. Оператор с пульта управления может привести её в действие в любой момент. Шевельнулось ночью где что-то подозрительное… Бах. И мало не покажется. Шарики или ролики, которыми начинена мина, при её взрыве разлетаются в направлении предполагаемого супостата на дальность до двухсот метров. И высота сектора поражения на этом предельном расстоянии может быть от пятнадцати сантиметров до четырёх метров. А ширина – около пятидесяти. Потому и МОН-50. И если вдруг ты оказываешься в этом секторе… То все шарики-ролики – твои.

На операции как-то сарбозы-раздолбаи шли, развернувшись в цепочку. Шли, шли и напоролись на нашу МОН-200. Так и легли все пятнадцать одним рядком.

А нам, чтобы улики этого разгильдяйства скрыть, приказ – рассредоточить тела погибших. В разные стороны от места подрыва.

Грузим… Под пулями грузим труп, а он по броне, как сопля, стекает. И не от крови, нет. Её-то как раз, на удивление, и немного. Но впечатление такое, что тело – гуттаперчевое. И ни одной целой косточки в нём. Оно и телом-то остаётся только благодаря сапогам и остаткам формы. А так… Течёт просто. Натурально стекает. Только-только запихаешь его по одной стороне на бэтээр, оно тут же, по другой, – вниз. К колёсам. Ловите…

По уму их советнику надо было за такое дело вставить. По самые помидоры! Только к концу операции… Ему самому обе ноги оторвало. Был бы помоложе… Да только кто, когда и где видел молодых полковников? Вот сердце у него и не выдержало такого количества обезболивающих. К концу операции и вставлять было уже некому.

Так что достать к праздничному столу десерт, который, ничего не подозревая, рос себе спокойно за всеми этими рядами колючей проволо-

ки, минными полями и «путанками», было делом не только трудным, но и опасным. Можно сказать, невыполнимым.

Но на то он и взвод разведки, чтобы посрамить, преодолеть и невыполнимое сделать выполненным. Было бы желание. А его было… Хоть отбавляй.

Тем более – осень. Дехкане – на уборке урожая. Душманы – там же. Мешать срамить и преодолевать вроде бы никто из врагов не должен. Так почему бы и не попробовать?

Мы и решили уважить именинника. Достать ему десерт. Правда, и он… В стороне стоять не согласился. Можно даже сказать – совсем наоборот. Взял бразды правления в свои руки.

Как так? Подготовка к собственному дню рождения и без него? Да не бывать такому. Никогда!

И нацелились мы первым делом на дыни. С ними чуть легче обстояло.

Глава двенадцатая. Дыни

Дыни бывают разные. Небольшие, круглые, как волейбольный мяч, ярко-жёлтые с небольшим оранжевым отливом. Этот сорт на юге России и на Украине называют «колхозницей», а на севере Таджикистана с небольшим пренебрежением обзывают «кандаляшками». Там они и за дыню не считаются. Так, перекус лёгкий в ожидании хорошей трапезы. Или десертная добавка к чайнику свежезаваренного ароматного зелёного чая.

Большие, толстые и вытянутые серо-зелёные плоды зимнего сорта, которые оплетаются ивовой лозой во что-то напоминающее обычную хозяйственную авоську с длинным хвостиком-верёвочкой вместо традиционных ручек. За неё дыня подвешивается в сухом, хорошо проветриваемом сарае и висит, ждёт своего часа. В ноябре, когда её снимут с бахчи, она ещё немного деревянная и практически безвкусная. А повисит месяц-другой, придёт в марте афганский праздник Нового года – Навруз, тогда можно и доставать из авоськи дыню. И – на праздничный стол её. А гости будут есть и нахваливать. Да и как не похвалить? И хозяина, который не только вырастил, но и сохранил, и сам сладкий, сочный чудо-плод.

Если кто не всяко лыко в строку вплетать умеет или там с подвешиванием возиться никакой охоты нет… Так можно прямо на бахче. Выкопал ямку, притрусил соломкой, чтобы дынькам мяконько было, и – туда их. Сверху новым слоем соломы закрыл и всё на перспективу ароматное

хозяйство землёй засыпал. По такому варианту дыни до самой весны могут лежать. И ничего им не будет. Как солнышко на лето повернуло и пригревать уже по-настоящему стало – землю отгрёб аккуратно в сторонку, верхний слой соломы снял… Всё в целости и сохранности. Почти как наша картошка в буртах. Только намного лучше и сохраннее.

Расположинили дыню повдоль штык-ножом, семечки выгребли, и сахарно-белые, сладкие, истекающие соком куски сами в рот просятся. На фото слева направо несгибаемой воли боец Санёк Колесник, что закуняв, переводчик с узбекского Фаршид, Витя Деревянко (Юрок, Кобра, г. Корсунь-Шевченковский, Черкасская обл., УССР), Лёха Прищепо (г. Марефа, Харьковской обл.)

А есть ещё такой – вытянутый в длину эллипсоид. Типа большого мяча для регби, светло-песчаного, как бы выгоревшего, цвета. Это ранний сорт. Сорвал и кушай сразу. Для порядка неплохо бы его на часик-другой положить в арык с прохладной проточной водой. Но это если терпение есть. Потому что запах у этой дыни… Настоящий, дынный. Густой и насыщенный настолько, что если притащили в блиндаж и спрятали под нары… Считай, что и не прятали. Все иные запахи, что до того были постоянно, накрепко и, казалось бы, навечно прописаны в помещении… Терпкий, концентрированный запах мужского пота; мягкий, обволакивающе-маслянистый – ружейной смазки; резкий,

застоявшийся – давно не стираных портянок… Все запахи умерли. И в блиндаже остался только один. Сладкий, ароматный и возбуждающий аппетит дынный запах. Так что хоть прячь, хоть нет. Переступил порог, и даже носом поводить, принюхиваться не надо. И так понятно – дыня где-то здесь. Рядом.

– Мужики… Вы чё?! Дыню зашакалить решили? Не выйдет! Тридцать восемь – половину просим. Колитесь – где? Колитесь, всё равно ведь найдём!

Попробуй спрячь её от таких архаровцев! Если она, конечно, их дождётся. Потому что такой вариант развития событий, скорее всего, откуда-то из области ненаучной фантастики. Вот она была и… Нету! Располовинили повдоль штык-ножом, семечки выгребли, и сахарно-белые, сладкие, истекающие соком куски сами в рот просятся.

Именно такие дыни и росли на бахче, что находилась со стороны гор, в излучине небольшой речки. Но подобраться к ней…

Подобраться к ней было не так-то просто. Надо выйти из крепости через южные ворота, что у Кабульского шоссе, и вдоль стены добраться до башни. А уже от неё по коротким ходам сообщения боевого охранения – к первой линии колючки. Ну а там – как повезёт. Плана-то минного поля, само собой, у нас под руками не было. Да и вопрос – существовал ли он вообще? Большой, можно сказать – солидный, вопрос. Какой там план, если никто в манёвренной группе не помнил, а кто, собственно, их ставил? Скорее всего, сменённые нами дальневосточники, которые вот уже скоро как полтора года на гражданке прохлаждались. Поди спроси у них – да где ж вы, пацаны, тех мин понавтыкали? И куда те письма запросные мелким почерком писать?

Так что одна надежда. На удачу. Бог, если он есть, бойца не выдаст, а свинья – не съест. Мина не чья-то там. Своя. Она ж на супостата нацелена. А мы тут при чём? Мы – свои. Нам бы только десерта к Юркиной днюхе. И всё. На фиг под нами взрываться?.. Не полная же дура эта мина?..

Так что проползём осторожненько минное поле на брюхе, поднырнём под второй ряд колючки и вот она, бахча. И – дыньки на ней. Ды-ы-ыньки…

Вот только сделать всё это надо было в светлое время суток. Днём. У всей крепости на виду. Ночью свои же запросто могли положить перекрёстным огнём. А если договариваться, так такая толпа желающих на дыни набежит. Не на «шишиге» же через то минное поле переться? Да и договоришься, где гарантия, что не накроют огнём? Ночь. Темно. Не видно ни черта. А нервы у всех – не железные.

Так что оставалось только днём. Другого варианта не было. Ну мы и ре-

шили – с обеда. В адмиральский час, когда по жаре «кадетов» поменьше по территории шарится. А дежурный уже смаковать начинает, что вот-вот и – смена. Конец дежурству!

Сказано – сделано. Обед проходит, ждём для верности ещё полчасика, после чего мы с моим механиком-водителем меняем бойцов на башне, а Юрка со своим наводчиком Лёхой топают к воротам.

Там их бойцы, что на БМПухе животы греют, как положено встречают:

– Стой, кто идёт?

Не иначе солнце голову напекло.

– Да вы чё, пацаны? Обкурились, не иначе. Свои.

– «Свои, свои»… Ты, что ли, Кобра? И чё тебе тут надо? Свои после обеда дрыхнут по лавкам или каким другим полезным делом заняты...

– Да магазин от автомата в бойницу уронили.

– А второй воин тебе зачем? Одному не найти? Ладно, шуруйте. Только быстро! Одна нога здесь, другая – там.

И на броню по новой. Снова животы греть под тёплым сентябрьским солнышком. Тоже ведь только что пообедали.

А наши быстренько-быстренько – к башне. Где мы уже всё что можно с предохранителей поснимали. Мало ли что? Так хоть огнём этих шалопаев поддержать, чтобы им не так грустно было.

Вообще-то у основания каждой башни существовала подземная галерея, выходящая за стену крепости, но в этой она была завалена наглухо, потому Юрке с Лёхой и пришлось переться к воротам. Но хорошо то, что хорошо заканчивается. Первый этап вроде бы прошёл благополучно. Лихие бойцы апрельской революции благополучно преодолели минное поле, перебрались через колючку и скрылись в зарослях.

Конечно, слов нет, это была неслыханная наглость. Два шурави посреди белого дня, на глазах у всего честного дехканского народа ползают по афганской бахче, как по своей… Да ещё и выбирают! Это возьмём, это – нет.

Так на это и было рассчитано. Наглость и неожиданность! Пока народ очухается от такого беспардонного посягательства на частную крестьянскую собственность, пока сообразит что, почему да откуда, пока раскроет рот для возмущённого:

– Караул! Грабют!!!

Пока то да сё – любители дынь уже показались на горизонте. Да не с пустыми руками. Каждый тащит за собой туго набитый наматрасник. Мешков-то у нас не было, так пришлось эту объёмную постельную

принадлежность использовать не по назначению. Зато – по полной. Когда ещё такой случай подвернётся? Наши и напихали в наматрасники дынь под самую завязку. Тащат, пыхтят…

Под дальней колючкой проползли, выбрались на минное поле… Доползли до ближнего ограждения.

Вот тут-то и началось. Наматрасники тяжёлые. Они их – волоком. Ну и зацепились за нижний ряд колючки. Туда-сюда… Никак. Давай выпутываться. Не получается. Долго они там возились. Народ на бахче уже очухался. Начал бегать туда-сюда. Руками размахивать и, в нашу сторону повернувшись, орать что-то на своём, непонятном. Но, чувствуется, возмущённо.

Мы их на мушку взяли, глаз не спускаем. Но и на этих двух дуриков тоже косяка давим. Видно, что там – нервы на пределе, а терпения уже никакого не осталось. Ка-а-ак дёрнут зацепившийся наматрасник… Он из колючки выскочил, да в окопчике боевого охранения их сверху и накрыл. Крепко так им дынями по балде приложило.

Но ничего, очухались, сориентировались, где крепостная стена, где башня, и быстрее – к ней. А мы уже связанные ремни спустили вниз:

– Вяжите. Быстрее!

Два раза повторять не пришлось. Юрка подвязал первый наматрасник и машет рукой – «вира». Поднимай, мол.

Мы и потянули. Ох, тяжёл… Поднимаем потихоньку, так как на увеличение скорости и сил-то особых нет. Эти ж, жадные до чужого добра… С запасом дынь насобирали. Не на один день рождения должно хватить.

Но часть точно придётся на сторону отвалить. Вон видно, как ребята на БМПухе, что у ворот, уже в голос хохочут.

А эти два гаврика… Нет, чтобы второй наматрасник по-быстрому привязывать. Нет! Они там, внизу, уже дегустацию устроили. Распластали дыню, хавают… Развалились у подножия башни, смакуют. Ещё и нам руками машут. Вкусно, мол, обалдеть.

Мы им рожи зверские корчим и негромко так, почти шёпотом, чтобы кипеш по всей крепости не поднять, но с выражением соответствующим:

– Вы чё там? Совсем оборзели? Вяжите давайте. Быстрее!

– Да привязано всё. Тяните…

И дальше себе хавают.

Мы зубы стиснули – тянем молчком. А то ли наматрасник уже старенький был… То ли пацаны покоцали его солидно, когда из колючки вырывали… Не выдержал он всего того, что в него наложили. Уже почти до самого верха подняли ценный груз, как наматрасник… Хр-рясь! И порвался!

Все дыни из него… Вниз! Как только эти два дегустатора успели среагировать? Но среагировали. Увернулись от мощного и, казалось бы, неотвратимого дынопада.

Часть дынь, естественно, вдребезги. Но то, что осталось, мы всё-таки подняли.

Подняли, сидим, дожидаемся своих архаровцев. Надо же кого-то в башне оставить, чтоб за добычей присматривал и от злобных посягательств её, как зеницу, оберегал. А то до ночи захарчит караул наши дыньки и «спасибо» не скажет. Днём их никак в блиндаж не переправить. К нам с этого поста или через плац, возле самого замка, где жили офицеры, или через парк, где их в светлое время тоже – немеряно. А нарвёшься на кого невзначай…

Наказание – ладно. Не первое. И, наверное, не последнее. Всё дело ведь насмарку, если драгоценный груз отберут. А это – запросто. «Кадеты» почти все – новенькие, только прибывшие. Сплошь и рядом вчерашние выпускники славных пограничных училищ с довольно специфическими для Афганистана специальностями. Таможенники, политработники и прочая штабная канцелярия без какого понимания ситуации с такими делами, совершенно не проникшаяся уважением к старослужащим и не учитывающая реальную обстановку.

Короче. Всё было продумано и учтено. Но… Как обычно. Его величество случай вмешался.

Пока мы, уже все вместе, вчетвером, снимали на посту пробу с дынь, вдруг…

Вдруг откуда ни возьмись налетела така-а-ая куча ос. И все как на подбор. Огроменные. С мизинец величиной, не меньше. Туши свет и сливай воду. Мы и потушили. Кубарем скатились вниз, в комнату отдыха караула. Была в башне и такая, ещё при её постройке предусмотренная. Не всё же караулу на башне торчать, где-то его смене и отдохнуть чуток надо.

Вот мы – туда. Думали, ополоснём морды, руки помоем, осы и успокоятся. Куда там. Разбитые ж дыни у основания башни – кучей. Да и когда второй наматрасник тащили, с него ручейком сироп по стене тёк. Осы сладкий, приторный дынный дух учуяли и прилетели. Чувствуем – надолго.

В общем, вызвали мы по внутренней связи несгибаемого и железной воли бойца по имени Санёк. Того самого, что закуняв как-то.

Вызвали мы Санька, чтобы он в тенёчке кемарил да за спрятанными под нарами дынями приглядывал, а сами – ноги оттуда. Правда, с мужиками, что остались дежурство нести, пришлось поделиться. Они ведь до самого вечера так и не смогли наверх подняться, чтобы с башни на окрестности бдительный и внимательный взгляд кинуть. Хотя чего там

смотреть? И так понятно – уборочная. Что у дехкан, что у душманов – день год кормит. Отвлекаться некогда. Другое дело – осы. Вот за это неприятное соседство мы и откупились. Да мужики сильно и не борзели. Так, по-божески, попросили…

Глава тринадцатая. Керосин

Худо-бедно, хоть и с приключениями, но дынный десерт на Юрков день рождения раздобыли. Подошёл и гранатовый черёд.

Договориться с мужиками насчёт подмены на полсуток, труда, конечно, не составляло. Кто же откажется поспать в блиндаже, на простынях, вместо того, чтобы на посту стоять? Дело в другом было.

Этот пост считался не только самым неудобным по месту нахождения и удалённым по расстоянию, но и самым опасным. По праву и с полным основанием, между прочим, считался. Располагавшийся в северной башне, он с одной стороны прикрывал от возможного нападения участок шоссе со стихийным базаром, по-восточному шумным и оживлённым. С другой стороны к нему подступало поле, ограниченное со стороны города высоким, сплошным дувалом, за которым возвышались купол и минареты Ташкурганской мечети. Именно с этого направления пост чаще всего и обстреливался. Обычно – ближе к вечеру. Но нередко и днём. А мы и ответить соответствующим образом не могли. Стрелять в сторону мечети из тяжёлых видов вооружения было строго-настрого запрещено.

Правда, с правой стороны мёртвую зону прикрывали бэтээр или БМПуха, дежурившие у выходящих в город ворот. Но всё равно… О дневной вылазке в сад, который как раз находился между шоссе и крепостью, и речи быть не могло.

К тому же сад был настолько густой, что даже с башни не просматривался. И разглядеть, что там таилось в его зарослях… Нет, это было делом совершенно невозможным!

Правда, и сами афганцы не горели особым желанием бродить по саду днём. А тем более – ночью, когда там их могли обстрелять не только мы, но и так называемые контрольные бэтээры.

Дело в том, что мимо крепости, вдоль шоссе, проходил топливопровод, по которому бесперебойно и днём, и ночью в неизвестном нам направлении тёк родной, советский керосин. Но афганцы, они ж такие ребята. Колхозники. Для которых кругом всё, что у шурави плохо лежит, своё и наше. В том числе и керосин. Ну и что, что он по топливопроводу? Подошёл, подвязал тротиловую шашку, которых в каждой уважаю-

щей себя афганской семье примерно как у нас – хозяйственного мыла. Ящиками и коробками. На долгие годы вперёд. Хоть одним местом жуй.

Подвязал, вставил в шашку шнур подлиннее…

А если семья – не уважаемая или с толовой шашкой напряг, так можно гранату с замедлителем. Чеку рванул на себя, и пока петелька запала режет свинцовую пластинку замедлителя, отбежал, спрятался за укрытие и ждёшь спокойненько. Вот-вот. Рванёт…

Рвануло! Теперь – руки в ноги. Время терять никак нельзя. Пока давление в трубопроводе не упало и компрессорные дизеля молотят исправно, гонят керосинчик на радость простому трудящемуся афганцу, ёмкость приличную, что заранее припасена, да не одна, достал и наполняй под самую завязочку. Чтобы не только себе хватило, но и на базарчике за реальные афгани продать можно было.

Правда, перед тем, как тротиловую шашку или гранату подвязать, оглянуться по сторонам не мешает. А то набежит народу на дармовщинку. Поди продай потом, если весь кишлак к тому подрыву подтянется. Да со своими ёмкостями. Так что лучше ночью. Когда соседи, в отличие от шурави, спят. А если, кто не спит, так накося. Выкуси! Ёмкость наполнил, оттащил в сторонку, а в лужу, что уже по земле растеклась, обещая через какое-то небольшое время в керосиновое озерцо превратиться… В лужу – гори оно всё добро советское огнём синим – петушка красного подкинуть. Ничего личного, шурави. Бизнес.

И кому такое понравится? Вот два контрольных бэтээра, поливая огнём окрестности, и носились туда-сюда всю ночь по шоссе по одному им известному графику. И этим ребятам из трубопроводных войск плевать было куда стрелять, по кому. Да в белый свет как в копеечку. И пацанов понять можно. Вот так, двумя экипажами… Всего двумя. В кромешной темноте, в неизвестность… В ежесекундном ожидании, что сейчас… Сейчас из этой ночной темени с чужими звёздами, что подвисли маленькими белыми, почти новогодними ёлочными лампочками где-то там, далеко вверху, почти у самого Бога, которого нет… Сейчас или через секунду-другую – какая в сущности разница? Но прилетит. Точно прилетит выпущенный из гранатомёта натруженной дехканской рукой ТВОЙ кумулятивный заряд. Твой и всего экипажа. Помощи ждать неоткуда. Да и некогда. Не сгоришь, так добьют, сволочи, пока свои подойдут на помощь.

Какие нервы надо иметь, чтобы вот так, в непроглядной темноте, всего на двух машинах лететь в полную неизвестность? Можно понять, что каждую ночь испытывали пацаны в этих бронированных коробках….

Поэтому даже если они и накрывали когда очередью из «крупнача» пост на Северной башне, никто из наших на них не обижался. Заслышав

рёв их машин, надо было просто отойти от бойниц. А ещё лучше – залечь, плотнее прижавшись к ещё достаточно крепким башенным стенам. Мало ли, влетит через бойницу какая дура… Каким он, рикошет, будет – кто знает? Бережёного…

Глава четырнадцатая. За гранатами

Но то, что тяжело нам… Не менее трудно и всем остальным! А значит…

Значит, в этом небольшом зелёном оазисе между шоссе и крепостью сохранилась целая куча крупных, сочных, спелых гранатов. Которые так и манят… Так и зовут призывно – «Приди и возьми меня. Меня. Меня!»

И что? Обмануть их ожидания? Не прийти? И не взять?! Ну как можно?.. Мы ж не фазаны какие. «Дедушки» как-никак. А они – всё могут. Звёзды с неба, правда, нам без особой надобности, но гранатов на днюху другану и корешу достать… Святое дело.

Но для этого вылазку в сад надо совершить ночью. А днём хорошенько рассмотреть в прицел снайперки самые шикарные, щедро усыпанные плодами деревья. Рассмотреть, запомнить их расположение и подходы к ним. Ну а с выходом из башни – всё нормально. В Северной подземную галерею почему-то не засыпали. Может, проворонило командование. А может, и само на этот сад виды имело. Нам-то это… Перламутрово. Спустился в галерею, пяток минут и уже у стены с внешней стороны крепости. А дальше – как обычно. Колючка, минное поле, снова колючка, сад.

И вот…

Тихое, солнечное воскресное утро. Солнце, с учётом времени года, ещё не раскочегарилось на полную катушку. Не так чтобы прохладно, но и не жарко. Свежо.

Народ ещё выползти из блиндажа не успел. Кто-то брился. Кто-то подшивал форму. Кто-то в телики уставился. У нас их два было. По одному как раз «Утренняя почта» шла. По второму – что-то похожее, но с явно загнивающим, буржуинским душком. Тоже музыка. Только антураж у выступающих тётенек… С нашими не сравнить. Естественно, все по-импортному балаболят. Что за вражеская программа, откуда – кто его разберёт. Но явно – не пакистанская. У них же там с этим делом строго-настрого. Ещё хуже, чем у нас. Мы же, между собой, в шутку эту программу называли «Секс для пограничников».

Обстановка… Можно бы и лучше, но – не надо. От добра добра… Не ищут!

Да и когда искать-то? Времени до вечернего торжества уже всего ничего. Тесто для пирожков – замешано, сгущёнка – сварена, капуста – натушена. И самое главное… Гвоздь программы. Две двадцатилитровые канистры браги накануне выкопаны из земли, перенесены в каптёрку и… Как показало снятие пробы – самое то!

Оставалось только дождаться именинника, и можно начинать. Поскольку виновник торжества делом добычи гранатового десерта решил заняться самолично, не доверяя этого ответственного мероприятия никому другому, то был пока на посту. В Северной башне. И торчать ему там оставалось… Как минимум до девятнадцати часов. Погранцы, они чем сильны? В том числе и традициями. Поэтому даже в Афгане смена караула происходила в том же самом порядке, который строго соблюдается по всей советской границе. От Мурманска и до Владивостока. И в то же самое время – в двадцать ноль-ноль. До новых календарных суток ещё целых четыре часа, но родная страна может спать спокойно. Граница – уже на замке. И наряды – не подведут.

Так что время испечь пирожки, порезать сало и запечь дикобразика – ещё было. Но тут…

Нежданно-негаданно зазвонил «таишник»… Такой индукционный телефон, как в старых фильмах про революцию. Крутишь ручку – «Аллё. Аллё, барышня? Мне Смольный».

– Аллё. Пацаны?

Именинник. Собственной персоной. Но для верности переспрашиваем:

– Юрок, ты?

– Я, я. Глухие тетери. Вы чё там? Дрыхнете ещё, что ли? Или уже к канистрам присосались – не оторвать?

– Да ты сам «чё»! Какие на фиг канистры? Пирожки вот жарить собираемся. Дикобраза ещё не свежевали. Дел – выше крыши…

– Ладно, оторвите две руки от общего дела. Подошлите мне кого на пост. Всё в норме. То, что надо – уже здесь. До вечера ещё далеко, нечего вещмешкам тут глаза мозолить. Пусть кто подойдёт, заберёт ночную добычу. Поняли? Тогда – конец связи.

Как на грех, молодых под рукой не оказалось. Пришлось самому топать. Ну а почему бы почтенному «дедушке» и не прогуляться в такой прекрасный день? Солнышко светит. Птички поют. Да и настроение хорошее. Предпраздничное.

Короче. Как был в тапочках на босу ногу и в спортивках, так и отправился на дальний пост.

Глава пятнадцатая. Измена Родине

Гранаты оказались бесподобными. Огроменными. Хрустели и так и лопались в руках. Про вкусовые качества можно вообще не говорить. Толку-то? Говори не говори, как передать этот божественный, насыщенный вкус, когда оно само во рту тает? Даже глотать ничего не надо. Вот только что во рту было… Проглотил, что ли? И когда успел? Да оно само внутрь затекло!

Судя по каплям гранатового сока по всему караульному помещению и рассыпанным там и тут зёрнышкам, гранатовая дегустация началась задолго до моего появления. Ну и я не устоял. Присоединился. И оторваться от гранатов смог только через час. Где-то так. Но не меньше – точно. Так или иначе, но того, что предстояло отнести в блиндаж, изрядно поубавилось. В целости и сохранности осталось полтора вещмешка.

– Всё. Досыть. Разожрались! На днюху ни черта не останется…

– Да ладно, Юр. Не суетись. Всё, мужики, лавочка закрыта. Завязывай вещмешки.

Закурив сигаретку и взвалив на себя остатки ценного груза, неспешной походкой – а куда торопиться? – взял направление на блиндаж. Но не успел отойти от башни и на два десятка метров, как прямо под самым ухом:

– Боец! Стоять!!!

И из кустов вылазит на меня майор особого отдела. Незнакомый. Недавно большая часть офицеров, за исключением самой верхушки, сменилась, и новых мало кто знал в лицо. Они нас, соответственно, то же самое.

Потому… Он же моего послужного списка не читал. А может, и хорошо, что не читал?!

В общем, уважения к старослужащим у новеньких «кадетов» – никакого. У меня сигарета так сама изо рта и выпала. Птички петь перестали. Настроение праздничное – в момент испарилось. Как и не было его. Но и просто так сдаваться… И гранаты сдавать… Не на того напал, майор.

Минут десять мы с ним препирались по поводу происхождения гранатов в моих вещмешках… Потом особисту это надоело. Свистнул он двух бойцов и под таким импровизированным конвоем поволок меня к начальнику штаба. Личности весьма колоритной. И, вдобавок к этому, дважды контуженной. К Билли Бонсу, если на солдатском жаргоне, меня майор поволок.

А тот… Не разобравшись. С ходу. Чуть ли не калёным железом давай меня пытать. Сколько гранат? Каких конкретно? Эргэдэш-

ки? Или лимонки? Кому? И за сколько? Почём, мол, гранаты, боец?

И рожа такая… Довольная. Поймал засранца, продающего Родину оптом и в розницу.

Поначалу у меня глаза – во-о-от такие. Натурально – по шесть копеек. И сами на лоб переместились:

– О чём это, Билли?!

А когда до меня, как до жирафа, дошло наконец… Как дошло, что они с особистом, даже не мне конкретно, а всему взводу разведки шьют торговлю гранатами. Я тоже молчать не стал. Вспомнил, кстати, что тоже после госпиталя. Контузия, между прочим, и у меня имеется. Ну и вспылил. Мягко так скажем.

Короче, спорим мы в голос и в выражениях не стесняясь, но чую… Плохо дело. Керогазом пахнет. Шьют эти придурки мне измену Родине и связь с ду́хами. Но тут, на моё счастье, в ещё не до самого упора заклинившей башке Билли что-то щёлкнуло и переключило. Посмотрел он на меня внимательно… На мои спортивки, тапки на босу ногу. Посмотрел и говорит особисту:

– Ха! Да это же – разведка! Разведка, боец?

– Так точно, товарищ Бонс!

– Ну а я что? Разведка. Те ещё раздолбаи. Вот пусть с ним начальник опергруппы и разбирается. Они ведь в его непосредственном подчинении.

Особист сначала поупирался для важности. Но видит – начальник штаба не хочет на себя ответственность брать. Да и не дурак, понял наконец-то, что за гранаты у меня в вещмешках. Делать нечего, деваться майору некуда. Он меня опять – за хобот и всё так же, под конвоем, на ковёр к «папе». Начальнику опергруппы.

И не успели мы на этот ковёр и шагу ступить:

– Вот. Полюбуйтесь. Что разведка вытворяет! Подменяет солдат на посту и ночью выходит на связь с ду́хами. Сдаёт им информацию обо всех… Всех планируемых нами операциях и засадах! А для отвода глаз – бросают гранату с замедлителем. И потом, после её взрыва, обрабатывают местность автоматным и пулемётным огнём. Вот, посмотрите. На гранате – следы от пуль!!

Что тут супротив такой логики скажешь? Стою, молчу.

А особист дальше. И всё в том же духе. Мол, вот. Этими самыми гранатами ду́хи и расплатились с нами за последнюю порцию военной тайны.

Но тут, видно, у «папы» просто терпение закончилось:

– Ну что, разгильдяй вятский?.. Ты где гранаты взял? Только про шахский сад – не надо. Я каждое утро по гарнизону бегаю. Для поддержания

формы. И тонуса. Чтобы потом разных шалопаев со спокойной совестью гонять. Каждое утро бегаю. И ещё ни разу… Ты слышишь?! Сроду в нашем саду таких гранатов не видел.

А майор уже все гранаты из вещмешков вывалил. Огромные, насыщенно-рубиновые шары спелых плодов раскатились по всему помещению, уютно расположившись на белом мраморном полу. И так мирно этот натюрморт смотрелся, вызывая чуть заметную ухмылку на лице начальника опергруппы…

Я на неё косяка незаметно даванул… Ага, ещё не всё потеряно! Ну и свою линию гну:

– Да там, в зарослях, одно деревце заветное. Я б его, конечно, с удовольствием и открытой душой показал. Только нет там, увы, уже ничего. Нету гранатов. Собрал я их. Все, что были, сейчас вот тут, на полу лежат.

Я же сразу предлагал товарищу майору… Товарищ майор, вспомните! Сразу предлагал и деревце показать. И гранат попробовать. Да вы тоже… Попробуйте. Во гранаты! Мировые.

А тут и Билли Бонс подоспел. Ввалился в помещение, пыхтит, на раскатившуюся по полу красоту любуется:

– Не-е-е… Что там наш сад. На городском базаре и то… Сильно. Очень сильно поискать надо, чтобы вот такой натюрморт увидеть.

Все и уставились на гранаты, как будто вообще первый раз в жизни этот плод видят. Посмотрели, посмотрели молчком, «папа» и махнул рукой. Дуй, мол, в блиндаж. Сейчас мы тут… Определим твою судьбу.

Мне два раза повторять не надо. Я уже с первого – дунул. Передвигаюсь к блиндажу в темпе ускоренной рыси, а в башке мысли крутятся. И все, как одна, – невесёлые. В лучшем случае «губа» в Союзе. В Ташкургане-то её нет. В худшем… Про худший и думать не хотелось. Дембель, он же вот… Уже скоро.

Глава шестнадцатая. Угощение для лейтенанта

Где-то через час примерно у блиндажа появился наш взводный. Почему-то только с одним вещмешком. И каким-то не очень понятным выражением лица.

Появился и сразу же скомандовал. Тихо так:

– Старослужащим взять две СВДухи, ПКМ, гранатомёт и – за мной. Шагом марш!

Сказано – сделано. Мы похватали снайперки, пулемёт с коробками, гранатомёт… Молодых в блиндаже оставили, а сами – на пост.

Надо было видеть рожу Кобры, когда мы всей толпой – в касках, бронниках, при полном вооружении, да ещё и с летёхой – в караульное помещение ввалились.

А взводный каким-то приглушённым таким голосом и говорит, что приказ, мол, такой: тот, кто всё это приволок, тащит вещмешок с гранатами обратно. В сад. И там вываливает. Делает это прямо сейчас. Немедленно. Ну а мы, если что, этих гавриков огнём прикрываем. Из всех видов стрелкового вооружения. А по их возвращении вход в подземную галерею камнями заваливаем.

Мы так и сели. Нет, не в натуре, конечно. Так, фигурально.

Это ж надо… Средь бела дня. У всех на виду. Ни фига себе перспективка! Тут ещё неизвестно, что лучше. Губа или вот это дело. Но деваться-то некуда. Не ехать же, в самом деле, в Союз? Где нашего брата – ох как не любят. Да и за что любить? Уставы от зубов не отскакивают. Строевая подготовка – ниже плинтуса. По союзным меркам, так мы и под категорию бойцов не подходим. Так, сплошное позорище всех погранвойск Советского Союза.

Да и попробуй после губы выберись оттуда. Когда ещё очередная колонна на Ташкурган пойдёт. А мы от такой уставной жизни, если прямо в глаза, так и отвыкнуть уже порядком успели.

Делать нечего. Именинник взвалил вещмешок на спину, Лёха автомат взял и поползли они в этот сад долбаный. Тем же макаром, что и ночью, только теперь – средь бела дня. Мы у бойниц залегли. Всё, что можно, с предохранителей поснимали. Патроны в каналы стволов дослали. Гранатомётчики «выстрел» в трубу вставили. Смотрим…

На куполе дворца у двух АГСов расчёты зашевелились. Развернули стволы в нашу сторону. Ага, значит, «папа» тоже переживает. Вон, сам белой майкой на куполе отсвечивает.

Не знаю. Пацаны потом сказали, что наших минут пять не было. Не знаю. Как по мне, так эти уроды там не меньше часа шарились. И что в густых зелёных зарослях творится… Ни черта не видно! У меня правый глаз остекленел уже намертво. Брови пот не держат, он течёт дальше вниз, а не смахнуть его, руку от спускового крючка не оторвать. Отвлечёшься на какое мгновение, и, как по закону подлости, именно в этот момент там, в саду, нашим огневая поддержка потребуется.

На последнем пределе почти. Но смотрю… Наконец-то. Ползут обратно. Ещё немного и они – уже внутри башни.

Тут же, как приказано, вход в галерею завалили. После чего взводный

и доложил начальнику опергруппы, что разведка, мол, задание выполнила.

И сразу пустота какая-то накатила. Сидим, молчим. Ни рукой, ни ногой не пошевелить. Курить и то – не хочется.

Дурни, мы дурни. Хоть и дембеля. Это ж надо! Из-за каких-то паршивых гранатов… Из-за каких-то гранатов дуриком башку под пули подставлять. Да ладно бы мы не видели их. Не ели от пуза. Да на любой операции так их нажучишься... До тошноты просто. Уже и глаза б на них не смотрели. Пару раз даже гранатовую брагу делали. Просто потому, что есть не могли. А тут… Ну надо же! Как нечистый под руку подтолкнул.

Сидим рядком, вот так, молча, к тёплой крепостной стене спиной привалившись. Сидим, ждём, пока взводный своё коронное скажет про то, что «вот опять его из-за нас, раздолбаев, мордой по батарее провели».

Крайний справа - наш взводный. Лейтенант Лазутин. Тот самый, которого из-за нас постоянно - «мордой по батарее». Имя не помню. Родом откуда-то из Сибири. Оттуда в Душанбинский госпиталь пришла посылка от его мамы. С облепиховым маслом. Чтобы мы им ожоги смазывали...

А он вдруг вздохнул тяжело и тихо так, с хорошо различимым расстройством в голосе… Тихо так спрашивает:

– Корнейчук… Гранаты-то хоть вкусные были? А?..

И тут Кобра… Тоже тихо так, спокойно, ему в ответ:

– А что, товарищ лейтенант? Попробовать хотите?..

Тот так и остолбенел. Хорошо – челюсть не отвалилась. А то и подвязать её нечем. Да и было бы чем, так никаких сил на это уже не осталось.

А Юрок с Лёхой расстёгивают свои гимнастёрки и прямо на землю вываливают те же самые гранаты:

– Угощайтесь, товарищ лейтенант…

Никто, пока мы за афганцами во все глаза наблюдали, и внимания не обратил, что обратно они возвращаются значительно более толстыми, чем когда туда ползли. А потом лаз галерейный заваливали. Тоже не до рассматриваний было.

Вывалили пацаны гранаты, Юрка посмотрел на них… И говорит:

– А чё, товарищ лейтенант? Мы два раза жизнью рисковали. По минному полю туда-сюда ползали. И вот так запросто взять и оставить афганцам наши гранаты? Нетушки!

Так что не стесняйтесь. Угощайтесь. В блиндаж их всё равно не понесёшь. Та сволочь, что нас первый раз особисту сдала, и сейчас заложит.

Делать нечего. Ну не ползти же в этот сад по третьему разу. Тем более, доложились уже про выполненное задание. Так что там же, у крепостной стены, мы те гранаты и захавали. Почти все. Парочку только захватили для лейтенантова друга. Командира противотанкового взвода.

Вот такой десерт у нас вышел на двадцатилетний юбилей механика-водителя славной боевой машины с бортовым номером «166» и звучным именем – Аэрокобра.

А через день нашему взводу пришлось вычерпывать туалет. Потому как железной и несгибаемой воли боец Санёк средь бела дня попёр пустые канистры из-под браги в парк. Ну и попал под светлые очи Билли Бонса, которого искренне заинтересовала нестандартная, оригинально-раздутая по результатам брожения форма этих уже пустых ёмкостей. Пустых-то пустых, но… С характерным запахом, если крышку откинуть. А Билли не поленился. Откинул.

Но как мы туалет вычерпывали, это уже совсем другая история. Если и имеющая к гранатовому десерту какое отношение, то только опосредованное.

Там, за речкой

Рассказы

На прочёске. Ташкурган. Лето 1984 года

Как разведка туалет чистила

Что такое солдатский туалет?

С одной стороны, это такая вещь… Без которой примерно как без воды. И ни туды, и ни сюды.

На голодный желудок оно как-то… Либо вообще не воюется. Либо воюется, но слабо. С явно выраженным пораженческим уклоном. Вот почему, например, американцы так и ушли из Вьетнама не солоно хлебавши?

Только не надо улыбаться недоверчиво. От сытого брюха тоже многое зависит. Особенно, настроение солдатское. Когда боец сыт и доволен… Да самому тщедушному вьетнамцу любой техасский рейнджер по плечу. Тем более, если груз с американскими консервированными сосисками не подошёл. А в солдатской пекарне белая, пшеничная мука закончилась. Вот рейнджер и сидит, думу грустную думает. И дума эта об одном, преимущественно. Где бы найти чего-нибудь съедобного, чтобы если не наесться досыта, так хотя бы желудок набить.

Ну а у вьетнамца такой проблемы нет. Он зелёного бамбука веточку обломил… Из ближайшей болотины пару пиявок вычерпнул… Подкрепился славненько и уже по сторонам поглядывает:

– Где тут техасские рейнджеры? А подайте-ка нам сюда этих Тяпкиных-Ляпкиных, на десерт к бамбуку и пиявкам!

Нет, у нас-то, в Афгане, со снабжением всё в порядке было. На базе, в шахском дворце, какие-то умельцы такую русскую печку сложили… Примерно как у бабули. Может, даже и лучше. Просто повода потереться рядом с ней да сравнить за всё время службы как-то так и не представилось.

Афганские порядки, они от общесоюзных практически ничем не отличаются. Армия, она и в Африке… Потому как какие тёплые места, так молдаване или узбеки. А куда их ещё? Не пошлёшь же в боевое охранение, наперёд зная, что от такого варианта всем основным силам полный и бесповоротный кирдык моментально будет?

Вот и у нас на кухне два узбека ошивались. И толку с них… Мастера по переводу продуктов на какие какашки. И печь шикарная. И муки – завались. А как напекут чего… Сразу и не разберёшь – а что это у них получилось. Но не хлеб – точно.

А если на боевые, так обязательно с нами и полевая кухня, и водовозка. Но тут другая ерунда. Приготовить-то, при желании, хоть чёрта в ступе можно, но… Как ни старайся, от того чёрта, даже самого аппетитного, так соляром разит… Ощущения… Не самые приятные. Будто ложкой из котелка чистый керосин выгребаешь. И что? Вот это варево с ярким то-

пливным ароматом да в рот? Нет, мы все, конечно, крепкие парни. Можно даже сказать – железной воли. Но не бэтээры же в самом деле! Да и те всё это варево как-то не желают особо. Топливный фильтр, видишь ли, у них это хлебово не принимает! У них – не принимает. А у нас что? Должен?

Так что лучше на подножный корм и самоокупаемость, чем из этой полевой кухни. Или, на крайний случай, сухпаем. Он-то, так называемый 122-й горный паёк… Ничего вроде бы. Если честно – очень даже «чего». Чего только душенька твоя не пожелает.

Горького шоколада? Да, пожалуйста. Сливочного масла в банках? Сколько хотите. Может, тушёнки? А какой конкретно? Вот, в белом соусе имеется…

Но весь месяц одни консервы жрать, какими бы расчудесными они не были… Для широкой русской души, особенно, когда она вперемешку с хохлами… Нет, невозможное это дело!

Поэтому, кроме известного всей манёвренной группе огромного противня, доставшегося нам по наследству от сменяемых дальневосточников, в бэтээре обычно были заныканы два казана, куча сковородок самых разных размеров, пара вёдер и прочая кухонная утварь. Конечно, всем этим хозяйством наш доблестный экипаж обрастал постепенно. И не вся посуда приобреталась законным способом. Так, одно из вёдер пацаны уволокли от Ташкурганского улусправления. Прямо от правительственного здания законной демократической власти. А что сделаешь, если горяченького хлебова желудок требует?

Тем более, взводный… Перед каждым выходом, хитро так улыбаясь, обычно говорил:

– Ну что, бойцы? Учтите, у меня язва. И спать на холодной броне врачи запретили…

Мы и грузили в бэтээр матрасы, подушки… И в дополнение к ним – выделенные доброхотами с продуктового склада полмешка картошки, подсолнечное масло, приправы всяческие. А если вовремя подсуетиться… То и мяска кусочек.

В общем, если вопрос питания взять в свои руки, то и жаловаться вроде бы как не на что. Жить можно.

Но тут как и у любой медали. Не только аверс. Ещё и реверс имеется. Отходов при хорошем питании прилично. Иногда даже много. И чтобы этот вопрос, с отходами, как-то упорядочить, в любой части есть солдатский туалет. Обычный ров. Только глубокий. Но больше, чем в человеческий рост его обычно не роют. Мало ли, свалится кто. Так чтобы не утонул ненароком.

А как ров выроют, то поперёк него брёвна кидают. Друг от друга на

расстояние не шире ящика из-под мин. Чтобы доски от тех разобранных ящиков уже на брёвна можно было приколотить. Не сплошняком, конечно, а так – с одной стороны. Ну а другая сторона рва – открытая. Присаживайся на солдатский подиум и вываливай прямо в ров всё то, что тебе уже без надобности.

Постройка простая, функциональная, с непритязательной архитектурой, типичной для любой сухопутной части вооружённых сил Советского Союза.

Вот и у нас точно такая же была. Но со своей особенностью. Располагался туалет посреди шахского сада в густых зарослях розовых кустов. Красотища.

Умостился на подиуме основательно, сидишь – розами любуешься, газетку почитываешь. Уж с чем-чем, а с прессой никогда проблем не было. Этим добром нас всегда снабжали в избытке. Возле каждого из десяти посадочных мест – кипа целая. Выбирай любую. На свой вкус и цвет. Но народ как-то всё больше предпочитал центральную прессу. И чтобы статьи пообъёмистей были. Прочитал и тут же поделился животрепещущим с соседом:

– Слыхал? Вот, пишут… На Байкальской магистрали сквозное движение должны открыть. На днях практически.

– А-аа… Если вас послали «на три буквы», то не обязательно, что на БАМ.

– Это что, у тебя? Прям вот так и написали? Про «три буквы».

– Да нет. Это уже устное народное творчество. А написали, что кубинцы готовы уменьшить число своих военнослужащих в Анголе. Если конечно эти ЮАРовские придурки откажутся от управления… Этой. Как его? «…от управления Намибией». И на фиг она им сдалась?

– Запас карман не тянет. А кубинцы, смотри, ничего пацаны. Дают империалистам прикурить. Кстати, сигаретку не перекинешь?

– Говно вопрос. Лови…

А как прочитал прессу – по непрямому назначению её. То, что для техасского рейнджера смерть, для советского бойца – в порядке вещей. Использовал газетку не по прямому назначению и – в ров её. Вдогонку за отходами собственной жизнедеятельности.

Всё хорошо. Вот только ров… Какой бы он глубокий не был, имеет одно неприятное свойство. Время от времени наполняется. Почти доверху.

И когда это происходит, туалет, в дополнение к собирательно-накопительной, начинает выполнять ещё одну функцию. Воспитательную.

Если кто-то кое-где у нас порой что-то нарушит… Или забудет какую истину, уставом прописанную, то его быстренько именно на этот объект.

Чтобы всё то, что в солдатском туалете накопилось, на-гора поднял и вычерпал. А в процессе вычерпывания осознал, перевоспитался и вспомнил о том, что за время службы уже порядком подзабыть успел.

Чтобы жизнь прожить, отслужить, да не нарушить или не забыть чего? Нет, наверное, можно. И такое, скорее всего, бывает. Встречается и такой народ, у которого с самого рождения всё – по полочкам. И помнят они всё, и правильно делают.

Но у нас во взводе таких не было. И как-то осенью… Время к дембелю уже. Застукал начальник штаба несгибаемой воли бойца по имени Санёк, который через парк шлёпал. Налегке почти. Пустые канистры тащил. Из-под браги. И заинтересовала бдительного Билли Бонса, как начштаба по солдатскому жаргону проходил, подозрительно вздутая форма этих самых канистр, потерявших свой первоначально стандартный вид в результате интенсивного брожения того сахаристого продукта, который по итогу во что-то хмельное превратиться должен был. И превратился, конечно. Вот только в канистрах его уже к тому моменту не было. Только запах оставался.

Это как-то очень сильно обидело Билли. Задело за живое. А поскольку в их Бонсовом роду все такие, на расправу скорые и нравом крутые, он нас и зарядил туалет вычерпывать. Всем взводом.

И не денешься никуда. Приказ.

Вот мы следующим утречком и напялили ОЗК. Общевойсковой защитный комплект. Плащ с капюшоном, хлястиком, шпеньками и тесёмками. Чулки с усиленной резиновой основой, что поверх обычной обуви надеваются. И перчатки. Всё из специальной прорезиненной ткани, чтобы защитить бойца от разной фигни типа радиационной пыли, отравляющих веществ или средств биологического поражения. И весь этот комплект надо вместе с противогазом использовать. Но недолго. Часа четыре. Не больше. Иначе тому, кто этот самый ОЗК надел, и без радиационной фигни полный кирдык будет. А если с противогазом – и того раньше.

Так что мы решили плащами, чулками и перчатками ограничиться. Напялили всю эту прорезиненную броню, прихватили лопаты, пару тачек и – к туалету.

А там уже любители утренней прессы воссели. В таком, достаточном количестве. И уже настроились все. На неспешное чтение и активное обсуждение свежих новостей. А тут мы. Нарушители всех их планов и самых трепетных чаяний. Народ и возмутился бурно.

А что мы? У нас – приказ.

В общем, вошли мужики в наше положение, свернули газетки. И тишину в зале удалось восстановить.

Стоим мы, значит, в этой тишине, созерцаем красоту во всём её неприглядном виде и репу чешем. С какой стороны к этим залежам подступиться.

Молодые, народ хоть и глупый, но деятельный, даже попробовали ковырнуть залежи. Куда там, если бумаги значительно больше, чем отходов. Это вам не Забайкалье, где при минус тридцати как вжаришь ломиком, так та-а-акие глыбищи отковыриваются… Любо-дорого смотреть!

А тут… Хоть осень, и температура – за те же тридцать, но только в другую сторону от нулевой отметки. Плюсом. Потому этот плотный бумажно-органический массив никак не ковырнуть. Подступиться и то непонятно – с какой стороны. «Красную звезду», её лопатой не возьмёшь.

Стоим, грустим. Время от времени вздыхаем обречённо. Но не все.

Наверное, в каждом взводе обязательно есть если не пара-другая, то один такой чудик, из которого разные идеи прут настолько мощным и неудержимым потоком, что если их в мирных целях, то кучу нобелевских премий огрести можно. Ну и мы – не исключение. Был у нас Юрка Корнейчук. Водила со второго бэтээра. У которого его пепелац хоть урчал и коптил нещадно, но тянул не хуже летательного агрегата времён Второй мировой, что нам по ленд-лизу поставляли. По арыкам носился лучше Аэрокобры. За что и получил соответствующее имя. Ну а его хозяин проходил по укороченному варианту. Коброй.

Вот мы, значит, стоим все молча, грустим. А Кобра возьми и выдай. Очередную идею.

– Мужики… Чё мы стоим тут как болваны? Ночевать, что ли, у этого туалета? Пусть молодые валят в парк по-шустрому. Прикатят полбочки соляры. Мы это дело и выжжем. Вон бумаги во рву сколько. Не загорится, что ли? Да с полбочки… Как миленькая! А остальное… Если не сгорит вместе с ней, так поубавится. Мы и скажем, что почистили. Пусть и не до самого грунта… Да пусть кто попробует до самого! Зато места вон сколько высвободили. Нам до дембеля хватит. А потом – хоть обхезайся вся манёвренная группа!

Мысль, ясное дело, всем понравилась. Мы так даже духом воспряли. Тумаков молодым надавали, чтобы они поставленную перед ними задачу усвоили основательно, и отправили их на бреющем в парк. Мол, чтобы без полбочки и не возвращались. А сами – тачки и лопаты в сторонку – умостились удобненько под розовыми кустами. Закурили. Сидим, ждём, когда бочка в наше распоряжение прибудет.

Молодых… Только за смертью посылать. Тьфу-тьфу! Уже по третьей сигарете закурили, когда они – ну наконец-то! – на горизонте нарисовались. Прикатили. Не полбочки, конечно… Но вёдер пять соляры точно было.

Дело за малым осталось. Вылить да поджечь. Так всё и сделали.

Опять закурили. Стоим, смотрим в ров. Ждём, когда оно прогорит. А оно ка-а-ак дало… Чуть вся манёвренная группа с нами за компанию не прикурила.

Короче. Верхняя бумага быстро сгорела. Но соляра… Она же вниз просочиться успела. И вся эта зловонная масса заклокотала во-о-от такими пузырями. С бычачью голову. Дым повалил чернущий. Да ладно бы просто дым! У него такая запашина оказалась. Похуже любого отравляющего вещества. Хоть в блиндаж молодых за противогазами посылай.

Но и этого всего на нашу голову кому-то там, наверху, в небесной канцелярии, показалось мало.

Я-то по химии не особо. Вечно у меня на уроке или взорвётся что, или такая дымина из пробирки попрёт, что всю школу потом надо неделю проветривать. Директриса и запретила настрого химичке меня к кабинету близко подпускать. Пришлось всё чисто теоретически, по учебнику, осваивать. А тот, кто до того им пользовался, не хуже моего этот предмет любил. И когда книжка ко мне в руки попала, страниц в ней вполовину оставалось от тех, которые ей в типографии под обложку засунули. Как я эту химию потом на экзамене сдал… Ума не приложу. Да и к чему…

Да и к чему состав кислот?

Их никогда никто не пьёт!

Но вот опыт про то, как кусок сахара горит в соляной кислоте… Когда он сначала обугливается, а потом начинает переть из пробирки, как хорошо подошедшая опара из кастрюли… Этот опыт я хорошо запомнил.

У нас с этой солярой что-то очень похожее получилось. Вся клокочущая и горящая масса стала пучиться и подниматься по стенкам рва. Выше, ещё выше. И хоть до края оставалось ещё прилично, но на душе́ как-то волнительно стало. Даже взгрустнулось маленько. Как бы не пришлось нам новый туалет копать.

А земелька в предгорьях Гиндукуша, между прочим, не мяконькая. Её и кайлом взять проблема. Если только тротилом рвать.

И все, не сговариваясь, дружненько так на Юрку уставились. Думай, мол, козлина, где теперь взрывчатку добывать будем. А он рожу невинную скорчил:

– Да вы чё, мужики? Я-то тут при чём? Кто ж знал, что оно вот так?..

Тоже гад химию небось в школе прогуливал. Но наверняка этот факт его биографии уточнить так и не удалось. Смотрим, вестовой на полусогнутых во весь опор от штаба бежит:

– Что вы тут такое делаете?

Ну, мы ему чин чинарём. Так, мол, и так, туалет чистим.

А он нам:

– Да вы что, с ума посходили? «Папа» – начальник оперативного отдела – открыл утром окно на втором этаже. Пейзажем мирным полюбоваться. На шахский сад во всей его красе в удовольствие посмотреть. А тут… Дым чернущий столбом. Да ещё и попахивать стало.

А мы что? Приказ у нас.

Вестовой развернулся на сто восемьдесят и обратно. С той же самой реактивной скоростью. Мы ему и в спину посмотреть не успели. Стоим, в полных непонятках. А нам-то что дальше?!

Только долго нам в тот раз постоять не удалось. Буквально через какие-то считаные минуты несётся вестовой обратно и орёт в голос:

– Отставить! Засыпать!! Потушить!!!

Легко сказать. Мы потом не меньше получаса всё это дело песком засыпали. Но перед тем, как за лопаты браться, спросили всё-таки:

– Да что случилось-то?

А вестовой и выдал, что как только он доложил, что это, мол, разведвзвод туалет чистит, «папа» как закричит… Громко, возбуждённо и с выражением искренним:

– Это ж какой идиот! Какой идиот этих раздолбаев, можно сказать, на стратегический объект послал?! А если они туда мину приволокут?.. Немед-лен-но. Немедленно убрать их оттуда.

Вестовой, естественно, не особо в курсах был, какой идиот нас заряжал на вычерпывание. Ну а мы про Билли промолчали. Не такой уж он и гнилой мужик по сути. Просто иногда за порядок переживал больше, чем надо.

А Юрка так до самого вечера гоголем расхаживал:

– Да если б не я… Если б не я, вы бы все до сих пор те залежи ковыряли.

Зато вся мангруппа знала, как разведка туалет чистила.

И розами у туалета долго потом не пахло.

Что такое счастье

И вот листает он мою медицинскую карту:

– Контузия. Ожог третьей, четвёртой степени. Контузия…

А потом поднимает свою мудрую голову от бумажек и, глядя мне прямо в глаза, спрашивает:

– Травмы головы были?

Вот козлина… Бесплатная медицина, япони мони. И что я ему в ответ

сказать должен? Плюнуть бы прямо на линолеум со смаком, но не могу же я – поликлиника как-никак! Встал молча и почапал, приволакивая правую ногу, – из-за неё собственно и пришёл – на выход из кабинета.

Нет, вот кто ты после этого? Невропатолог? Городской поликлиники областного центра? Областного! Не поселковой амбулатории. Не райбольницы где-то в дебрях карельских, архангельских или вологодских лесов. Городской поликлиники областного центра! И что? Даже все бумажки прочитав, так ничего и не понял? Да ты человека нутром чувствовать должен – кто он, из каких и с чем пришёл к тебе. Как те санитары в Ташкенте почувствовали…

У нас же груз «200» не отправляли без опознания. А я как раз после первого ранения из Душанбинского госпиталя возвращался. Через Термез. А от него всяко до Ташкента ближе, чем от Ташкургана. Да и волокиты, если кого из-за речки посылать. Это ж надо с боевых снимать. Машина в попутном направлении нужна. Да ещё когда та колонна на Хайратон пойдёт?! Таможня опять же. В общем, выдали мне на время парадку в комендатуре, на транспортник, и к вечеру я уже в Ташкенте. Стою в морге госпиталя Сороковой армии. А там такое, типа футбольное поле, и цинки, цинки – ещё не запаянные – рядами.

Двое санитаров подводят меня к одной из них:

– Твой?

Смотрю – Рыжий. Удмурт чёртов. Как же ты так? Ну, зацепило. Но ведь живого тебя в вертушку запихали. Уже последним, как самого лёгкого. А оно вон как. Я вот стою тут, хоть никто и не думал, что выживу, а ты – в цинке.

– Мой, – говорю.

А они бросают парадку прямо в цинку:

– Одевать будешь? А то к утру… У тебя утром борт на Свердловск. А то и так, вместе с парадкой, твоего кореша запаяем. Нам чужого не надо. Своего спирта хватит. Может, и ты с нами вздрогнешь? Времени ещё – навалом.

Ну я и пошёл. Вздрогнул с ними. Просто спирт. Закуси не было. А потом посмотрел на них и говорю:

– Слышь, пацаны… Ну, если я к вам «двухсотым» попаду – оно понятно. Своих годков, опять же, в цинк вы запаивать не будете. А если оттуда, из-за речки, одноклассник одного из вас придёт? С которым – с первого по десятый. И в шестом – за одной партой сидели. За сборную школы вместе на лыжах бегали. А его? Тоже вот так – голым? И парадку, которой вам не надо, – сверху?

Они посмотрели на меня, накатили ещё по полстакана, встали молча

и пошли со мной. И я поднимал Рыжего, переворачивал, а они одевали. Майку, рубашку, брюки, китель… А он же весь – в формалине. Беру Рыжего, чтобы приподнять, и кусочки его кожи остаются на моих пальцах.

Но мы одели его. И только потом запаяли цинку. А утром я ушёл с военным транспортником на Свердловск. И была у меня с собой ещё фляжка со спиртом. Которую мне санитары дали. Просто так. Не просил я их об этом. Но, как одели мы Рыжего, цинку запаяли и пришла машина, они, перед тем, как грузить, сунули мне эту флягу и пока я мог видеть их в зеркало заднего обзора, стояли у ворот морга и смотрели нам с Рыжим вслед.

Они бумажек моих не видели. И не листали их. Просто посмотрели в глаза. И всё поняли.

А дед Коля даже в глаза не смотрел. Как я вернулся и мы с ним, знамо дело, за стол сели… Бабушка ещё у печи колготилась. Что-то у неё там ещё не дожарилось. Или не допарилось. А мы сели. И дед сказал:

– Лёша, дай мне правую руку.

– Зачем, деда?

– Дай.

И я через стол протянул руку. А дед у меня всю войну прошёл. До самого Кёнигсберга. А закончил её уже на Курилах. Он взял мою ладонь, нащупал мозоль от курка на указательном пальце и спросил:

– Убивал, Лёш?

И что я ему могу сказать?

– Убивал, деда. Но не хочу об этом. Я – вернулся.

И всё. Больше ни разу, до самой своей смерти, не спрашивал меня дед об Афгане. Потому что знал, что каждый свою войну носит в себе. И чувствовал, что не надо вспоминать об этом. Просто – не надо. Что было, то было. А сейчас – надо жить дальше.

Может, кто-то скажет, что это – не те примеры. Дед, мол, родная кровь. Он и должен был чувствовать и понимать. А санитары… Просто совпадение. Но если это так, то почему… Почему я уже в учебке стал Палёным? До того, как подобьют мой бэтээр, ещё почти год прожить надо было. А уже через неделю для всей команды я был не Лёхой. И не ефрейтором Кравченко.

– Палёный, табачком не богат?

Да я вообще мог бы и не попасть в Афган. Вся команда погрузилась и ушла на Читу. И один я в пустой казарме. Что за ерунда? Я что, самый плохой боец? Кто и с чего это взял? На стрельбище ко мне вопросов не было. ЗИЛ свой с АПМкой по зимней Шилке довёл туда, куда его и надо было довести… Я вертолёт поднять могу! Правда, посадить его не сумею.

Но это уже и не надо. А если так, то почему? Почему они ушли на Читу, а я остался один в пустой казарме?

Молодой был. И сам чёрт в родственниках у меня не ходил. Я и пошёл к начальнику штаба. Так, мол, и так, товарищ полковник. Что за дела? Я что, самый плохой? Почему не достоин исполнить интернациональный долг?!

– А кто сказал, что хороший? Сержанту кто в морду дал?

– И что, из-за этого?!

– Нет, не только из-за этого. Как зовут начальника Забайкальского погранокруга?

– Откуда мне знать, товарищ полковник. Мне и по должности этого не положено.

– А бабушку твою как звать, знаешь?

– Знаю. Только она-то здесь при чём?

– Вот этого уже я не знаю. Но знаю, что она звонила начальнику, а у меня – приказ. Присвоить тебе звание старшего сержанта и оставить в учебке.

Смотрим мы молча друг на друга… И что делать?!

– А позвонить можно?

И полковник подвигает мне по столу свой телефон. Набираю знакомый номер:

– Ба, ты?

– Ой, Лёша… Ты? Откуда?

– Да вот, от начштаба тебе звоню. Ба, ты откуда начальника округа знаешь?

– Так мы с ним ещё в тридцатых вместе басмачей по всему Туркестану гоняли.

– И ты ему позвонила?

И сразу – пауза в трубке:

– А ты откуда знаешь?

– Неважно, ба. Значит звонила? Зачем, ба?!

– Лёш… В Афгане ведь убивают. Не забыл ещё, что ты у нас с матерью один?..

– Ба! Ну что ты наделала…

И положил трубку.

Стою, молчу. А полковник посмотрел, посмотрел на меня:

– Что, хочешь догнать своих?

– Хочу!

– Смотри, парень. Ты понимаешь, если что, ты мне не только карьеру, всю жизнь поломаешь?

– Понимаю.

– Ну, если понимаешь…

И он достаёт из ящика стола мои документы:

– У миномётчиков зачётные стрельбы послезавтра. Я могу поменять тебе воинскую специальность. Отстреляешься и вместе с ними догонишь свою команду в Чите. Отстреляешься?..

Уже потом, в Афгане, я посмотрел на этих парней, что служили на автоматических миномётах «Василёк». Всё. Полная задница. Смертники. Самые настоящие смертники. Но может потому, что эти пацаны не боялись ни Бога, ни чёрта, та старушка с косой, что стояла прямо у них за плечами, иногда давала им шанс выйти сухими из той воды, из которой, казалось бы, выйти вообще невозможно. Но это было потом. А тогда что ещё мне оставалось? Только сказать коротко, в одно слово:

– Отстреляюсь.

И я отстрелялся. На отлично.

Только когда мы добрались до Термеза, уже там выяснилось, что ни в мотоманёвренной группе Мазари-Шарифа, ни в Ташкургане нет «Васильков». Не дошла ещё цивилизация до тех мест. А потому в миномётных батареях обеих ММГ на вооружении стоял старый добрый 82-миллиметровый батальонный миномёт образца 1943 года. И если второй номер по боевому расписанию тащит на себе к огневой позиции ствол, то командир расчёта прицел и… Миномётную плиту! А она весит… Просто офигеть сколько! Полтора пуда с небольшим хвостиком. И когда я увидел эту плиту, то мне как-то сразу расхотелось быть миномётчиком. Да я же просто умру под этой железной бандурой. Ещё до того, как выйдем на огневую.

Поэтому, когда сказали, что в Ташкурган нужны наводчики… А к тому времени мы уже знали, что если в Мазарях шанс выжить – практически стопроцентный, то в Ташкургане – как Бог даст. Пятьдесят на пятьдесят. Мы уже знали. Но когда там, на термезском плацу, сказали: «В Ташкурган нужны наводчики», – я сделал шаг вперёд и вышел из строя. Не потому, что так уж сильно мне хотелось поиграть в русскую рулетку. Нет. Просто к тому времени я уже понял: миномётная плита – не для меня.

Но всё это было потом, в Термезе. А когда я вместе со всеми миномётчиками высыпал из вертушки на бетонку читинского аэродрома и вдруг услышал… Не один, не два, а целый хор родных и оттого хорошо узнаваемых голосов:

– Палё-о-оный! Чёртушка… Догнал-таки!

Нет, тогда я ещё не знал, что это и есть счастье. Но такого тёплого и немножко щемящего чувства где-то там, в груди, у меня, наверное, не было больше никогда в жизни.

Если кто-то хочет быть талантом. Или даже гением… Два шага вперёд. Выйти из строя. И будьте свободны, как ветер в чистом поле. Я – не хочу. Ни талантом. Ни тем более – гением. Хочу вот так. Быть одним из. Среди своих. Таких же, как я. Может, в чём-то чуточку лучше. В чём-то – чуточку хуже. Но таких же, как я. Таких, которые не бросят. И вытащат. Даже из горящего бэтээра. Несмотря на то, что боезапас может рвануть в любую секунду.

Хотя, вообще-то, из бэтээра я и сам выбрался. Не в этом дело. Я знал, что не бросят. Но и самому, если ты боец, плошать не надо.

Правда, до того тёплого майского вечера в кишлаке Акча было ещё далеко. Ещё дальше, чем от Читы до Термеза. Но мы же добрались до него? А потом пошли одной колонной через Хайратонский мост. Моросил мелкий декабрьский дождик, Пугачиха во всю мощь запрятанного в кабине у кого-то из водил кассетника пела про старинные часы, и всё у каждого из нас было ещё где-то там, впереди. За тем перекрёстком, на котором часть колонны повернула направо и пошла на Мазари-Шариф. Ну а мы, соответственно, – налево. К Ташкургану.

Всё это было далеко от Читы. Где-то там, впереди. А тогда я стоял на бетонке читинского аэродрома. Кто-то хлопал меня по плечам, кто-то обнимал. И спереди, и со спины. А я стоял, молчал. И шалел. Тогда ещё не понимая, что от счастья. Это до меня дошло значительно позже. Но дошло. И может, именно поэтому я ни о чём не жалею. Ни о контузиях, ни об осколках кумулятивной гранаты, что до сих пор так и сидят где-то там, глубоко в теле. Ни о чём. Не жалею.

Пацаны… Может, кому-то ещё нужен старый, седой наводчик, ещё не разучившийся долбить сразу, одновременно, из двух пулемётов бэтээра? И не забывший, какая маркировка нанесена на пулю какого патрона…

Что?.. Нога?! Да всё с нею в порядке. Я потом к платному невропатологу сходил.

Как разведка своего командира чуть заикой не сделала

Великое дело – солдатская смекалка. Если, конечно, она направлена на решение уставных целей и задач. Вот только, если честно, на то она – далеко не всегда. И потому солдатская смекалка зачастую доставляет много огорчений отцам-командирам. Иногда довольно серьёзных. С определёнными последствиями для их драгоценного здоровья.

Как-то и у нас такой случай произошёл.

Сами понимаете, после боевых обязательно надо скинуть то напряжение, что накопилось за время выхода. Обязательно надо. А то если его накапливать, накапливать, так и того… Башку запросто снести может. А когда её, родимую, клинит, чего только не выкинешь. К великому огорчению тех же отцов…

Соответственно, чтобы остаться в здравом уме и светлой памяти, надо бы напряжение скинуть. И лучшего способа, чем выпить, до сих пор никто не придумал. Но как? Сами понимаете, в «Военторг» для бойца-срочника никто казёнку завозить не будет. Да и был бы тот «Военторг»!

У нас, в Ташкургане… Да не только у нас! По всем мотоманёвренным группам погранвойск в Афганистане даже полевых почт не было, не то что магазинов. И денежное довольствие нам, в отличие от десантуры, не ежемесячно выплачивали, а только перед самым дембелем, в погранотряде, когда нас уже в Союз перебрасывали. И как в таких условиях жить? Бриться, умываться, письма домой писать? Очень просто. Когда приходили вертушки, они обязательно привозили всю ту мелочёвку, без которой немыслима повседневная жизнь: одеколон, лезвия для бритья и сами станки, почтовые конверты, нитки, иголки… Подходи и бери сколько хочешь! Настоящий коммунизм в отдельно взятой местности.

Вот только «беленькой», естественно, никто и никогда на борт в Союзе не грузил…

Хотя нет. Нет!! Было однажды дело. Пришла колонна из Союза. И както подозрительно долго, до самой темноты, обоз и миномётчики что-то искали. Ну искали и искали. Мало ли что. Может, им мины не той системы привезли?! Нам-то что?! Раз стемнело, значит, отбой. Он ведь не только в танковых войсках. Соответственно, мы не на посту, не в карауле, не в боевом выходе. Можно вполглаза и приснуть минуток на дцать…

Чем мы и занялись незамедлительно. И прокемарили бы так до самого рассвета, если бы к полуночи нас не обстреляли.

Мы-то, естественно, повыпрыгивали из блиндажей и – в бэтээры. Патроны – в канал ствола, оружие – с предохранителей, ушки – на макушках, выглядываем внимательно окрестности на все триста шестьдесят. А позиция минбата – вот она, рядышком. Смотрим, притащили эти ухари снарядные ящики, открыли их… А там… Водка! Душанбинская. «Три богатыря». Щедро пересыпанная древесной стружкой.

Чем, спрашивается, стрелять?! А стрелять вообще-то надо. Команда была. «Открыть ответный огонь». Делать нечего, взяли миномётчики подствольники, бахнули пару раз в белый свет, как в копеечку, но… Звукто выстрелов совсем другой! Отцов-командиров не проведёшь. Пришлось уже всем (и нам в том числе) подорваться и ящики тягать со склада

боепитания. Но и мы-то… Тоже не лыком шиты. Тот ящик, что миномётчики вскрыли, у нас, естественно, реквизировали, но остальные пять, как ни искали, так и не нашли.

Но это… Один-единственный раз. И то явно не по линии «Военторга». Приходилось как-то самим выкручиваться. «Спасение утопающих – дело рук»… Вот мы и ставили брагу. И на гранатовых зёрнах, и на верблюжьей колючке, и… Афган. Невиданных фруктов-ягод – вагон и маленькая тележка. Выбирай любой. Добавляй сахар, дрожжи и… Жди, когда она настоится. А после этого… Будет нам всем праздник! Если, конечно, отцы-командиры о том не пронюхают и не проведут конфискацию заветного продукта в свою пользу.

Так чтобы этого не случилось, мы приспособились настаивать брагу в… миномётном стволе! А что? В 120-миллиметровую трубу десять литров браги – спокойно. На взвод – вполне. Летом не то что тепло – жарко. Поэтому приспособишь миномёт куда в тенёчек, он и стоит себе, никому не мешает. Спотыкаться об него никто не спотыкается, соответственно, и ругани никакой нет.

Стоит себе миномёт и стоит. Значит так надо. Взвод готов! А если вдруг ответный огонь, так и двух оставшихся миномётов – вполне. Тем более, если и иные взвода батареи огнём поддержат.

И всё было чин чинарём, пока нашему комвзвода замену не прислали. И кого? Молодого лейтенанта, прямо после выпуска. Погоны ещё и запылиться не успели. Естественно, летёха молодой, горячий, энергии – вагон.

Он первым делом и сыграл боевую. Ну, мы выскочили, два миномёта развернули, ящики с минами подтащили – к стрельбе готовы! А он – куда там!

– А третий миномёт?!

Мы ему и так, и эдак: не надо, мол, тащ лейтенант. А он всё своё:

– Что, неисправен? Так оружейника надо вызвать!

– Да нет, тащ лейтенант, исправный он, но... Не надо!

Куда там, будет он каких-то бойцов слушать. Раз мы не идём к Магомету, он сам подскакивает к миномёту, надульный чехол сдёргивает, выхватывает мину из ящика и... В трубу её! А выстрела... А выстрела-то и нет. Не-ет выстрела!!

Мина так, чпок, пошла, пошла медленно по трубе. Но брага-то её не пускает! Мина остановилась и... И вверх начинает подвсплывать.

Ну, наш лейтенант, он же всё это видит, – по теории…

По теории оперение мины, как хвост, собрано одним пучком, и если она дошла до бойка – кольцо с оперения слетело, и она встала на самовзвод. Поэтому если хочешь остаться цел, то надо миномётный ствол тихонько

наклонить и, когда мина выползет из ствола, её оперение зажать, типа как чеку от гранаты – вставив в усики.

Наш лейтенант видит, что мина ушла в ствол, а на курсах, естественно, его учили: ушла, значит, встала на боевой взвод. А раз так, то там уж – какой взрыватель. Или за верёвку дёргай, или там стоит пиропатрон, который сам взорвётся от накалывания на боёк и «выплюнет» эту мину из ствола.

Соответственно, по теории, сейчас в стволе должно рвануть! У лейтенанта – глаза во-от такие, сам белый, как мел, кричит: «Ложись!!». И сам, подавая нам всем пример, падает посреди огневой...

В общем, всё благополучно закончилось.

Брагу пришлось вылить, мину извлечь потихоньку из ствола (она же на боевой не встала, брага её не пустила к бойку, и его жало не накололо капсюль в хвостовике).

Но взводный у нас месяца три заикался очень сильно.

Конечно, сейчас немного стыдно. Прости, командир!

А тогда мы такие злые на него были. Тебе же «дедушки» говорят: «Не надо!» Ну вот какого чёрта?! И продукт почти готовый испортил, и сам пострадал! Из-за своей же недальновидности и упёртости.

Обезьянка

Афганистан болит в моей душе,
И все, кого я встретил и не встретил,
Пусть будут долго жить на этом свете,
Как тишина на дальнем рубеже.
(Из песни)

15 февраля. День вывода советских войск из Афганистана. И хотя погранвойска ни к Министерству обороны, ни к доблестной Советской армии не имеют никакого отношения, а о выводе во время нашей срочной никто даже не заикался, но всё одно… Включишь один ТВ-канал, другой… А там старая, чёрно-белая хроника, со знакомыми пейзажами.

Но главное — рожи. В привычных касках, панамах. Или шапках-ушанках, в зависимости от сезона. Коротко стриженные, если без головного убора. На броне или так, пёхом. И вот смотришь на них, совершенно тебе незнакомых, а в памяти всплывают лица, родней которых и сейчас невозможно представить.

…Наша Ташкурганская мотоманёвренная группа (ММГ) базировалась

на территории шахского дворца. Сам дворец был достаточно солидным зданием. Помимо столовой для рядового состава и огромной русской печи… Кстати, узбеки-поварята так и не научились в ней печь хлеб. Всё у них одна мякина получалась без аппетитной зажаристой корочки, да и та — плохо пропечённая. Как когда-то говорила бабуля — «глызеватая».

В общем, надо было им тандыр сооружать, чтобы они свои лепёшки пекли. Вот тогда, может, и были бы мы с хлебом, а не чем-то совершенно непонятным, даже по запаху хлеб не напоминающим. В общем, помимо столовой и большой русской печи, в здании шахского дворца располагался штаб ММГ, кабинет её начальника (майора Тропина), комната оперативной группы во главе с майором Дюгаевым, узел связи ЗПУ и куча всяких иных важных (и не особо) служб. Но основные площади дворца занимало офицерское общежитие, если таковым его можно было назвать: с одной стороны — приличный по своим размерам зал, с другой — небольшие уютные комнатки. По площади — что-то типа однушки в нашей родной советской хрущёвке, но, в отличие от неё, с огромными сводчатыми потолками.

Короче, условия соответствовали санитарным нормам, и по вот этим комнаткам располагались все офицеры ММГ. Чуть было не написал — «одной дружной семьёй». И написал бы, но… Это не совсем соответствовало бы действительности. Не только среди рядового состава, но и у офицеров, как оказывается, бывают стычки по тем или иным поводам. Но до поры до времени офицеры жили – не тужили в этом импровизированном общежитии, несмотря на те разногласия, которые время от времени между ними возникали.

А жили мы, как это не покажется кому-то странным, практически при коммунизме. Денег-«чеков» нам не платили, «Военторга» не было. Да вообще ничего не было! Был только адрес: УзССР, Сурхандарьинская обл., г. Термез, воинская часть такая-то. И всё! Да, нам приходили письма и посылки от родных, друзей, но они не подвергались таможенному досмотру. Пограничные вертушки забирали их на базе погранотряда, в Союзе, и прямым ходом — к нам, в Афганистан.

Я к чему? Практически в каждом письме можно было найти как минимум десятку. Ну а в посылках и того поболее. Помимо того, что приходило с письмами и посылками, мы могли заказать что угодно: станки и безопасные лезвия для бритья, сигареты, одеколон, конверты без марок и т. п. И денег за это с нас не высчитывали. Приходит вертушка, подходишь и берёшь – что тебе надо и сколько надо.

Единственно спиртного вертушки не привозили. Но… Был один стопроцентный вариант: это когда наша колонна шла в Союз через Хайра-

тонский мост за фуражом и боеприпасами. Мы её, естественно, сопровождали. Иногда сутки-двое ждали, пока загрузятся. Вот здесь и нужны были те деньги, что приходили с письмами-посылками. Плюс все были «заряжены» под завязку: ручки-зажигалки с раздевающимися женщинами, зубная паста «Маклинз» или «Тако» и много чего всякого-разного, заканчивая джинсами.

И вот грузится такая колонна в Термезе, но несколько ящиков загружают не тем, чем положено (например, минами), а водкой! На ящике делают определённые, понятные только заказчикам отметки, чтобы бесценный груз дошёл туда, куда надо, и… Всё! Никто груженную боеприпасами машину на таможне не проверяет, охота прибалтам (которыми на тот момент была практически полностью укомплектована термезская таможня) полный «Урал» лопатить, силёнок не хватит.

Так и привозили. Вечерком, когда выгрузка закончится и после того, как офицеры слиняют, начинался делёж: кому и сколько. И всё, как правило, прокатывало без сучка и задоринки. Единственный раз, на моей памяти, случился прокол.

В темноте не заметили на двух ящиках крестики мелом, а может, они при выгрузке стёрлись. Короче, когда минбат первой же ночью после разгрузки колонны подкинули по команде «к бою!», они пару залпов дали, а потом подтаскивают боекомплект, ящики открывают, а там… Вместо мин — водка! Аккуратно переложена, каждая бутылка завёрнута в полиэтилен! И в каждом минном ящике не меньше четырёх десятков поллитровок!

Один из ящиков пацаны успели заныкать, а второй… Комбат просёк, в чём тут фишка, и реквизировал в пользу «голодающих Поволжья». Хотя так-то у них и своя была, офицерам разрешалось до двух литров привозить, но кто же знает, когда она, следующая колонна?

Но это только присказка. Сказка же в том, что как-то в период относительного затишья, а это в провинции Саманган бывает, когда у мирных афганских дехкан созревает урожай гранатов… Тут уж не до военных действий, когда каждый день — год кормит. Какая, павлин-мавлин, война, уборка поджимает! Ну и пока дехкане заняты гранатами, которые у них типа нашей картошки — всему голова, наступал период негласного перемирия сторон.

Вот в это самое время у нас в мангруппе появилась обезьянка. Небольшая такая. То ли шимпанзе, то ли макака. Точно не скажу. У меня как-то с биологическими дисциплинами в школе вечно проблемы были. Как однажды написал один из моих закадычных корешей, отвечая на вопросы очередной проверочной работы: «Костя Кучер тем отличается от холод-

нокровных, что у него аппетит — одинаково хороший вне зависимости от температуры и погодных условий окружающей среды».

Про аппетит это я хорошо запомнил. А какую обезьянку — шимпанзе или макаку — пацаны надыбали на одной из прочёсок… А может, и в дукане на хозяйственное мыло выменяли… Нет, ни за вид, ни за то, как обезьянка у нас появилась, не скажу, даже если кто и с пристрастием начнёт у меня выпытывать эту страшную тайну. Ну не знаю! Да и не этом дело.

Вся соль этой истории в том, что в один из тихих, спокойных вечеров после прихода очередной колонны из Союза и её разгрузки у офицеров был загул. Ну, естественно, все фотались с этой обезьяной… Да, точно! Я примерно такого же зверька не один раз видел в приморских городах, где фотографы бродят по пляжу и предлагают сфотографироваться на память с удавом или вот, с ручной обезьянкой. Точно, наша была один в один с обезьянками у этих фотографов!

В общем, все уже хорошо поддатые, а потому и добрые до невозможности, фотались с нашей обезьянкой, кормили её и сгущёнкой, и всякими иными деликатесами, которые в тот вечер были в распоряжении офицеров и, по их понятиям, подходили под категорию «деликатесы». А утром…

Мы как раз несли дежурство на куполе дворца, где был наблюдательный пункт. И вот раннее утро, солнышко только начинает переваливать через отроги Гиндукуша, тихо. Птички-зверушки и вся мангруппа вместе с ними ещё спят. Как слышим вдруг внизу истошные крики громким шёпотом… Начальник-то мангруппы, «мамочка» Тропин, ещё почивать изволит, а окно у него как раз на эту сторону выходит, как бы не разбудить его ненароком на свою голову!

Вот и получается, что тишь да гладь раннего, почти мирного утра беспардонным образом нарушают возбуждённые голоса внизу и крики нестройным хором и громким шёпотом: «Отдай, зараза! Вернись! Я тебе всё прощу». Ну мы и заинтересовались таким вопиющим нарушением ранне-утренней тишины и режима радиомолчания.

Смотрим вниз. А там небольшая группа. Человек пять-шесть полуодетых офицеров стоят возле дворца, размахивая пистолетами, и смотрят на нас. Ну это нам так сначала показалось, что они на нас смотрят. Но вгляделись внимательнее… Нет, не на нас. На купол шахского дворца. А надо сказать, что под куполом, по всему его периметру, шёл небольшой парапет. И на нём… Сидит вот эта обезьяна и у неё в лапах — авоська… С водкой!

И чем больше они ей кричат, тем сильнее она им рожи корчит. А дальше… Происходит самое интересное: обезьяна достаёт из авоськи бутыл-

ку водки, разжимает лапу и… Бутылка летит вниз. Бац! И с такой высоты – о мраморные плиты. Раздаётся характерный «бумц», бутылка вдребезги.

Все сразу умолкают в глубоком трауре, одна обезьяна хохочет по-своему. Видно, звук бьющегося стекла ей понравился. Да и реакция всех присутствующих, наверное, тоже. Офицеры же, само собой, в полной прострации. А зверёк, похоже, поймал свой, обезьяний кураж и начинает методично одну за другой доставать бутылки из авоськи… И вслед за первой все восемь бутылок, что были в ней, отправляет вниз. На неумолимую встречу с мраморными плитами.

Естественно, под этот шум разбивающегося стекла и молчаливый, но от того не менее скорбный плач находящихся внизу офицеров проснулся и выглянул в окно начальник мангруппы: «Что за дела?» И перед его мгновенно отрезвляющим взором: офицеры в трусах-майках и с пистолетами, в воздухе водкой шмонит, спасу нет, и – осколки битого бутылочного стекла чуть ли не горкой у него под окном…

Дело потом, видимо, решили полюбовно, чтобы не выносить сор из избы. Во всяком случае, о приказах типа «поставить на вид, лишить на два месяца денежного довольствия» или «расстрелять перед строем холостыми патронами» мне ничего неизвестно.

Обезьяну же первой… Самой первой вертушкой отправили в Термез. А уже там оформили даром от воинов-пограничников в зооуголок одной из местных школ. Чтобы пионеры, в отличие от нас, не только знали, но и любили биологию. И не одной родной страны, но и соседних государств плюсом к ней.

А офицерам было приказано: в течение месяца переехать жить к рядовому составу, в блиндажи. Вот так и закончилась их «шахская жизнь».

Когда не хочется умирать

– Отчего солдат гладок? Поел и на бок! Что ковыряешься, Андрюха? Давай, вываливай из термоса по котелкам всё, что в него нам родные поварята на базе загрузили. Духман-то… Чуешь? Ничего вроде. Аппетитно пахнет. А ты тут как солдат на вошь смотришь. Будто в термосе не родная шрапнель, а какие-то какашки. Давай, давай… Накладывай. А то я сейчас… Это… Слюной на фиг захлебнусь. И погибну. В самом расцвете своих молодых, нерастраченных сил. А виноват в этом ты, между прочим, будешь! Андрюха… Не бери грех на душу! Раскладывай варево по котелкам.

Чего это сегодня на Саню накатило? То словечка лишнего из него не вытащишь. Особенно, когда, вот как сегодня, на блоке встанем. На всё про

всё три стандартных слова: да, нет и нормально. А тут… Цельную речугу толканул. Хоть на трибуну его.

– Да ладно тебе… Несёшь какую-то чушь, как товарищ Троцкий. Накладываю уже. Держи свой котелок!

– А себе?

– Да не хочется что-то.

– Андрюха… Ты не заболел случаем? Дай-ка… Дай-ка я потрогаю твой могучий лобик, омрачённый какой-то, пока неведомой мне, задумчивой думой. Да нет, вроде нормальный. Не горячий. И пена изо рта не пузырится. Признаков бешенства или какой-то другой болезни не наблюдается. На мух, что они тебя покусали, можно было бы грешить. Можно было бы… Если б они были!

– Да какие мухи! Всякая хрень что-то в башку лезет.

– Ну-ка, ну-ка… С этого места поподробнее, пожалуйста! Какая такая хрень? Поделись с боевыми товарищами.

– Да что-то вспомнилось, как в фильмах про войну показывают – когда в живот ранят, то если он полный – всё, кирдык, никакая медицина не спасёт. Поэтому наши дедушки перед боем брюхо и не набивали. Так если – сто грамм наркомовских и цигарку в зубы. Вот и вся еда. А ты тут собрался весь термос в одно рыло захомячить.

– Ну ты скажешь… Тоже… То когда было! Сорок лет назад. При царе Горохе. Сейчас небось и медицина совсем другая. Ты ещё вспомни, как ножовкой руки-ноги без обезболивания отпиливали.

Пару раз всё-таки ковырнув кашу ложкой, Саня с досадой отставил в сторону полный котелок:

– Тьфу на тебя! Весь аппетит напрочь испортил… И настроение испохабил. А ведь так хорошо начиналось!

Да и правда, начиналось всё достаточно весело. Хотя в этот раз на операцию собирались как-то нервно и долго. Мало того, что второй бэтээр и обычно прикрывавшая взвод с тыла бээрдээмка почему-то остались на базе, так в дополнение ко всему накануне выхода начштаба решил отработать в шахском саду выход колонны на блок. На весеннем солнышке он, что ли, перегрелся? Или старая контузия дала о себе знать? А может и то и другое вместе, но в результате, вооружившись матюгальником-громкоговорителем, Билли Бонс, а именно под таким именем полковника знала вся мотоманёвренная группа, часа полтора-два (не меньше!) командовал парами ползающих между плодовыми деревьями усечённых экипажей (механик-водитель и наводчик), каждая из которых изображала единицу боевой техники, блокирующую бандгруппу, взорвавшую ветку газопровода в районе крупного кишлака Акча. Сане с Андрюхой, естественно,

было не до смеха, но взгромоздившиеся на бэтээр, как на театральную галёрку, молодые, пусть и тайком, но вдоволь поржали над «дедушками», на собственном пузе отрабатывающими «порядок выдвижения» колонны и «взаимодействия» между собой «отдельных машин».

Хотя потом всё пошло как по накатанному. Уже к утру были у затихшего, будто вымершего кишлака. Правда, когда проскакивали его по окраине, изредка дорогу перебегали какие-то тёмные личности. Чтобы придержать особо любопытствующих, Саня дал из пэкатэ пару длинных очередей вдоль извилистых улочек, заросших буйной растительностью, ещё не утратившей свежесть весенних красок. Зелёнка в кишлаке была знатной. И, похоже, колонну там ждали. Всё говорило за то, что тишина, скорее всего, обманчивая, и расслабляться здесь будет некогда.

Но, как ни странно, кишлак пересекли спокойно. На блоках встали каждый на своё место. Определили сектора обстрела. Вплотную подогнав бэтээр к какому-то дувалу, замаскировали его так, что со стороны был виден только выглядывающий из-за короткой глинобитной стены ствол крупнокалиберного пулемёта. Разобрались с тылами и тем, кто стоит на стыках.

Ну а там и время ужина подошло. Начинало вечереть…

Варево как-то не лезло в глотку. Ещё раз для порядка ковырнув ложкой в своём котелке, Саня поднял голову от него:

– Андрюха… Раз уж вспомнилось про сто грамм, может, достанем канистру? Маханём браги за твою днюху? Да и каша что-то сегодня… Никак не хочет насухую! Так, по кружке. Чисто горло промочить…

– Так сам же знаешь где. Доставай!

– Ну не барское это дело…

– Так пошли кого.

Пока кто-то из молодых, нырнувший через десантный люк в коробку бэтээра, чем-то там внутри громыхал и грюкал, доставая заныканную в железных дебрях канистру, Андрюха, растянувшись на земле, молча жевал зажатую в уголке рта длинную, только что сорванную былинку.

Днюха. Двадцать. Круглая дата. Можно сказать, юбилей.

Для такого случая с последней колонной ребята переслали из Союза парадку погранвойск. Контрабандой переслали. Как можно? В Афгане не то что зелёных околышей, погон или петличек такого цвета вообще не должно быть! А то ведь международный скандал. Советские пограничники и на территории иностранного (!) государства.

Вот в этой парадке, выставив на стрёме молодых, чтобы офицеры не пронюхали, Андрюху и сфотографировали в самом красивом месте

шахского дворца. У больших розовых кустов, обильно усыпанных распустившимися и приятно пахнущими бутонами.

Позавчера уже и фотографии отпечатали. Вставляя снимок в рамку дембельского альбома, Андрюха почему-то подумал: «Если убьют, мать обязательно именно это фото повесит на памятник»…

То самое фото. У кустов с розами. Не пригодилось. И сегодня Андрюха (Олег Пономарёв, Кировская обл.) – живее всех живых. Получает небольшую доплату к пенсии за ранение и контузии

Глухо звякнув о металл, пустые кружки встали неровным рядком на броню. Все молчали. Затянувшуюся паузу прервал Саня:

– Ну не иначе – мент родился. Что загрустили, громадяне? Не возьму я как-то в толк – отчего взбесился волк? Праздник сегодня? Или что?!

И несколько раз стукнув раскрытой ладонью по броне, громко крикнул в тёмный зёв открытого люка:

– Вович! Доставай наш подарок. Именинник заждался.

Через пару минут из люка высунулась рука с зажатым в ней пластиковым пакетом:

– Держите! Да не забудьте, как обмывать обнову будете, и нам сюда пару кружек передать. А то ведь носиться не будет.

Перехватив пакет, Саня тут же передал его Андрюхе:

– Доставай, именинник. Слышал? С тебя причитается!

– А что тут?

– Так сам посмотри.

Андрюха пошарил рукой внутри пакета. Пальцы схватили что-то мягкое на ощупь. Ткань, что ли?

– Джинсы? «Лондон бридж»?! Блин… А заклёпок-то, заклёпок. Как на броненосце «Потёмкин». Не меньше! Молнии. Одна, вторая… Откуда джинсы взяли?

– Прошлый раз, как в Мазарях были, на мыло в дукане сменяли. Да хватит тебе их разглядывать. Померь. С размером-то мы угадали?

До примерки дело не дошло. Из шлемофона, выброшенного изнутри бэтээра наружу, на броню, сначала послышался какой-то хрип и свист, а потом отчётливо раздалось:

– Восьмой, восьмой… Ответь первому.

Андрюха, схватив шлемофон, щёлкнул переключателем на «передачу»:

– Я восьмой, я восьмой. Отвечаю первому. Приём.

– Восьмой, с блоков снимаемся, разведка – впереди колонны, по ходу за ней – минбат и остальные. Огня не открывать. На автоматные очереди не отвечать. Кишлак проходим на максимально возможной скорости. Как поняли? Приём.

Они что? Совсем там с дуба рухнули? Ночью через кишлак? Зная, что нас там ждут?!

– Первый, я восьмой. Вас не понял. Повторите.

– Восьмой, восьмой, я первый. Повторяю. С блоков снимаемся. В голове колонны – разведка. По ходу к ней присоединяются минбат и остальные. Кишлак проходим на максимально возможной скорости. Огня не открывать. На автоматные очереди не отвечать. Как поняли? Повторите. Приём.

– Первый, первый, я восьмой. Вас понял. С блоков снимаемся…

Не успел озадаченный Андрюха повторить слова команды и положить шлемофон обратно, на броню, как он ожил и заговорил снова:

– Восьмой, восьмой, я шестой. Прощайте, пацаны.

И почти сразу, как закончили передачу минбатовцы, вслед им заголосили агээсники:

– Восьмой, восьмой, я третий. Парни… Не поминайте лихом.

Поглощённые этой прощальной песней, ни застывшие у бэтээра, ни сидевшие на его броне не заметили, как из темноты вынырнула невысокая

худощавая фигурка командира стоящего в блоке справа от них противотанкового взвода:

– Ну давай, пацаны! Дай Бог, ещё свидимся.

Тут уже Андрюха не выдержал:

– Да пошли вы все к чёрту! Рано нас ещё хоронить. Экипа-аж… По местам! Прожектор… Включить! Люки… оставить открытыми.

Короткими, с автоматов, по ним стали стрелять ещё до того, как они вошли в кишлак. То с одной стороны очередь. То с другой. Саня выжимал из машины всё, что можно. Прожектор шарил по дувалам, но на скорости трудно вообще что-то рассмотреть, тем более понять – есть ли за ними кто-то.

На полном ходу заскочили в кишлак. Справа – высоченный дувал. Слева – широкий и, судя по всему, глубокий арык. За ним снова дувал, позади которого – силуэты высоких, похоже, плодовых деревьев.

– Наверное, сад.

Это последнее, что ещё успело пролететь в голове у Андрюхи. От жуткого удара по левому борту содрогнулся и на полном ходу остановился бэтээр, коробка которого сразу же заполнилась резким запахом горелой человеческой кожи. Во рту неизвестно откуда появилась какая-то жидкость со странным сладковатым привкусом. Куда-то исчезла броня. Будто кто-то большой и сильный раздвинул её в стороны, как тяжёлые бархатные портьеры на сцене Дома культуры бумажного завода. И перед Андрюхой сверху… Не так, чтобы с высоты птичьего полёта, но явно откуда-то сверху открылась панорама большого кишлака с его узкими извилистыми улочками, многочисленными домами с плоскими крышами, внутренними двориками, садами, огородами, дувалами, арыками. И всё это залито насыщенным закатным оранжево-красным солнечным светом, с силой, до боли бьющим в раскрытые Андрюхины глаза.

И отдельно от всего этого, не в голове, а где-то там, совсем в другом мире, ярким кумулятивным разрывом вспыхнула одна-единственная мысль:

– Мама. Мамочка!! Я не хочу умирать…

Когда Андрюха очнулся, внутри бэтээра всё горело. На голом теле не было ничего, кроме шлемофона, удержавшегося благодаря ларингофонам где-то на самом затылке. По всей груди что-то шипело и пузырилось. Кожа, сорванная с кистей рук, пустым чулком свисала до самых локтей…

Как разведка генерала материла

Не бери в голову, братишка. Не за ордена и медали мы воевали. Но если кто спросит, так скажу: «Не надо мне орден, я на медаль согласен». На эту. За Саурскую революцию. Вот, с зелёненькой колодкой. Видишь?..

Хотя орден, конечно, хорошая штука. Ну хотя бы как память о том, что когда-то было. Но вот чего-чего, а орденов у меня нет. Памяти, так той – хватает. А орденов… Увы!

Комсорга батальона Серёгу Савченко представили к ордену Славы 3-й степени за то, что вытащил меня из горящего бэтээра. Хотя его там и близко не было, а вылез я сам. Но тут хотя бы вызвали к замначальника ММГ по оперативной работе (наш взвод у него в подчинении был), и тот спросил: «Вот, мол, есть такое мнение, наградить сержанта такого-то за то-то. Вы, – на Вы, представляешь?! – не возражаете?». И как я, боец-срочник, мог тогда возразить отцу-командиру? А «ата-та» по голой попе не желаете? Или две жмени патефонных иголок на ведро скипидара? Чтобы потом клизму – в то же самое место, по которому до этого уже «ата-та».

«Нет, вы посмотрите каков молодец! Лучше, мол, ему его орден отдайте. Так накрылся… Накрылся твой орден медным тазом. Летай, боец, фанеркой над крышами Парижу. Того самого, которого не видел и теперь уже ясно – не увидишь никогда. Нечего генералов по их генеральской маме крыть. Тем более, если в глаза и долго. Ты же минут пять – не меньше! – этим безобразием занимался. А генералы, они – такие. Нежные, чувствительные и обидчивые. Прямо до слёз».

Конечно, что тут говорить – виноват. Нельзя так, нетактично в отношении генералов. Только это сейчас, задним умом, понимаешь. И в мирной обстановке. А тогда-то… Совсем другая обстановка была.

Мы тот чёртов кишлак днём проходили. И видно было – мутный он. Вечером встали, выставили посты охранения, только по первой кружке бражки пропустили... Как раз у Андрюхи, нашего наводчика, день рождения был. Третьего мая. Только по кружке пропустили – рация запиликала. Приказ – возвращаемся обратно, и маршрут – через Акчу. Трындец. Мы просто… Ну как бы это помягче?! Пришли в большое недоумение, сопровождаемое некоторым возбуждением в усиленной форме и повышенным словоизвержением. Последнее, в основном, ненормативной лексикой. Как чуть отошли, и обычные слова в лексиконе появились, мы по закрытому каналу в ответ: «Повторите приказ». Нам повторяют. Мы снова. Нам – опять. Мы третий раз, уже в открытый эфир: «Вы что там, с саксаула упали? Или верблюжьей колючки объелись? Срочно – примите слабитель-

ное! И клизму, клизму. А лучше – две!» Ну а нам взад: «Заткнитесь, не засоряйте эфир разной лебедой». Мы рацию выключили и пошли.

В кишлаке нас и подбили. Самое начало ночи было.

И спасло нас только то, что хоть и май, но уже жарко и люки в бэтээре были открыты. Ну а ещё матрасы мы с собою возили. Конечно, не положено. И лишнего имущества солдату – не надо. Не надо! Так за матрасы то – не мы. Старлей наш любил говорить: «Берегите своего командира, пацаны. У него – ревматизьма. Ему на броне спать никак низ-зя». Мы его и берегли. Заодно уж и себя. У нас, правда, ревматизма не было. Но на матрасе – всё приятней, чем на голой броне.

Во главе парадной колонны сводного взвода разведки и взвода ПТВ наш первый командир, ст. лейтенант Дубровин. Тот самый, что любил говорить: «Берегите своего командира, пацаны. У него – ревматизьма. Ему на броне спать никак низ-зя». Принимает парад майор Тропин (начальник оперативной части, в подчинении которого находился взвод разведки)

Вот эти матрасы нас и спасли. Приняли на себя часть кумулятивного заряда. Часть, благодаря открытым люкам, ушла за пределы коробочки. Но всё-таки давление внутри было. И огонь. Поэтому, когда я через нижний люк выбрался, кожи на кистях рук, до того, что ещё от гимнастёрки осталось, не было. Она как чулок слезла, когда я ползти попробовал. Поэтому дальше пришлось подтягиваясь, на локтях. Страшно было. Что сейчас

и мясо с костей как кожа слезет. И лицо тоже обожжено. Всё чёрное, как головёшка. Только глаза живые. Выполз, а тут Вовка Неверов, гранатомётчик. А мне страшно так. Рук, думаю, уже нет. Так, анатомический альбом вместо них. И нога правая не сгибается. Я и не чувствую её почти. Кумулятивный заряд как раз справа от меня прошёл. Между мною и командиром. Дурная привычка ноги под себя поджимать спасла. А так оторвало бы её вообще, напрочь. Тогда бы точно – не выбраться из бэтээра. А так хоть и не сгибается, но вроде как при мне, волочится, цепляет какие-то камушки. Мешает ползти.

И в плен не хочу. Ну и говорю Вовке: «Добей, Хакас». А он, чувствую, типа успокоить меня собирается. Мол, не кипишуй, пучком всё. Щас, подойдут наши. А тут – осветительная ракета. И он – увидел меня. До этого же – в темноте всё, я уже отполз от горящего бэтээра. Он увидел меня и... Заплакал. Натурально, заплакал, ей-бо, не вру. Плачет тихо, почти беззвучно, только слёзы, оставляя за собой грязные дорожки, по лицу бегут и, срываясь с подбородка вниз, падают в коричневую афганскую придорожную пыль. Плачет Хакас и шепчет так, чтобы мне слышно было: «Нечем… Добить, мол, тебя нечем. Патронов больше нет. Не отбиться, Санёк»…

В самом начале ночи нас подбили. А в вертушки грузили уже утром. Рассвело, но ещё не жарко. Лежим мы, ждём вертушку, и подходит какой-то мужик, видно, что офицер. Подходит и спрашивает: «Что для вас, пацаны, сделать можно?».

«Что, что»… Я и не выдержал: «Да ни черта не сделать. Поздно боржоми пить. Вчера надо было. Вы что, обкумаренные все были, ни хрена не понимали?! Да мы ещё до того, как движок запустили, знали, что на засаду идём. Какого? Какого?! Ночью. В кишлак! Где из-за каждого дувала кумулятивный заряд прилететь может. Стратеги, по офицерским погонам бабулиным коромыслом вас всех. Крысы штабные!!». И выдал ему. И по маме, и по папе его. Минут на пять. Без перерывов на обед и ужин.

Потом, как из госпиталя вернулся, спросил начальника опергруппы за орден. Ну он и выдал… Тоже без перерывов на обед и ужин. Выдал про то, что меньше генералов матом крыть надо.

А я тогда и не знал, что он генерал. Хотя тогда всё равно было. Мы ещё от боя не отошли. Ну и вкололи мне, конечно. Ударную дозу. Поэтому, наверное, ничего почти и не болело. Пока не болело. Только пить хотелось. И ещё кое-чего. Вот это, последнее, меня нынче и утешает немного. У меня же обе руки забинтованы и почему-то к телу привязаны. К груди. Прямо как у покойника. Тьфу-тьфу!

Бой-то в начале ночи был, а этот генерал уже после рассвета нарисо-

вался. Со своим «что сделать». Что, что… Да ссать хочется. Очень хочется. Зверски просто! Пузырь мочевой вот-вот разорвется. Но… Не в брюки же?! Хоть от них одни лохмотья и остались. И то, только в отдельных местах. Но гульфик и всё, что рядом, как ни странно, уцелело. Поэтому я отматерил этого, как потом оказалось, генерала и говорю ему. Мягко так, ласково и предельно вежливо: «А если помочь, так ссать охота. Мочи уже никакой нет. Вот и помоги».

Он и помог. Поднял, отвёл в сторонку. Клапан расстегнул, вытащил моё «хозяйство» и держал его, пока я орошал мочевиной святую для каждого моджахеда афганскую землю...

А потом вертушки пришли. Вот такие дела. Никто не верил, что отобьёмся. А что выживем – и подавно. Ничего, братишка. Выжили. И живём. Может не так, как кому-то хотелось бы. Но лично меня – устраивает. Даже за орден уже почти и не обидно.

Всё проходит. И за ночью обязательно наступает утро.

Когда водка во благо?

Подбили нас в самом начале ночи. А вертушки пришли уже ближе к утру. И как только рассвело, нас бортами перебросили в Термез. Перед погрузкой всё пытался сапоги отыскать, но без толку. Так и улетел без них, босиком. Одежды на мне, кроме лохмотьев, что оставались от брюк, – ничего больше не было. То ли сгорело, то ли взрывной волной сорвало, то ли медбрат срезал. Не помню. Кстати, медбрата тоже с нами на борт загрузили (или он уже с ним прилетел), только помню – он сидел всю дорогу напротив меня и просил, чтобы я не закрывал глаза, а в руках у него был шприц с каким-то лекарством.

Короче, оказались мы в Термезе на базе нашего погранотряда. В его медсанчасти.

Мне становилось всё хуже и хуже. А самолёта на Душанбе ещё долго было ждать. И тогда подполковник медслужбы начальник медсанчасти Софья Газизовна (дай бог ей здоровья и долгих лет жизни) приняла решение: провести первичную, так сказать, обработку и операцию, насколько позволяли условия. Прежде всего, во избежание полного обезвоживания организма, она заставила беспрестанно поить меня свежезаваренным зелёным чаем. Затем, сделав укол, начала колдовать над моим лицом и руками, которые были по самые локти погружены в два подноса. Короче, я понимал, что просто ножницами с моего лица срезают кожу и она, с громким шлепком, падает в поднос. После чего всё то же самое

проделали с руками. Я видел плохо, потому что глаза, вернее, веки, почти не открывались. Всё, видимо, ссохлось за ночь в палатке и перемешалось с песком и гарью. Запашина стоял… Ужасный, если не сказать больше. Осколки трогать она не стала, только проверила: целы глаза или нет.

Так она колдовала часа два, если не больше. Затем всего меня смазала какой-то жёлтой мазью, где можно было, перебинтовала, и снова – чай, чай, чай. Сколько тогда в меня его влили, сейчас, конечно, не вспомнить. Потом выяснилось, если бы не Софья Газизовна, было бы моё лицо на всю оставшуюся жизнь в шрамах и сам я – с перекошенной физиономией, а то и того хуже. Как те танкисты, что обгорели в Великую Отечественную. Ещё раз низкий ей поклон. Жаль, фамилию не помню. Так она до самого самолёта от меня и не отходила.

Из Термеза на Душанбе летели обычным рейсом на Як-40. Только вынесли нас первыми и пока не загрузили по санитарным машинам, гражданский народ с борта не выпускали.

Короче, привезли в госпиталь, выгрузили у приёмного покоя. Стоим мы во внутреннем дворике, ждём, когда нас принимать начнут, и вдруг так курить захотелось… Аж жуть! Ну я возьми да и подойди сзади к кабине водителя скорой – нет, мол, сигаретки? Тот, как глянул в зеркало заднего вида, чуть не поперхнулся, но быстро в себя пришёл и цигарку дал. Хорошо, это оказался «Беломор», а то сигареты к губам прилипали. Стою, курю, вдруг какой-то врач выскочил на крыльцо да как гаркнет: это что, мол, такое! Стоит головёшка головёшкой, а из этой головёшки ещё дым идёт. Все сразу рассмеялись, и напряжение, не отпускавшее с ночи, немного спало.

После всех, так сказать, процедур вышел я из приёмного покоя только в одних больших синих, семейных труселях, на которых спереди и сзади красовалась белая надпись: «ХИРУРГИЯ СТЕРИЛЬНО». Больше на меня ничего надеть было нельзя. Тут, видимо, действие уколов начало потихоньку ослабевать, и меня срочно – в операционную.

Пока отовсюду, откуда можно, доставали мелкие осколки – ещё терпимо, но когда попробовали снимать бинты, сразу, как током – боль адская. Чувствую: сейчас отключусь. Давай орать на них всех, кто в операционной был. Подошёл какой-то врач, как мне потом сказали, – военный хирург, и давай меня стыдить по-всякому: что, мол, тут симулируем?! И под этот отвлекающий разговор дёрнул мне бинты, которые уже были наполовину разрезаны на одной руке. В глазах потемнело от боли и, видимо, сработал инстинкт самосохранения, я правой ногой, которая пострадала меньше всех, врезал этому хирургу. Учитывая, что я находился в полулежащем состоянии, удар получился сильный. Как потом рассказывали

пацаны, он долго летел, скользя, по кафельному полу. Это я потом, уже в палате, узнал, так как мне тут же морфий вкололи и что потом было – не помню.

Ещё сказали, как я очнулся и в себя пришёл, что от меня хирург отказался и завтра утром новый придёт, но ты не расстраивайся, тебе катетеры поставили на обе ноги, на ступнях, и сейчас медсестра очередную дозу морфинчика принесёт, вколет. Положили меня на жёсткую кушетку, чтобы пролежней не было, и приставили санитарку, которая должна была следить: стоит ли на моём прикроватном столике кувшин с компотом. А уже Шурику Чернышову, водителю моего бэтээра, нужно было его периодически вливать в меня. Он потом долго этим пользовался и кричал: «Сестричка, компот заканчивается!!!». Она искренне удивлялась, куда он мог деться, если я всё время под действием морфина сплю, но честно исполняла свой долг, приносила и ставила на прикроватный столик новый кувшин с компотом.

Спал я на спине, с поднятыми вверх руками, потому что кожи на них почти не было, а вместо неё – какая-то буро-зелёная жижа, которую скребком счищали на операционном столе. И хоть обезболивающее кололи, но когда руки опускались, видимо, прилив крови устремлялся по ним и боль была страшная…. Я потом, уже в Афгане, долго пугал соседей по блиндажу поднятыми во сне руками. Привычка. А может, мозг долго помнит боль, и даёт соответствующие команды, чтобы защитить организм, избавить его от боли, которой уже нет.

Ну а тогда, на следующее утро, как только я узнал, что военный хирург от меня отказался, повезли меня на перевязку. Медсестричка так хитро улыбается и говорит: «Ну что, допрыгался?! Сейчас увидишь своего доктора!». Посмотрел я на него… А он огроменный шкаф. Типа как косая сажень в плечах. Ну и роста соответствующего. В одностворчатые двери боком проходил. Кулак как сжимал, тот размером был с пудовую гирю. Всё, думаю. Амба. Приплыли гуси-лебеди. Вернее, отплавались. А он оказался гражданским хирургом и, несмотря на рост, вес и кулачищи, руки у него оказались мягкие и нежные, как у женщины. Делал он всё очень аккуратно и легко, так что мне повезло.

Перевязал он меня и говорит:

– Вот такая, мол, молодой и красивый, ситуация. В советской медицине от ожогов ничего, кроме мази Вишневского, нет. И мы тебя сейчас, перед тем, как по новой бинтовать, ею мажем. Но я, понимаешь, диссертацию пишу. Как раз по ожогам. И придумал мазь. На основе мумиё, памирских трав и всякой разной хренотени, но это тебе и знать не надо. А надо знать, что мазь клинических испытаний не прошла.

Но я хочу её попробовать. Смогу я это сделать, если ты – не против.

А с чего мне против-то быть? Да хоть какашками обмазывай, лишь бы не болело!

Где-то через неделю он запретил мне морфий колоть, а то, говорит, одно лечим, другое калечим. На лицо же всё это время накладывали какое-то средство, пахло оно не то дрожжами, не то плесенью, и выглядело соответственно. Я уж не знаю, что это было, но сначала хотели с мягкого места кожу брать, как потом хирург смеялся, мол, пересадили бы: глядишь, и на бритье сэкономил. Но, как ни странно, не стали. И через чёрную корку, которая потом образовалась, как панцирь, стала пробиваться щетина. А на руках, хоть кожа ещё не наросла, ногти выросли такой длины, что любая женщина позавидовала бы. Их потом какими-то щипцами типа кусачек состригали. А вот корки чёрной почему-то на руках не было. Боль же потихоньку отступала.

Как бы там ни было, настало 28 мая – святой для пограничников день. Администрация предупредила, что с утра будут все возможные делегации – от пионеров до партийного руководства республики, а вечером знаменитые артисты в саду дадут концерт. Мол, всем побриться, помыться. Меня, правда, это не касалось. Мыть и брить мне пока было нечего, да и нельзя.

Первыми – ни свет ни заря – припёрлись пионеры. Как потом оказалось, весьма смекалистые ребята. Дело в том, что они каждому бойцу подарили галантерейный набор, в котором была бутылочка одеколона «Сорванец» с этикеткой, на которой был нарисован Незнайка в синей шляпе. Отличный одеколон! Практически прозрачный и без резкого запаха. Короче, пока главврач спохватился, было уже поздно! Комсомол же, не то, что юные ленинцы, откровенно подкачал. Нет, подарки, конечно, были, но совсем не то, чего хотелось бы в праздничный день на госпитальной койке. Про партию я вообще молчу. Подарили, как всегда: телики разные, транзисторы. А на кой они, если в каждой палате и так по цветному телику. А с собою их после выписки – как через таможню в Афган? Солдату лишнего имущества не только не надо, но и не положено.

Вечерело. Вот-вот ужин и концерт начнётся. Как вдруг Шурик, мой водила, что компот за меня трескал, прибегает и спрашивает: «Деньги есть?». А как не быть, братва не только деньгами нас снабдила, умудрились даже по местному радио песни для нас заказать. Как сейчас помню, для меня ансамбль «Пламя» пел: «Снег кружится, летает, летает… И позёмкою клубя, заметает зима, заметает…». Приятно, чёрт возьми, это слышать, когда на солнышке под 40. Хотя, конечно, в Душанбе не так зной чувствовался, как в Термезе.

Ну вот Шура и говорит – мол, до нас очередь дошла, одежда освободилась. Прикрой, я быстро. Туда и обратно! И ускакал. А что, ему осколки от брони из спины повытаскивали, контузию пролечили. Спереди всё нормально, на лице ожогов нет. Бегай да бегай. Главное, чтобы не забывал, гад, меня на унитазе. Я-то сам ещё с него без рук и на одной ноге подняться не мог, а он, паразит… Заболтается с санитарками. Пока доорёшься!!!

Не помню, час прошёл или больше, ужин уже стоял в палате. Явился – не запылился. Притащил две бутылки водки – на этикетке «Три богатыря» нарисованы. И три огромных бутыленции вина «Чашма». Я так понял: типа нашего вермута или плодово-ягодного. Они тут быстро закусон смастрячили и на четверых бутылочку уговорили. Остальное, мол, после концерта или ночью с медсестричками.

Посмотрели на меня, лежачего. Видно, стыдно стало. Ну что, говорят, пивнёшь, Палёный? Да я бы пивнул, но как-то стрёмно после морфия и уколов разных. Ничего, говорят, мы тебе водочки полстакана. И пока концерт не начался – подождём реакции, чтобы, если поплохеет, так мигом – врача. Короче, уговорили за День пограничника и за ребят павших. Посадили меня, на лежаке подушкой подпёрли, ну и влили полстакана тёплой водки… Мало того, что она почти кипяток, так вдобавок не сам же себе вливаешь… Тяжело, в общем, было. Но… Короче, прошла.

Всё, говорят, сейчас «Чашмой» ещё немного полирнём одеколон, а ты сиди, мы наблюдать будем. А что наблюдать? Чувствую – тепло по всему телу пошло, и лицо как будто вместе с руками набухать стало! Ну, думаю, вот оно… А нет, подопустило, похорошело, и спать захотелось. Так пока я на массу давить буду, эти ухари всё подчистую, без остатка, выжрут! Я и говорю им: наливайте, мол, ещё полстакана и всё! Сказано – сделано.

Так я концерта и не увидел. Проснулся только под утро. Чувствую, что-то с лицом не так! Испугался...

Посмотрел на подушку, а она вся чёрная! Я – в зеркало. А там пол-лица очистилось и кожа розовая такая, как у младенца. Даже забинтованной рукой проводишь и то – жутко приятно. Кожа нежная, шелковистая, как у женщины. Видимо, не зря я чувствовал, что лицо как бы опухает, может, на самом деле прилив крови к лицу пошёл и корка стала отшелушиваться?.. Короче, я Шурика разбудил – колись, гад, где водку достал!! А он смотрит на меня и тоже не узнаёт. Потом дошло, рассказал, что в саду, в дувале, есть схрон, а в нём лежит спортивный костюм (трико неустановленного размера) и кеды размера так 44-45. Мол, кому надо в город до дукана, тот и надевает. А магазин – рядом. Там уже по одежде узнают – пограничники из госпиталя, и обязательно ещё лепёшки или фрукты дают. Ну, раз так, тогда – вот тебе деньги, чтобы сегодня принёс на вторую половину лица.

Шутка, конечно, если бы не хорошие врачи и современные лекарства – никакая бы водка не помогла, как ты её не назови: «Три богатыря» или «Елена Прекрасная».

Самым последним у меня облупился нос. Врач уже начал волноваться: не отмер ли он? И проверял иголкой – чувствую боль или нет? А я, как назло: ну ничего! Никакой реакции на эти иголки и покалывания. Пришлось на какой-то аппарат сходить, а там, как искра проскочит! Сразу чих напал безостановочный и слёзы из глаз – в три ручья. А врач-то и доволен! Что ему мои слёзы и чих? Всё, говорит, теперь вижу, что и нос на месте.

А в Термез я уже один возвращался. Ехал в общем вагоне поезда Душанбе – Термез без единого документа, в офицерской рубашке, у которой один рукав был обрезан до локтя. Пришлось и другой под такой же размер укоротить. На ногах – больничные шлёпанцы, в руках авоська с тормозком и банкой облепихового масла, что мама нашего взводного прислала для меня из Сибири.

Впереди меня ждал Термез, медсанчасть погранотряда, а в ней – моя спасительница Софья Газизовна, у которой я и буду дожидаться очередной автомобильной колонны в направлении города Ташкурган Саманганской провинции Демократической Республики Афганистан. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Тогда же, в душанбинском поезде, я ещё не знал, да и не мог знать, что через несколько дней судьба забросит меня не в Ташкурган, а в город Воткинск, на родину Чайковского. Но не для посещения его усадьбы и прослушивания разных музыкальных пьес, типа знаменитого «Полёта шмеля», а совсем по другому, значительно более печальному поводу. Повезу я туда, как сопровождающий, груз «200» с Рыжим… Андреем Метляковым из мотоманёвренной группы Мазари-Шарифа.

Как разведка решила себя черешней побаловать

После того, как в самом начале мая нас подбили у кишлака Акча, попал я в душанбинский госпиталь. Медперсонал дело своё знал, поэтому через какой-то промежуток времени перевели меня в разряд ходячих. И начал я – статус-то надо оправдывать! – потихонечку на улицу выходить.

А май в Душанбе – это вам не Петрозаводск, понимаешь ли, вот-вот черешня созреет. Хоть морда лица у меня после ожога ещё была покрыта чёрной коркой, но не воду же с неё пить? Чай, не в столице нашей

Родины, городе-герое Москве, прямо на самой Тверской-Ямской. И даже не на Кутузовском. А если и в Душанбе, то не на центральной же площади?! Госпиталь где-то на одной из его окраин располагался. В том районе ещё какой-то совхоз был. Вроде как то место так и называлось: то ли «Совхоз», то ли «Плодсовхоз». Так что если на улице и встретишь кого невзначай, так все – с пониманием. Мирные советские дехкане своим сельским делом заняты. А весна ведь, каждый день которой вместе с летом год кормит. Отвлекаться на разные обгоревшие рожи некогда. Да и знают они, что за домик такой за невысоким дувалом к их махалле прилепился.

И как-то выбрались мы, три калеки, на свежий воздух.

Три – это Пашка с обожжённым напрочь задом, но зато с действующими руками. Они в засаду попали. И прорывались с боем. Его последняя БМПуха подобрала. Он на ходу в задний десантный отсек успел втиснуться и тут их с гранатомёта саданули. Машине – в днище. Ну, естественно, внизу, между поликов, масла да солярки до чёрта – кто её там вытирал, удалял?! Оно всё и вспыхнуло моментом. Все, кто в десантном отсеке БМПухи оказался, как курицы на гриль попали: снизу припекает и хрен выпрыгнешь. Патронов уже нет, а они ещё в центре кишлака. Так и жарились, пока не вырвались из-под огня. Зато живые. А мясо да кожа – дело наживное. Нарастут.

Второй – Серёга, «десантник» погранвойск. Десантировался на ходу, с бэтээра, а с его ростом под два метра это дело непростое. Плюс АГС за плечами. Который тоже ещё та бандура. Да с боекомплектом! Ну и подломились ноги. И сломались, обе-две. Он, соответственно, на костылях шкандыбает.

Ну а третий, сами понимаете, я, у которого руки крест-накрест к груди привязаны и левая нога в колене не гнётся.

Как бы там ни было, решили мы черешенкой побаловаться. Нет, так-то, конечно, чего-чего, а фруктов в госпитальном рационе хватало. Но тут же, как говорят в Одессе, совсем другое дело! Короче, Пашка привязал концы одной из коротких сторон простыни к моим рукам (да я, где-то ближе к середине, ещё и зубами её придерживал!), а концы другой – к Серёгиным костылям. Сам же давай черешенку трясти.

Получилось не так чтобы и плохо – хоть простыня вся в пятнах, но зато и «улов» приличный. Осталось только собрать с земли то, что мимо пролетело. Пашка свернул кулёк из газеты, сунул Серёге – подержи, мол, а я остатки соберу. И какой чёрт дёрнул последнего помочь сборщику в его праведном деле?! А может, он просто хотел поудобнее встать на костылях?.. Только, бац! Поскользнулся доблестный десантник погран-

войск и упал спиной в небольшой арычок, которых в полях-садах Средней Азии хоть пруд пруди. Самое обычное дело. Для орошения.

Лежит Серёга в арыке с кульком черешни, а нас, раздолбаев, смех разбирает: он сам-то, как ни старается, подняться не может! Одна нога в гипсе выше колена, другая – чуть выше лодыжки. Я, естественно, руки ему подать не могу! Они же у меня крест-накрест к груди привязаны! А у Пашки из-за его обожжённой задницы поясница не сгибается. Оно и понятно: кожу-то тянет. Больно!

Вот стоим, идиоты, и ржём, а вода-то… Прибывает! Серега всей своей немалой массой запруду в арычке соорудил! Перекрыл ход потоку воды. Вот-вот заливать его начнёт. Того и гляди «утопнет» любитель свежей черешни, как та Лиза Бричкина. Только не в болоте, а в небольшом арычке, который местные куры вброд переходят…

Хорошо, на наше ржание и крик санитарка прибежала. Общими усилиями вытащили «десантуру» из арыка.

Но один хрен влетело всем. И за размокший гипс Серёгин, и за испорченное казённое имущество (попробуй отстирай простыню от пятен черешневого сока!), и за возможную дизентерию от немытых вишен. Да и ягоды у нас отобрали. Нечего, мол, тут. Мы вас от боевых ранений и контузий лечим. А если животом помаяться очень хочется, так то – уже после дембеля. Дома!

Весёлая жизнь

– Фу-у-у… – Гриня с усилием, напрягая мышцы рук и оголённого, поблёскивающего потом торса, вытащил шомпол из канала ствола КПВТ, – держи!

И протягивая Сане утолщённый наголовник, добавил:

– Меняй ветошь. Да в масле… В масле её сначала намочи хорошенько.

– Не учи учёного.

Саня, левой рукой перехватив шомпол у наголовника, нагнулся и правой окунул уже зажатую в ней ветошь в стоящую на броне пустую цинку из-под патронов, в которую загодя налил оружейного масла. Отжимая излишки впитавшейся в ткань жидкости, краем взгляда увидел приближающуюся к бэтээру со стороны кормы знакомую фигурку.

– Гринь, смотри, Кобра чапает. Да не один. Что за пацан с ним? Не знаешь? И что это они в ведре волокут?

– В ведре, скорее всего, жрач. Что ты, Юрку не знаешь, что ли? Ещё будет нам тут впаривать, что если бы не он, так мы бы все давно с голоду подохли.

Вот сачок. Как движок посадил, мы все… Всем экипажем головки ему притирали. А как стволы чистить… Только его и видели. Считай, уже к самому концу нарисовался. Ещё пару раз ветошь сменим и – амба! Оба ствола почистили.

– Да ладно, Гриня. Куда тут третий? Только бы мешался. А пацан-то? Что за пацан с Юркой?

– Сейчас, подожди, – Гриня поднял ладонь к лицу, защищая ею, как козырьком, глаза от скатывающегося к горизонту, а потому и не такого уж жаркого солнца: – Ба… Санёк, гадом буду. Точно… Земеля! Чека. Славка Чекан из-под Жёлтых Вод. Вот только…

– Ну ни фига себе земеля! Где твоя Марефа, а где эти Воды?

– Не дальше Ташкургана, Санёк. От него что до Марефы, что до Жёлтых Вод, что до Юркиного Корсуня – один чёрт. Примерно так же далеко, как и до твоей Вятки. Вот только что Чека тут делает? Он же в Термезе, в штабе погранотряда должен груши околачивать. У него знаешь, в отличие от тебя или меня, такой почерк… Прямо как в учебнике по правописанию. Были у вас такие в первом классе?

– Были, как не быть. Ну и что, что почерк? У Удмурта тоже почерк ничего. Только в штабе его никто не оставлял. Потому что лучшего наводчика из эспэгэ – пойди найди. Не только у нас, в Мазарях, наверное, такого нет.

– Да почерк ещё не всё. Он знаешь, как рисует! Две минуты посмотрит колоду и потом часа за полтора тебе точно такую же забацает. Все тридцать шесть карт. Вини, трефы, бубны – всё чин чинарём. А дамы и короли у него даже лучше получаются. Потому что не просто так, руки сложив, нарисованы, а кто с сигарой, кто с бутылкой рома. А вальты все сплошняком – кто с ручным пулемётом, кто с немецким парабеллумом.

– И что, он весь штаб погранотряда, каждого – личной колодой одарил? И теперь не у дел остался?

– Ага, Чека останется… Он же за всю наглядную агитацию, боевые листки, стенгазеты отвечает. Кто его, с такими талантами, отпустит из штаба? У него там не жизнь, а малина. Хоть на голове стой, хоть в самоходы по три раза на дню ходи – никто и полсловечка не скажет. Потому что… Да он знаешь, какой портрет начальника погранзаставы нарисовал? В три раза лучше, чем Дзержинский, что у него в кабинете висит! У Чеки после этого – все офицеры в очередь: «Славик… Ну Сла-а-авик!».

И уже, отвернув голову от Сани, в сторону подошедшей к бэтээру пары:

– Чека, ты-то как здесь?

– А-а-а… Надоело в штабе. Скукотень!

– И тебя отпустили?! Вот так просто взяли и…

– Да не ори ты, дурик, – невысокий, худощавый парнишка, с таким же,

как и у них, загорелым лицом, ухватившись за поручень, легко подкинул своё тело на броню бэтээра и, уже выпрямляясь в рост, добавил: – Кто бы меня отпустил? Сам я.

– Как сам?

– Тебе говорят, не ори, – снизу, от земли, поддержал приятеля Юрка, опустив на землю ведро, в котором тихо плеснулось о стенки что-то белое, густое. – Он сам себе командировочное предписание выписал.

– Как сам? – уже заметно понизив голос, как эхо, повторил Гриня вопрос.

– Да вот так, взял и нарисовал.

– И подписи?

– И подписи! И печать.

– И печать?

– А как ты думал? Кто ему печать из секретной части выдаст?!

– И наши, что? Ничего не заметили?!

– Похоже, нет. А если и заметили, то ничего не сказали.

– А что им говорить? – вклинился в разговор новичок: – У вас сколько человек во взводе? Четырнадцать? А по штату сколько должно быть?! То-то! На это и расчёт. Да тут, в мангруппе, каждому лишнему бойцу рады. И неважно, какие документы у него. Главное – пополнение! Причём нежданно-негаданно. Типа подарок.

«Прямо кому-то на голову» – про себя подумал Саня, не отводя взгляда от продолжавшего развивать свою теорию Чеки.

– А дарёному коню… Правильно, никто в зубы не смотрит! Так кто, при таком раскладе, будет моё командировочное под микроскопом разглядывать? Прибыл, определили – куда, поставили на довольствие… Кстати, мужики. Мы с Юркой теста уже приволокли. Вон, в ведре. Пышки жарить собираемся. Ещё одна, – бросив взгляд Сане под ноги, – пустая цинка есть?

– Ха! Наивный вы наш. С прибытием на святую для всех мусульман афганскую землю! С цинками проблем нет. Посмотри в десантном отсеке, если Касимыч не выкинул, а то ему, видите ли, места уже нет, спать негде, там этого добра… И расстилка, как ни странно, есть. Но вот с дровами… Тут тебе, Чека, не солнечный Узбекистан. В Афгане с дровами… Полная задница.

– Это в каком смысле?

– Да нет их, Чека. Не-ту!

– Юрка… И на чём мы будем?..

– Спакуха, Славик. Не нервничай. У меня уже всё продумано. С последнего выхода я, знаешь ли, разминированную сапёрами «итальянку» заныкал. Пацаны говорят, там взрывчатка, как детский пластилин, только

блестящий. И горит этот «пластилин», если верить сапёрам… За милую душу! Лучше дров. И жарче. Так что пышечки у нас будут… Румяненькие! Поджаристые. Тащи цинку, Славик. А я из-под своего сиденья вытащу инструментик… И с помощью зубила, молотка и такой-то бабушки…

– Кобра, сволочь тощая, ты хоть самую малость соображаешь? Это же взрывчатка!

– Гриня… Ты что там делаешь? Ствол чистишь? Ну и чисти. Чисти себе спокойненько. Не отвлекайся. Ваше дело – стволы. Наше с Чекой – пышки. И уж поверь мне… Вы ещё свою тягомотину закончить не успеете, как мы отсюда вам прямо на броню начнем перекидывать такую вкуснятину, что ты с Саньком и думать забудешь про свои стволы. Да если б не я... Вы бы тут... Уже давно с голоду подохли. Все! Кстати, а Касимыч где?

– Опер его забрал. У него же отпуск на днях, вот он и решил прибарахлиться. Двинул копыта в город. А Касима, как переводчика, с собою взял. А то ведь в дукане ему запросто «Шарповский» двухкассетник как «Сони» впарят. Э-э, Кобра, давай-ка подальше от бэтээра со своим зубилом!

– Ни кипишуй, Гриня. Пышки – не гранаты. Я оттуда их до бэтээра и не доброшу. А пока ты спустишься, поднимешь её со святой для каждого афганского моджахеда земли, пышечка-то уже того… Остынет. И какой тогда в ней смак? Не бзди, Гриня. Всё под контролем. Чисти, чисти, свои стволы.

Минут через пятнадцать, под цинкой, с налитым в ней подсолнечным маслом, уже ярко горел, разбрасывая по сторонам яркие искры, кусочек извлечённой из «итальянки» взрывчатки.

– Тьфу, – в голос чертыхнулся Юрка, – видно, маленький кусочек. Только масло нагрелось уже, вроде и жарить можно начинать, так сгорел весь! Ну-ка, Славик, отщипни от взрывчатки, чтобы побольше. Раза в два! Нет, давай с запасом! Раза в три больше, чем первый. Давай. Давай его сюда. Ну, Махмуд… Поджигай! Да бензином сначала сбрызни, дурик.

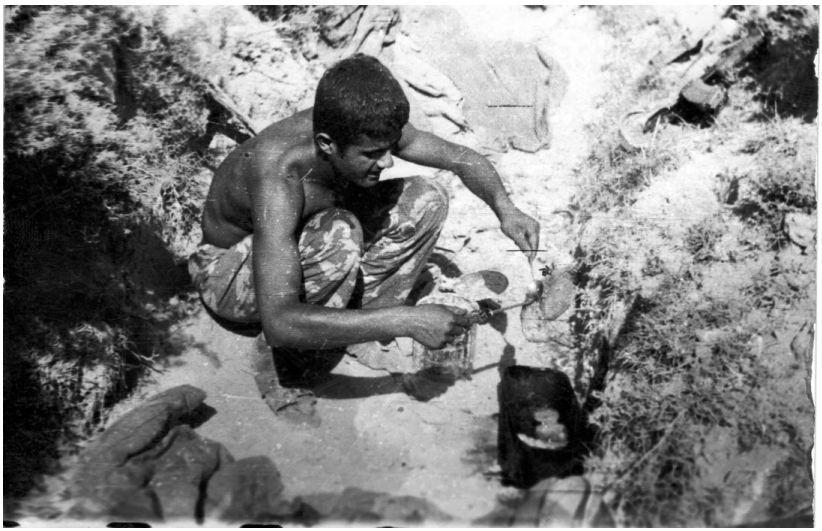
Занявшись от вспыхнувшего бензина, засверкала разбрасываемыми по сторонам искрами взрывчатка. И почти тут же послышался довольный Юркин голос:

– Закипело, закипело масло. Подтаскивай ведёрко поближе, Славик. Где наша большая поварёшка?

Но до ведра и поварёшки дело не дошло. Огонь, добравшийся через расплавившееся от жара дно цинки до раскалённого масла, довольно ухнул – ш-у-уух! – и стремительно увеличивающимся в размерах столбом пошёл вверх. Непонятно откуда появившийся вдруг ветер качнул его, стараясь повалить прямо на бэтээр.

– Песком, песком засыпай, – отбросив в сторону только что вытащенный из ствола шомпол с почти чистой ветошью, крикнул, спрыгивая с брони, Гриня. И, подавая личный пример, наклонился, в момент сгрёб руками небольшую кучу и броском отправил её в сторону пышущего жаром факела, неожиданно возникшего на месте ещё несколько секунд назад стоявшей там цинки. Юрка со Славиком тут же последовали его примеру. Но огонь и не думал сдаваться. Напротив, довольно заурчав, он сначала проглотил песок, прилично напитавшийся соляром и машинным маслом от постоянно стоявшей в этом месте техники, и вспыхнул с новой силой, чуть убавившись в росте, но зато начав раздаваться вширь…

«Ну, всё… Началась весёлая жизнь», – невольно мелькнуло у Сани в голове, пока он, кинувшись к корме, срывал с её наклонной плоскости закреплённую на броне лопату.



Спасение утопающих… Касим жарит оладушки в цинке из-под патронов. Сам. Без оглядки на всяких там… Изобретателей!

Следующие два дня, выпросив в минбате две канистры соляры, всем увеличившимся на одну штатную единицу экипажем отмывали бэтээр от копоти. И если четверо это делали молча, то Касим, так и не попробовавший пышек, возмущался в голос.

Как разведка лишилась незаслуженных медалей

– Дурак ты, Саня. И не лечишься, – с этими словами Чека достал из подсумка гранату и, уже повернувшись к Юрке, вполголоса спросил: – Ну, где там запал? Давай. Замедлитель на ударник поставил? На сколько?

– На три минуты, – таким же громким шёпотом прозвучало ему в ответ. – Самое то.

– Хорош, мужики, – тут уже не выдержал, вклинился в разговор Гриня. – Хватит ерундой заниматься! Дайте хоть пожрать по-человечески. А потом уже…

– Когда потом? Не-е… Вы с Саней просто малохольные какие-то! Чё, ду́хи у нас такие вежливые, что будут ждать, когда вы пожрёте? А потом ещё спросят: «Звыняйте, шурави, мы тут мал мало убивать вас хотим. Можна?». «Потом» – уже подозрительно. Больно всё гладко. Поели, подготовились к отражению вражеской атаки… Начальники, Гриня, не такие дурики, как твой дружбан. Мы отражаем внезапное нападение… Внезапное! Ясно? А внезапное оно потому такое, что в любой момент может. Вот только расположились вы, ложки достали…

Да, кстати, вы там не сильно хомячьте. И нам с Юриком оставьте. А лучше вот, отложите в этот котелок из термоса. А то знаю я вас!

– В два… В два котелка! – это уже Юрка, достав откуда-то из-за спины (что, он в подсумке, что ли, свой таскает?), протянул в сторону Сани котелок. – Да и вообще… Слезли бы вы с брони.

– Ага. Сам слазь, если такой умный. Солнце, вон, уже почти зашло, – Саня бросил взгляд в сторону предгорий, между чёрным зазубренным силуэтом которых ещё проглядывал самый краешек круглого красного ломтика, чуть выгнувшего свой горб в сторону постепенно сгущающего свою синь неба, – а к ночи какая только дрянь не выползет из своих нор. Мне как-то не очень хочется, чтобы мне в военный записали, что находился на излечении от укуса гюрзы.

– Да ничего тебе не запишут! Душанбинский госпиталь, что, записали? А ты сколько там отвалялся после майского подрыва с ожогами и контузией? Нас, погранцов, в Афгане нет. Откуда ранения? Укусы? А вот если медальку заработаем… Тут уж всё чин чинарём: «Награждён медалью»… Слав, ты б какую хотел? Да, «За отвагу» – было бы классно. Пришёл на дембель, вышел на вокзале… Саня… Все девки твои будут. Даже если и не «Отвагу», а «За боевые заслуги» дадут. А чё? Тоже медаль!

– Ну-ну. Дадут. Потом догонят и ещё дадут. Да не один раз!

– А что? Мы уже… Который раз, Славик? Третий раз уже внезапное нападение ду́хов отразим.

– И толку-то? С предыдущих двух…

– Санёк… Мне тебя даже жалко. Голова бойцу дана не только для того, чтобы головной убор носить. Думать… Думать ею, Сань, надо. Хоть изредка! Прошлые разы мы сами по себе ходили. А сейчас?

Тут уже не выдержал, вклинился в разговор Чека:

– А сейчас с нами сам «мамочка». Начальник мангруппы! А это тебе не хухры-мухры. Он-то уж должен заметить доблесть и выучку собственных бойцов. Тем более, если нам медали, то ему – орден. Точняк, к ордену представят. Эх, жаль, толовой шашки нет. А то, как и прошлый раз, засунули бы её в пламегаситель КПВТ, протянули шнур подальше, да ка-а-ак дёрнули! И летела бы она, роднуля наша, далеко-далеко. А потом – «бух»! «Душманы! Душманы!! Взвод, огонь!». Но ничего, граната с замедлителем – тоже сгодится. Только бросить её подальше надо. Во-он до тех кустов. Сможешь, Юрик?

– Спокойно. Даже без замаха.

– А с замахом? Во-он, видишь, какая-то фиговина торчит? Да нет, левее, кривая такая. До неё… Сможешь?

– Без вопросов.

– Да ну… Не заливай, Кобра. Дотуда и я… Навряд ли!

– А на спор? Две банки сгущёнки!

– Замётано. Гриня, разбей! Ну, давай. Кидай.

– Сейчас, только патрон в патронник дошлю. Чтобы потом не возиться.

– Успеешь, замедлитель на три минуты выставлен. Давай, кидай!

До «фиговины» Юрка всё-таки не докинул. В нескольких метрах от неё, ближе к бэтээру, вспыхнуло жёлто-красным и чуть погодя мягко ударил по ушам приглушённый расстоянием звук взрыва. Шум падающих в уже высохшую траву комочков земли перекрыла пара автоматов, почти сразу же слаженно заговоривших в полный голос: «Та. Та-та. Та-та-та-та»… И, даже громче их, уже Славик:

– Гриня, огнём! Поддержи огнём!! Ду́хи слева, в сторону гор…

Но только-только начавшее разгораться «сражение» было остановлено не менее громким, но значительно более властным голосом:

– Отставить! Прекратить огонь! Прекратить!!

Оглянувшись на голос, Саня увидел знакомую фигурку, внезапно вынырнувшую из-за соседнего бэтээра боевого охранения, стоявшего в нескольких десятках метров, чуть назад и в сторону от их машины. «Взводный» – с тоскливым эхом, почти так же, как и после взрыва, отозвалось где-то прямо посередине головы…

– А я-то думаю, что за хренотень? – бешенство проступало на лице взводного яркими алыми пятнами, которые не могли скрыть даже начинающие сгущаться сумерки. – Который выход и… Каждый раз! Нежданно, негаданно: «Нате, здрасьте!» Ду́хи!! Откуда?! Откуда, я вас спрашиваю, им известен предполагаемый маршрут движения разведки? Разведки, охломоны вы чёртовы! Раз-вед-ки!!

Забыли, что ли, где служите? В разведке, в разведке, мать вашу! А разведка это что? Скрытное. Понимаете, долбени хреновы?! Скрытное выдвижение в сторону противника и его ближайшие к прифронтовой полосе тылы с целью… Но какая тут цель? Какая, я вас спрашиваю, цель, если от «скрытности» уже который выход никаких рожек. За ножки уже молчу. Ни-ка-ких!

Откуда противнику известна секретная оперативная информация? Откуда идёт утечка? Я из-за вас, махинаторы доморощенные, чуть не поседел! Откуда утечка?

Я же чуть оперу рапорт не написал. Мол, кто-то в группе работает на ду́хов. А может, на пакистанскую разведку? Кто?! Хорошо, не написал. Не успел просто! А напиши… Вы хоть понимаете своими куриными мозгами, что напиши я такое да положи на стол оперу… Всё. Слезай, приехали. Мне потом до самой пенсии в лейтенантах ходить!

Всё, допрыгались, голубчики. Допрыгались! Вернёмся на базу… Вернёмся… Всем экипажем бассейн чистить будете. Всем! И чтобы блестел он у меня. Как у кота…

Но про кота взводный уже не успел. В заметно, на глазах густеющих сумерках, как из тумана, вдруг проступил невысокий, коренастый силуэт:

– Что за шум? Кто стрелял?!

– Взво-од, смирно! Равняйсь! – моментально, на рефлексах, подал команду взводный. – Товарищ майор…

– Вольно. А-а-а, ты лейтенант… Разведка. Ну докладывай, что тут у вас опять?

– Взвод, вольно! Товарищ майор… Ну почему опять?..

– Да у вас вечно. Не опять, так снова. Одно слово, разведка. Да не тяни ты кота, докладывай.

– Товарищ майор, при вечерней поверке личного состава, проверке вооружения и амуниции мною установлено: разогнулись усики одной из гранат, хранящихся в подсумках с ввинченными в них запалами. Запал не встал на боевой взвод только потому, что частично удерживался разогнувшейся чекой, частично плотно прижимающими его корпусами других гранат, хранящихся в этом же подсумке. Ввиду серьёзной опасности, исходящей от этого боеприпаса, мною принято

решение на его уничтожение. Граната уничтожена методом взрыва.

– Внятно излагаешь, лейтенант. Хорошо вас в училище натаскали. Почему усики-то разогнулись?

– Думаю, от тряски, товарищ майор.

– От тряски, говоришь? Вполне может, а стреляли какого хрена?

– Моя ошибка, товарищ майор. Не предупредил экипажи других машин, вот здесь и подумали, что ду́хи. Но я тут уже…

– Вижу, вижу… Разнос устроил. Сам не предупредил, а потом… Ладно, с этим отдельно разберёмся. Как вернёмся на базу. Сейчас не до этого. Хорошо, что заметил разогнувшиеся усики во время проверки. Видно, чему-то всё-таки ещё учат вас. Вот только… Какое решение принял по обнаруженному факту?

– Так, товарищ майор…

– Знаю, знаю, доложил. Опасную гранату уничтожил. А если она не одна такая? Или завтра при движении ещё у одной усики разогнутся? И помимо неё других гранат в подсумке не будет? В общем так… Дашь команду по всем своим экипажам: запалы из гранат вывернуть. Во время движения в подсумках гранаты хранить отдельно от запалов, которых по количеству должно быть, как минимум, столько же, сколько и собственно боеприпасов. Задачу понял? Выполнять! По остальным подразделениям я сам проверю. Да! И бойцов-то… Не наказывай. Сам виноват, что не предупредил.

А вы что стоите? Приказа не слышали? Проверить гранаты по подсумкам. Запалы вывернуть. Выставить боевое охранение… Ну, с этим уже лейтенант разберётся. Разберёшься?..

– Так точно! Разрешите…

– Да ладно, лейтенант, не на плацу. Выполняй. И людям… Дай отдохнуть. Похоже, завтра день будет тяжёлым.

– Не бзди, Гриня, – Славик с лёгким скрежетом выскребал со дна котелка остатки заправленной тушёнкой каши, – ничего не будет. Я тебе говорю. Ничего. «Мамочка» что сказал? «Бойцов не наказывать!». Сам, мол, виноват. Так что пусть молодые бассейн чистят. А нам – нефиг. Отчистили своё. Нам бы медальку к дембелю… А, Гринь?

– Накрылась твоя медалька. Медным тазом.

– Нет, Сань, ты чё? Я что… – уловив, что точно такой же скрежет металла по металлу, до того раздававшийся чуть в стороне, неожиданно прекратился и вместо него послышалось недовольное покашливание, Чека тут же поправился: – Мы с Коброй что, только для себя старались? Всем бы медали были. Всем! Эх, такой план сорвался! Но ничего… Ничего, а, Юр?

– Ничего, ничего, – откликнулся из темноты невидимый, но хорошо слышимый голос: – Чё-нить ещё придумаем!

– Ну да, придумаете. На нашу голову, – отозвался из-под брони голос уже собирающегося укладываться спать и поэтому полезшего в десантный отсек за матрасами Касима.

– Молчи, бурундук! Миндаль, что мы с Юрычем на ташкурганской прочёске раздобыли, хрумаешь? За обе щеки, между прочим! И хоть бы спасибо боевым товарищам сказал!

– Какие щёки? Да я через неделю, как вы эту наволочку с миндалём приволокли, на него уже смотреть не мог! А сейчас… Уже месяц скоро!

– Ха, пацаны… А не перекинуться ли нам в картишки? Кто проиграет – жрёт горсть миндаля. Саня… Саня! Включи лампочку в десантном отсеке.

– Славик! Ты когда-нибудь угомонишься?! Слышал, что «мамочка» сказал? Завтра – трудный день. Так что завершайте приём пищи и – спать. Всем спать! Отбой по всем погранзаставам Союза ССР. Всё понятно? Выполнять!

– Понятно, понятно… Да не пыхти там. А то разошёлся… Прямо как вятский самовар! Подай лучше матрас из десантного отсека. А то Касим, единоличник хренов, совсем за боевых корефанов не переживает. А на голой броне, между прочим, спать вредно. Плохие сны снятся. И ревматизьма, говорят, бывает…

Как сарбозы над разведкой посмеялись

Зачистка. Не самое, конечно, приятное дело. Особенно, если хадовцы, не приведи Господь, захватят какого духа. Они ж все белые и пушистые. И мараться им – ну никак. Зачем им в этом кишлаке кровники?

Давай, шурави… Давай. Ты своё отслужишь и – за речку. Россия большая. Где там тебя кровник искать будет?

Ну давай, так давай. Не было у нас ещё такого духа, который бы не рассказал Грине за себя. И за всех своих родственников. А заодно и про то, когда, откуда и с каким оружием следующий караван придёт. И во что оно припрятано будет. Гриня, он такой. Располагающий к себе. Ему и не хочешь – расскажешь. Как проникнешься к нему полной любовью и симпатией, так всё и выложишь.

– Гринь! Гриня… У тебя во фляжке как?

– Да что-то ещё булькает.

– Да у меня тоже. Только тёплое уже.

– Не то слово. Горячее.

И какая только умная голова придумала этот отвар из верблюжьей колючки? Неужели он и правда от желтухи помогает? Помогает, нет – кто знает, но жажду утоляет неплохо. Лучше уж свой тёплый, чем Гринькин горячий. Нет, пить не буду, так, во рту прополоскать, а то уже нёбо к языку прилипло. Не отодрать.

Жарко. Солнце уже высоко…

А начали почти сразу после рассвета. Ещё и не жарко было. Так уже почти полкишлака зачистили.

Сарбозы – впереди. Частой гребёнкой. За ними хадовцы. Ну а потом уже мы. Мало ли, запросят помощи афганские товарищи. Революционеры саурские. Или найдут что-то важное для наших оперативников. Но пока – тихо.

Вот мы и продвигаемся вперёд помаленьку. Между дувалами. Дома, это не наше. Там сначала сарбозы, потом ХАД работают. Нам туда лучше не соваться. Кто там их, этих афганцев, поймёт? Где заканчивается мужская половина дома? Где женская начинается? Заскочишь туда, куда тебя не просили, и получишь нежданную афганскую пику прямо под ребро. Тьфу-тьфу!

Что толку, что этого урода потом на кусочки разорвут? Ребро-то… Оно своё, родненькое. Не у дяди.

Вот мы с Гриней и двигаем потихоньку. Между дувалами. Под защитой брони. Впереди бэтээр. А в нём Юрка. Механик-водитель. И таджик Касим, переводчик. Он фарси знает. А то ведь Гриня, хоть и располагает к себе, но понять, о чём ему ду́хи так взахлёб рассказывают… Не может он. Вот этого – не может. Касим и помогает ему. Как может. Пока его тонкая и ранимая таджикская душа выдерживает. Пока выдерживает – помогает. А как не выдержит, отползёт Касим к ближайшему арычку отблеваться... Так тут мне приходится. Не бросать же другана в трудную для него минуту?

– Гринь, дай твою флягу. А то у меня уже всё… Тьфу ты, чёрт. Юрка! Свинины кусок… Что встал? Я об корму бэтээра чуть пятак не расплющил.

И для верности Гринькиной фляжкой, что ещё оставалась в руках, изо всей силы – по броне десантного люка…

– Э-ээ… Палёный! Отдай. Отдай фляжку-то. Вон, башкой своей лучше по броне. Она у тебя всё равно пустая. Знаешь, какой гул будет? На весь кишлак слышно…

Юрик…

– Эй, в коробочке! Кобра, чего встали?

И почти тут же, из-под брони, приглушаемый ею голос:

– Гриня, тут у меня… Слева, между дувалами, зелень какая-то. Я щас, чуть вперёд подам, а вы посмотрите – что там мирные дехкане посеяли?

Касим… Касим, чурка нерусская! Хорош на матрасах прохлаждаться. Не на курорте. Давай за пулемёты. И башней. Поворуши из стороны в сторону. Чтоб знали мирные дехкане про наш бронепоезд.

– Палёный, давай. С твоей стороны огородик. Я, если что, прикрою…

– Ну? Что там? Есть что? А, Саня?..

Это уже Юрка. Высунулся, придурок мамкин, из своего водительского люка чуть ли не по пояс. Высматривает…

– Пригнись, дурик, а то Касим сейчас башку тебе стволом снесёт…

– Не учи учёного! Давай, смотри там, есть что к тушману?

Да, неплохо бы какого огурчика тут раздобыть, чтобы не одну тушёнку вечером жрать. Сухпай вещь, конечно, неплохая, но если к нему чего овощного… Ого! Помидорчики. Красненькие. Уже созрели. Стоят, красными бочками на солнышке матово, но аппетитно отливают. Вот, рядышком, только перешагнуть через ручеёк, дорожку которому от магистрального оросительного арыка прилежно прокопал к себе в огород мирный дехканин. Пере… Шагнуть.

Стоп, машина! Это что тут? Уже не отливает. Поблёскивает тонкой ниточкой натянутой стальной жилы. Растяжка!

Фу-ууу… Спасибо тебе, Господи! Даже если тебя и нет. Уберёг. Отвёл косую в сторону. Ещё бы шаг и… Кирдык. Болтался бы сам на этом огороде. Вместе с помидорами на одних кустах. Такими же маленькими красными шариками.

Интересно, а много бы их из меня получилось?

– Тут помидоры. Но перед ними – растяжка.

– Не лезь. Нахрен надо. И без помидор проживём. Отметь вешками. Сейчас дам знать сапёрам. Они её обезвредят.

Но не успевает Гриня закончить, как от бэтээра опять орёт Юрка:

– Саня… Палёный! Посмотри, там по краю какая-то хрень зелёная. Бураки, что ли? Выдерни парочку, посмотрим. Мужики, если это цукровый, я вам такую бражку замострячу…

Глазастый ты наш. Углядел-таки…

Точно, какие-то листья под ногами. Ну-ка, ну-ка… У-уу… Пло-о-отно в земле сидят. Крепенько. Не на того напали! Сейчас, сейчас… У-ух!

Редька… Зелёная.

Как давно это было. Двести лет тому назад. Ещё до нашей эры. В учебке. В Маргилане.

– Ну что… Что ты делаешь? Не должны они гореть! Тлеть. Только тлеть. И не кучей, а равномерно – по всему мангалу. Ну-ка, дай мне!

И Плешь, младший сержант Серёга Плешков, которого Плешью можно вообще-то называть только за глаза, без лишних слов отбирает у меня кочерёжку, ещё утром позаимствованную у банного наряда.

– Вот, смотри – так.

Серёга начинает орудовать по мангалу кочерёжкой, раздвигая и одновременно разравнивая прогоревшие головёшки, время от времени вспыхивающие и радостно подмигивающие нам малиновым жаром того бока, что выглядывает из общей чёрной груды. Так-то «дедушке» СА не по чину возиться с мясом, луком, дровами. Поэтому я, молодой дух, здесь. Но Серёге, чувствуется, нравится это дело. И большую часть он делает сам. Я только так, на подхвате. А только увлечёшься:

– Ку-удаа?.. Ну кто ж так мясо рубит! Отдай нож. Вот, смотри, молодой! Учись… Учись молодой, пока «дедушка» СА не стал гражданским человеком. Вот, теперь можно и люляшками заняться. Шампуры где?

И формируя из нарубленного фарша крупные продолговатые котлеты, опять же – ко мне:

– Вообще-то лучше, если шампуры из веточек какого-то плодового дерева. Вишни, например. Можно сливы. Она – похуже, но тоже… Знаешь, какой аромат придаёт люля-кебабу? У меня были. Так танкисты, сволочи, взяли и заныкали. Можно, конечно, разобраться, так к чему? Уже к ноябрьским дома буду. С собою я их не потащу… Зачем? Но ты себе – раздобудь. У меня есть знакомый узбечонок на базарчике. Пойдём в увал, покажу…

Суббота. Парковый день. Офицеров мало. Ну а мы занимаемся регламентом. Осень. Подошло время менять моторное масло. Наши и меняют. А мы с Плешью вот тут. В закутке между забором и тыльной стенкой гаражных боксов. «Дедушки» сегодня будут отмечать Приказ, переквалифицировавший их в дембелей.

– Главное, понять: армия – это вещь. Одет, обут. И – с хавкой. А если службу просёк, то и нос – в табаке.

С этими словами Серёга достаёт из недр своего «сидора» бутылку портвейна.

– Э-ээ… Куда? Корявенькие убрал. А то пообрубаю по самые плечи. Не по чину ещё. На вот, лучше редьку почисти.

И сержант бросает мне большой, в два моих кулака бледно-зелёный увесистый шар:

– Лови!

Вот так я в первый раз увидел маргеланскую редьку. А спустя полчаса и попробовал…

– Ладно. Редька так редька. Давай её сюда… Да ты чё, совсем, что ли? Чё так мало?! Ещё, ёщё выдерни. Запас карман не тянет.

– И денег он не просит. Правда, Саня, давай выдерни ещё с десяток…

– Да они и так… Вон. Каждая редька… С бычачью голову!

– Давай, давай! Да по-шустрому. И так уже стоим тут…

Уже под вечер, закончив с зачисткой и всеми связанными с нею делами, расположились на ночёвку.

Жара спала. Невесть откуда взявшийся ветерок тянул со стороны предгорий приятную свежесть, но назвать её прохладой язык ещё не поворачивался. Внизу, где-то под бэтээром, осторожно шуршала высохшей проволокой редкой травы какая-то мелкая живность. Мыши, что ли? Где-то неподалёку время от времени всхлипывал своим противным плачем шакал.

– Не иначе тушман учуял. Прибежал на дармовщинку, попрошайка.

– Как же, дождётся он её от тебя!

– Да тут самому-то… На один укус!

И в подтверждение своих слов Юрка, выковыряв из банки огромный кусок тушёнки, тут же отправил её в рот. Присолил ломтик почищенной и порезанной на толстые пластины редьки, макнул его в раздобытое ещё перед выходом у кого-то из хозяйственных земляков подсолнечное масло и, довольный, захрустел на всю Саманганскую провинцию:

– Нет, хороша редька. Хороша! А сапёры-то… Небось жмуктят сейчас наши помидорчики и в ус не дуют, что это мы… Мы их нашли!

– Да ну, Кобра, успокойся. Что, тебе чужих помидоров жалко? Тем более, не факт, что они «жмуктят». Растяжка нашим не мешает. И на фиг с ней возиться? Рисковать. Если и подорвётся какой мирный дехканин… Так то – уже его проблема. А у них, сам видишь, какие проблемы? Никаких…

И Гринька махнул рукой в сторону расположившихся неподалёку сарбозов.

– Вон, костерок развели… Рис достали. Что они там? Плов что ли собрались готовить? Развеселились… Ржут и ржут. Как ненормальные. Давай, давай, бабайка, свой рис кушай. Нехрен на наш тушман рот разевать. Самим мало. Мало! Понял, чурка нерусская?

Касим… Касим, хорош жрать в три горла. Вон, спроси лучше у земляков, чё они ржут как ненормальные? Как посмотрят в нашу сторону и давай… Давай заливаться. Нет, точно ненормальные. Свой. Свой рис кушай.

– Ну, чего они тебе сказали?

– Сказали, что шурави – глупый. Верблюжий еда кушает. Редька эта – для них. Она сочная и хорошо влагу держит. Поэтому, когда караван идёт в дальний переход, эту редьку… Много редьки в мешки набивают. И с собою берут. А когда воды нет, её верблюдам скармливают.

– Верблюдам?

– Ну да, верблюдам.

– Да они зажравшись тут просто. Нормальная редька. Кстати, не такая горькая, как наша, чёрная. Но остренькая. С расстилкой… С маслицем, так очень даже прилично. На какой фиг её – верблюдам?.. Нет, зажравшиеся они тут.

Касим, ты им скажи, что нехрен ржать. То, что афганцу – смерть, шурави – самый ништяк! У нас верблюдов нет. Вот мы, чтобы добро не пропадало, и хрумаем её сами. Сказал? А они? Всё равно ржут? Ну и фиг с ними. Пусть, такие весёлые, свой рис хавают. А у нас – тушманчик!

Вот только редька… Редька-то уже того. Заканчивается. Санёк, ещё одну почисти. Хороша… Хороша редька. А они… Придурки. Верблюдам её. Это ж додуматься надо!

Нет, мужики, а сапёры, точно вам говорю, жмуктят сейчас наши помидорчики… И в ус не дуют!

Как разведка духов схарчила

«Кто где родился, там и пригодился». Уж не знаю, когда и какой мудрый человек до того додумался, но, наверное, было масло у него в голове. Как пить дать – было!

Правда, если как на духу, и не вспомнить, когда сам-то последний раз в родных местах был. Не так чтобы на недельку… Картошку там матери выкопать. Или забор поправить. Наружную проводку в доме поменять.

Нет, неделя – это что? Так. Не успеешь на полную грудь вдохнуть те запахи, которых с самого детства не было и не будет родней, как и всё уже… Пришло время дорожную сумку собирать.

Хотя опять же… Что собирать? Зубная паста, щётка, бритвенный прибор. Да пара чистых запасных носков. Больше времени уходит не на то, чтобы всё это сложить – было бы что! – а на то, чтобы потихоньку, как мать выйдет, выложить из сумки то банку варенья, то по отдельности завёрнутый в газету десяток сваренных вкрутую яичек. Или трёхлитровую ёмкость с солёными огурцами. Нет, в городе, конечно, хоть обы-

щись и чего похожего – даже рядом не стояло. Но такую тяжесть… Куда?

И с яйцами этими. Да сейчас по трассе через десяток-другой километров если не заправка, то какая кафешка придорожная обязательно будет. Катишь мимо и приглядываешься. Как увидел, что дальнобои кучкой остановились, и самому можно на перекус притормозить. Примета верная. Уж кто-кто, а они не первый раз по трассе идут. Всю её до последнего кустика изучили. И хлебные места – где вкусно, сытно, недорого и порции такие, что если на раздаче дают, обеими руками принимать надо – без карты наизусть знают.

И куда я с этими яйцами? Как в Тулу со своим самоваром…

Да… Давненько я в родных местах не был.

Но ничего. Зато паспортина у меня... Хоть не серпасто-молоткастая и не обоюдоострая, как в те времена, когда датчане канали за «разных прочих шведов», но тоже – краснокожая. Родненькая.

И живу я – в своей стране. Пусть не в той, в которой родился и которой когда-то присягал – «Я гражданин Союза Советских…».

Много воды утекло с тех пор. Давно уже нет Союза. А память… Куда от неё денешься?

В Афганистан, если кто уже забыл, мы не туристами попали. Так что памятники архитектуры или достопримечательности нам никто особо не показывал. Да и зачем? Как в первую мотоманёвренную группу, в Мазари-Шариф, попадёшь, и приспичит тебе… Естественно, прямым ходом – на толчок. А там брюки скинул, умостился на краю выгребного рва поудобнее и…

Вот она – Голубая мечеть. Прямо перед глазами. Смотри, хоть обсмотрись весь. Вот только…

Сам-то тоже. Как живая достопримечательность на краю рва. Из-за забора тебя, конечно, не сильно рассмотришь. Но если чуток повыше забраться… На тот же минарет. Так и оптического прицела не надо, чтобы на тебя, такого красивого, полюбоваться.

А что сделаешь? У них – не то, что у нас. Дома пошёл в контору леспромхоза и выписал дровишек. Столько, сколько тебе надо. Обычно куба три. На один самосвал. Эти закончатся, сходишь в контору ещё раз. Снова выпишешь.

У афганцев такого нет. Какие там кубометры?! Они дрова… На вес продают. Вот прямо так – взвешивают, кому сколько надо, денежки по счёту принимают и… Забирай свои полкило! Или килограмм, если сегодня при деньгах.

И это – дрова! Что уж там о деловой древесине говорить? Она у них – на вес золота. Потому в Мазарях и не возводили у выгребного рва ка-

кого капитального сооружения по общеармейскому типовому проекту.

Кстати, у нас, в Ташкургане, его тоже не было. Ни стен, ни, тем более, крыши. Сидишь, всеми ветрами обдуваемый, а вокруг… Розовые кусты шахского сада. И запах. Как будто кто-то рядом ведро с духами вылил.

И, самое главное, за кустами, даже если с самолёта смотреть, – ни фига не видно. Не то, что в Мазарях этих. Сидишь, как на сковородке. Не только ветрам, но и вражескому глазу открытый.

А за розовыми кустами – роща гималайского кедра. Кора на мощных, в два обхвата стволах толстая, тёмная, потрескавшаяся. На ветках – с желтоватым отливом. Шишечки – маленькие, но не длинные, на еловые, а тем более лиственничные – не похожи. Больше на сосновые смахивают. Крона настолько густая, что пару раз, когда нас из ручных гранатомётов дýхи обстреливали, выстрелы прямо там, вверху, взрывались, и ни один осколок вниз, на землю, так и не упал.

Но не из-за этого мы те кедры не рубили. Защита и маскировка дело, конечно, хорошее, только… У кого на такую красоту рука поднимется? Берегли мы рощу и, пока стояли в шахском дворце, ни одного дерева не тронули.

Буржуйки в блиндажах углем разжигали. А как разгорится, чуть хомутик отвернул на шланге, что от «капельницы» – расширительного бачка с бэтээра – к печке идёт, отрегулировал скорость подачи соляра и переложил противопожарную безопасность на дневального.

Ни одного кедра не срубили. Ни мы, ни те, кто до нас был. И те, кто потом пришёл, тоже рощу берегли. А как ушли…

Как ушли, так местный народец все блиндажи по брёвнышкам раскатал. И рощу вырубил. Подчистую. Так-то оно вроде бы и понятно – напряжёнка у них с дровами. С другого боку тоже – не своё. А всё равно – жалко. Такая красота была. А сейчас…

Посмотришь на свежие фотографии – голое поле. Пустой двор. Только «домик советско-афганской дружбы» стоит. Целёхонький.

Его, домик этот, уже при нас построили. Для встреч офицеров оперативного отдела с афганскими осведомителями и главарями бандформирований.

Естественно, что страна ничего не должна была знать о своих героях. Поэтому встречи проходили под покровом темноты. По ночам. И когда приходили «гости», чтобы не раскрывать бойцов невидимого фронта, караул на всех постах сменял наш взвод разведки.

Частенько приходилось всю ночь напролёт сидеть в густых розовых зарослях напротив окон домика «советско-афганской дружбы». Охранять «товарищей». В том числе и главарей бандформирований.

И вот как-то в очередной раз бросили нас на прикрытие.

Ну мы вчетвером и залегли в кустах по периметру. А Касима, переводчика, в домик отправили. Там же телефончик ещё стоял. Без звука, чтобы крепкий бандитский сон не тревожить. Но чтобы дежурный понимал, что трубочку-то снять надо, в аппарат лампочка вмонтирована была. Как замигала, значит, особист звонит, о беспробудном сне афганских «товарищей» справиться желает. Как не уважить беспокоящегося? Трубку снял да всё чин чинарём и доложил.

Так, мол, и так. Тихо всё. Дрыхнут.

В общем, хочешь не хочешь, а на кухоньке кому-то сидеть надо. Вот мы Касима, как самого смелого, и спровадили к телефону. А сами залегли. Бдим.

Ладно, как эти бугаи Касиму шею свернут – не велика потеря для пограничных войск Союза ССР. А если полманёвренной группы вырежут?

Вот и лежим. А тихо так. Изредка откуда-то повеет ветерком, кусты колыхнутся, зашелестят листвой. Какая мышиная мелочь прошебуршит в густой траве, замрёт, сама себя испугавшись, и дальше – уже тихонечко. Откуда-то издали, от предгорий Гиндукуша, на выглядывающую из-за туч луну коротко взвоет шакал.

И опять – тихо.

Только храп богатырский – из распахнутых настежь, из-за жары, дверей. Да раскладушка под Касимом скрипит, практически не переставая. Ворочается бедолага. Переживает.

Ещё бы не переживать, когда бок о бок с тобой шесть нехилых мужичков. И поди проверь, что у них на уме. Кто его знает, что им присниться может? А оружие – у каждого под рукой.

«Тебя как убить? Не больно? Или ножичком? Чик по горлу… А может, лучше пулю в живот? Нет, мин, извини, у нас нет. В следующий раз принесём. Если доживёшь… Ха-ха-ха!».

Не спит Касим. Ворочается. Скрипит под ним раскладушка.

Ну и нам эта скрипичная музыка тоже как-то совсем не в кайф. На нервы действует. Да ещё как!

А с другой стороны… Вроде как ворочается. Значит, жив ещё.

Но всё равно. Вот не то что-то. Лёг спать – спи. Не спится – бди у телефона. Но тихо чтобы! А то – ни два, ни полтора. И сам не спит, и нам подсиропил. Создал обстановку. Нервозную.

Тьфу! Ни дна этому Касиму, ни покрышки!

Первым не выдержал Юрка, водила со второго бэтээра.

– Пацаны… Я – в домик. Скажу Касиму пару ласковых. А то забодал уже…

– Давай. Только по-тихому. Врагов не побуди. И быстро чтобы…

– Ага.

Только его и видели.

– Касим. Каси-им…

– А! Кто тут?

– Тс-сс. Тихо. Я это. Юрка.

– Юрка? Ты чего?

– «Чего-чего»… Да забодал ты уже всех. Ворочаешься, ворочаешься. Что, не спится?

– Не-е. Никак. Не спится.

– Мандражишь?

– Да не так чтобы сильно. Но… Есть немного. Да ты бы сам тут полежал. Не так бы небось…

– Ладно, ладно, не гундось. Завёл шарманку. Надо было бы и я полежал бы. Как миленький. И не хуже тебя. А мандраж начинается – так возьми, погрызи сухарика. У меня это – первое дело… Куда?.. Куда корявые тянешь?! Чуть своим пальцем мне глаз не проткнул!

– Так сам же сказал – «сухарик».

– «Погрызи». А не «пальцем в глаз»! Разницу чувствуешь?

– Чувствую. Так что, у тебя сухарика нет?

– Касим… Ну ты даёшь! И был бы, так я его уже давно бы. У самого что, не заныкано? А у этих?

– У кого?

– «Кого-кого». Ты Касим как молодой. Ни фига в башке нет, кроме устава.

У «друзей» наших! Они ж правоверные небось? Тушёнку со свининой им в лом харчить. А судя по рожам – навряд ли они святым духом питаются. Значит… Значит что-то у них должно с собою быть. Касим… Должно! Вопрос только – где?

– Так в хурджинах, наверное.

– А ты что, столько тут валяешься, и даже не пошарил? Ну, Касим…

Касимчик. Слушай. Ты ж тут… Устал весь, наверное. И глаз не сомкнул. Эти уроды храпят так! У нас, в кустах, и то. Уши сами в трубочку сворачиваются. А уж тут…

Нам-то что? Отдежурили, потом и поспать можно. А тебе? Завтра ещё и переводить. И как ты? Если уже сейчас от бессонницы лыка не вяжешь. А ведь ты не переведёшь, то кто? Кто тогда?!

Касимчик. Только тихо! Чтобы мужики не видели. И не слышали. По-пластунски. Вот, сейчас луна за тучки зайдёт и… Вперёд. В блиндаж. Там поспишь, спокойненько. И завтра – как штык.

Переводить начнёшь, только от зубов отлетать будет.

А я уж тут. Как-нибудь. Возьму на себя все тяготы и лишения.

Ну что ты стал истуканом? Видишь, луна уже за тучами? Пошёл, пошёл, родимый. По-пластунски. И задницу… Задницу от земли не отрывай. А то ведь прострелят её эти ухари, что в кустах. У них уже с предохранителя всё снято. И патрон в патроннике. Так что ты уж постарайся, Касимчик.

А то ведь твою задницу отстрелят. Не мою. Ну, с Богом…

В общем, пока мы спохватились и стали подозревать, что нечисто тут.

Какого лешего Юрка так долго Касима вразумляет? И с чего у них там раскладушка скрипеть перестала?

Пока спохватились, призадумались… Пока сами в домик просочились.

В хурджинах тех уже ничего практически не осталось. Ну так. По горсточке миндаля на рыло. Да вяленого инжира. С десяток. Не больше.

Мы, конечно, как обратно в кусты заползли, всё этому удаву высказали. Что не дело это, когда о товарищах забываешь. Нашёл провиантский склад, поделись с другом. По-братски. А не так, что на тебе Боже горсточку миндаля да две изюминки…

Правда, толку от того... Мы ему правду-матку в его сытую рожу беспощадно, а он только щурится довольный и отломленной от розового куста веточкой в зубах ковыряется.

Утром ещё и афганцы командиру манёвренной группы нажаловались. Мол, его бойцы – совсем плохой «товарищ». Всё-всё ночью скушал. Совсем всё! Ничего не оставил.

Хорошо, что у «папы» с юмором всё в норме оказалось. Он только и сказал взводному, что пора, мол, разведку переводить в советники к афганцам, а начальнику продовольственно-фуражной части – снимать их всех с довольствия. Ну и добавил. Про то, что кобыле легче.

И всё это – только лейтенанту нашему. А уже к обеду в манёвренной группе невозможно было найти человека, который бы не знал, что разведка все продовольственные запасы у афганцев схарчила. Все. До последнего зёрнышка.

И ведь не объяснишь всем и каждому, что мы, вообще-то, не при делах. Так только – по горсточке миндаля. Да по вяленой инжирке. И всё!

А кто харчил, так про то у Касима спросите. Он там, в домике, сам, лично был. Собственными глазами видел!

Предчувствие

Будет всё, как ты захочешь...
(Из песни)

Карбюратор, а вместе с ним и весь моторный отсек плавно пошёл вниз. Дойдя до какой-то, только ему ведомой точки возврата, завис, качнулся пару раз в этом неустойчивом равновесии и так же плавно пошёл вверх.

«Амортизаторы сработали», – на автомате промелькнуло в голове Сашки, отвлекая от мыслей о полуразобранном карбюраторе: «Какого чёрта! Вот какого мотор не тянет? Особенно на высоте, в горах. Жиклёр засорился? Или игла залипла?!»

Тень, упавшая на моторный отсек, закрыла освещавшее его солнце и на полном скаку остановила и без того неспешный бег невесёлых Саниных мыслей. Он, подняв взгляд от карбюратора, повернул лицо с соответствующей моменту недовольной миной – и кого там чёрт принёс? – в сторону того, кто оторвал его от такого важного дела. Но увидев, что напротив него, на правое, командирское кресло шишиги взгромоздился водитель ещё одной батарейной машины – Костя Дончук, сразу же согнал с лица невольно набежавшие на него тучи: – О-оо… Гонза! Ты чё здесь? У Слесаря вроде днюха сегодня. Он же обещал к вечеру поляну накрыть. Все пацаны или там, клювом не щёлкая, чуть ли не с самого утра крутятся, или по щелям попрятались, читают письма и разбирают посылки, что сегодня пришли с бортом из Союза. Тебе что, никто ничего? Не пишут, раз делать нечего? Или Яшка готов поздравления принимать? Послал гонцов, чтобы народ потихоньку подтягивался? Так до вечера… Жить да жить. Солнце, вон, ещё высоко.

– Да нет, до накрытого стола – далеко. Пацаны только-только бульбу почистили. Жарить ещё и не думают начинать. Я, тащ сержант, с другим…

– Что, из дома что-то не сильно радостное прилетело?.. Вон, у тебя ажник рожу всю перекосило. Что там стряслось? Бычок, что с осени на откорме, сдох? Бля… Гонза, слушай, мне тут вчера агээсники такой анекдот рассказали… Пишет чурбан письмо домой: «Папа, как овца наша окотится, назови одного из ягнят Сэржантом. Приду с дембеля домой, зарэжу его, гада!». Ха-ха-ха… Гонза… Твою бога и всех его апостолов душу! Ты чё, в самом деле? Чернее грозовой тучи. Что стряслось-то?

– Тащ сержант… Завтра же на операцию пойдём?

– Ну да, в Мармольское ущелье. Я как раз под это дело машинёнку проверяю. Двигун что-то на высоте оборотов не даёт. Не тянет, скотина. Слу-

шай, подвинься чуток, а то весь свет загородил. Сейчас мы вдвоём этот карбюратор… Похоже, жиклёр засорился. Продуем его и всё – чики-пики. За полчасика, да вдвоём… Думаю, управимся. На, держи отвёртку. Сейчас крышку сниму, посмотрим, что там.

– Тащ сержант. Санёк… Может, заменишь меня кем-то?.. Знаешь, что-то така-ая тоска. Аж руки трясутся. Сам думал свою шишигу посмотреть. А то почему-то глохнет ни с того ни с сего. Заводишь, – чих-пых, чих-пых… Пошла потихоньку, родимая. А потом – бац, и сразу отрубает напрочь. Искра, что ли, пропадает? Хотел свечи проверить, так, представляешь, руки так трясутся, что ключ на головку никак не накинуть.

– Гонза… Кем? Кем я тебя заменю?! Нет у нас сменного водителя. Некого мне вместо тебя за баранку твоей шишиги засунуть. Так что давай, соберись. Понимаю. Устал. От Шедиана дорожка была не из самых лёгких. Так ведь и то, что служба будет мёдом намазана, никто не обещал. Про «стойко переносить тяготы и лишения воинской службы» – помнишь?! Ну вот, другое дело! Улыбочку, рядовой Дончук! Вас фотографирует корреспондент «Красной звезды». На, держи отвёртку. Сначала с моим пылесосом разберёмся, потом пойдём твой посмотрим. Пока пацаны будут картофан жарить, успеем.

– Свечи, свечи… Чему тебя, Гонза, только учили в твоей Речицкой путяге? Механизатор сельского хозяйства… Широкого профиля. Вот! Топливник. Прокладка прохудилась, поэтому он и стал воздух в систему закачивать. Сейчас подтянули всё до упора, видишь – и заводиться стало с полтыка, и не глохнет. Вернёмся с операции на базу, возьмёшь у помпотеха прокладку, заменим старьё и рваньё на новьё. А через три месяца, если замена не подкачает, мне как бы и откидываться пора. Мы тогда тихо-тихо, чтобы ни одна заставская собака про это не узнала, перекинем топливный насос с моей шишиги на твою. И последние полгода будешь ездить… Как кум королю, зять премьер-министру!

– Да через три месяца мне, может, новый топливник и ни к чему. Видел, пацаны здесь, в Мазарях, новые машины уже получили. Специальные. Приспособленные под перевозку 120-миллиметрового миномёта в кузове. Да и сами миномёты – новые, усовершенствованные. Говорят, следующая партия уже под нас, ташкурганских. Так что, может, и ты до дембеля на новье успеешь поездить.

– Не-ее, Гонза. Я свою старушку ни на какой бэтээр не променяю. Она со мною в таких переделках была. И ни разу… Ни разу, Гонза, не подвела. Старый друг лучше новых двух. Кстати, а как там твои друзья? По времени, так уже давно у них поляна должна быть накрыта. Ну-ка, ну-ка… Гонза, ничего не чуешь? Картофаном пахнет. Жареным. Ох, сейчас намнём!

И за того парня тоже. Давай, закрывай капот. Инструмент – под сиденье и – ходу. Ходу, Гонза! А то ведь, пока мы с тобой тут возимся, сожрут всё. Как пить дать сожрут, черти…

Утром, уже в полной боевой, долго стояли на базе. Отцы-командиры никак не могли определиться, по какой дороге двигать в Мармольское ущелье. Наконец, когда ещё не жаркое, февральское солнышко поднялось довольно высоко, тронулись. На выходе из Мазарей Саня сориентировался – пойдём напрямую, самой короткой дорогой.

Мотор работал ровно, но в его привычной, а оттого успокаивающей мелодии, начали проскальзывать нотки недовольства. Саня перекинул рычаг на пониженную. Начинался подъём.

Слева и справа поближе к дороге подобрались тёмно-бурые скальные уступы с кое-где высунувшимися между ними узкими языками каменных осыпей. Голо всё. Ни травинки. Снега тоже нет. То ли уже растаял, то ли сдуло его куда-то в межскальные трещины. А февраль ведь. Дома снег – до самого горизонта. Речка тоже замёрзла. Пацаны небось вовсю на ней с шайбой бегают. Всё здесь – совсем не так. Хотя зимой тоже холодно. В карауле иной раз и тулуп не спасает, а снега практически нет. Голые камни. Вон только на самом краю уходящего от дороги уступа прилепилось какое-то дерево. Зелёное. Иголки, похоже, длинные. Не такие, как у ели. И ветки – вверх. Сосна, что ли?

Поднятая шумом проходящей колонны, с дерева снялась пара буроватых, маскирующихся под тон скал небольших, с дрозда, птиц и полетела куда-то вперёд, в сторону головных машин. Невольно зацепившись за них взглядом, Саня посмотрел вслед улетающим пичугам. И вдруг там, далеко впереди, поднялся небольшой, расширяющийся кверху, столб пыли. Чуть погодя по ушам ударил звук разрыва – у-ухх. Колонна встала. От машины к машине прошелестело:

– Подорвалась водовозка. Потерь нет. Дорога заминирована. Ждём сапёров.

Стояли долго. Сначала из хвоста в голову колонны прошли сапёры. За ними – оборудованный на базе танка трал.

Только когда он, гремя огромными катками, подвешенными спереди и сзади него, вернулся обратно, от машины к машине передали приказ:

– Трогаемся. Всем идти след в след.

Подъём закончился. Начался спуск. Впереди, между обступившими дорогу скалами, показался просвет.

«Вроде всё, прошли. На открытом месте заминировать дорогу значительно сложнее. Да и степь… Что-то родное. Почти как дома. Не должна подвести родимая. И идём хорошо. Как по линеечке. След в…». Как вдруг

Санины мысли прервал взрыв, неожиданно ухнувший где-то рядом, через две, максимум три машины, но уже сзади.

Заглушить машину и выскочить из неё было минутным делом.

Костина шишига лежала, опрокинувшись на бок. На ней уже копошились какие-то малознакомые – молодые, что ли? – бойцы. Вылетевший из кузова расчёт, отряхиваясь, подтягивался к месту подрыва. Метрах в пяти перед машиной копошились две фигуры, в одной из которых Саня узнал вчерашнего именинника – Яшку Слесаренко. Командира расчёта. Тот, так же, как и его подчинённые, отряхивался, растерянно озираясь по сторонам.

– Яшка… Яшка! Ты меня слышишь?!

– Слышу.

– Что тут у вас? Ты как?

– Я? Нормально. На мину напоролись… Слушай, у тебя расчёски нет? Причесаться бы…

– Какая, к чёрту, расчёска? Гонза где?! Он же, как водитель, должен был быть в кабине, вместе с тобой, командиром расчёта!

– Гонза? Не знаю… Наверное, как и я, открыл дверь и вышел из кабины. Где-то здесь должен быть. Слушай, как тебя? Лёха? Ты же с первой батареи? Дай расчёску-то. Не жмись. Я вот причешусь и сразу же…

– Яшка! Заткнись…

Оглянувшись на голос, Саня увидел Вовку Петрова, наводчика другого расчёта своей батареи. Тот копошился у Гонзы, лежащего навзничь с раскинутыми в сторону руками. Его открытые глаза не мигая смотрели с припорошённого дорожной пылью лица куда-то вверх. В синее, ясное, без единого облачка, афганское небо.

– Не слушай ты его, контуженного, – продолжил тем временем Вовка, обращаясь уже к Сане, – заманал уже, чёрт контуженный, со своею расчёской. Через дверь он вышел… Вон, ребята с монтировкой никак её открыть не могут. Через дверь… Через лобовое стекло он вылетел. Как и Гонза. Только Слесарю повезло. Видно, приземлился удачно, а Гонза… Ногу сломал.

И Вовка чуть отодвинулся в сторону, чтобы Саня увидел белый острый обломок кости, что, прорвав кальсоны, «хэбэ» и ватные водительские штаны, торчал из Костиной ноги чуть выше сапога.

– Давай, Санёк, помоги мне. Обезболивающий я Костяну уже вколол. Теперь жгут выше места перелома наложить надо. Приподними ему ногу, подержи её немного на весу, я сейчас жгут заведу и затяну.

Но не успел Саня нагнуться к Гонзе, всё так же бездвижно лежащему

на земле, как чья-то сильная рука, властно схватив за плечо, бесцеремонно отодвинула его в сторону:

– Ну-ка, отодвинулись, бойцы.

Между Саней и Вовкой, присевшим на корточках с резиновым жгутом в руках, стоял запыхавшийся, прибежавший откуда-то из хвоста колонны прапорщик-фельдшер. Раскрыв свой маленький медицинский чемоданчик, он вытащил из него фонендоскоп и скомандовал, повернувшись в сторону Петрова, застывшего со своим жгутом в руках:

– Да брось ты этот жгут! Расстегни ватник.

И уже сам, рванув Костину гимнастёрку, просунул под неё металлический кругляш прибора.

– Тихо, бойцы! Замолчали все.

Все замерли. Сразу стало так тихо, что было слышно, как двигается вправо – влево, вверх – вниз под гимнастёркой у Гонзы кисть прапорщика с зажатым в ней металлическим кругляшком фонендоскопа. Сколько это продолжалось, Саня не понял. Может, минуту. А может, целую вечность.

Но когда эта вечность прошла, фельдшер молча вытащил руку с фонендоскопом из-под Костиной гимнастёрки и другой, свободной рукой, потянулся к его лицу:

– Вы что, тащ прапорщик? – сразу же откликнулся на это его движение так и не вставший с корточек Петров.

– Всё, парни. Ему уже ничем не поможешь…

– Ты чё, прапор… Гондон штопаный! Чё несёшь? Он живой! Я сам пульс у него щупал. Он живой был. Живо-ой!!

– Спокойно, боец. Дай руку. Дай руку, я сказал! Сожми кулак. Сжал? Чувствуешь? Чувствуешь, как сердце бьётся? Это твоё сердце так сильно бьётся. Ты свой… Не его, свой пульс ты услышал. Если бы у него сердце билось, знаешь, как бы из такой раны кровь хлестала? Он уже мёртвый ногу сломал. Иди, посмотри в кабине, как он, вылетая из машины, рулевое колесо загнул. У шишиги левое колесо прямо под водителем. Никаких шансов не было у него при подрыве.

– А как же трал? Сапёры?!

– Пластик. Миноискатели не сработали. А трал… Скорее всего, это «итальянка». Нажимного действия. Прошла техника по ней, боёк чуть сдвинулся вниз. Прошла снова, он ещё дальше – вниз. И так до определённого предела, когда уже боёк выскакивает из зажимов и бьёт по ударнику. От трала тут тоже – толку немного.

И уже повернувшись в сторону Сани, прапор даже не скомандовал, а сказал бесцветным, уставшим голосом:

– Давай, боец. Дуй к кэшаэмке, она там – впереди. Скажи, пусть свяжутся с летунами. У нас трое… Нет, четверо контуженных. И один – «двухсотый».

Стояли долго. Тронулись только после того, как взлетели, и чуть накреняясь и постепенно набирая высоту, пошли вдоль ущелья две вертушки, в которые загрузили Гонзу и весь контуженный взрывом расчёт.

Саня, воткнув вторую, медленно, вместе со всей колонной двигался вперёд. Изо всех сил, обеими руками вцепившись в руль родной шишиги, он в голос, не обращая никакого внимания на прапора, перебравшегося из хвоста колонны к нему в кабину, крыл матом всех и вся. И духов, и советскую власть, и военкоматовских, засунувших его в Афган, и офицерьё, выбравшее в качестве маршрута движения к ущелью эту проклятую дорогу. Ему было страшно. Чертовски страшно.

А в голове у него неутомимым дятлом, отдавая тоненьким звоном серебряных молоточков где-то в районе висков, долбила одна мысль. Одна-единственная.

– Нет. Нет! Не сегодня!! У меня же не было Костяновского предчувствия…

Дорога домой. Термез. Узбеки

Сил повернуть голову и осмотреться – не было. А то, что видели из-под полуприкрытых век глаза – рваные, из грубого коричневого полотна домашней выработки шаровары медленно приближающегося духа. И то, только самый их край. И старые потёртые, давно не встречавшиеся с сапожной щёткой и армейской ваксой гады. «Наши», – машинально отметил Саня. Сил ещё хватило на то, чтобы подумать: «Наверное, выменял, сволочь. На блок «Мальборо»? Или пачку переводных картинок с голыми бабами?».

Одетые в гады ноги медленно приближались, бесшумно ступая по чужой земле, выжженной до светло-коричневого цвета, такой плотной, что в неё не хотели вдавливаться мелкие камушки, на которые мягко ложилась подошва ботинок. Гады постепенно вырастали в размерах, заслоняя собою горизонт, и сейчас за ними уже только угадывался силуэт подбитого бэтээра, который проступал на фоне обесцвеченного раскалённым солнцем неба в те редкие мгновенья, когда порывы ленивого от жары ветра относили чуть в сторону густые чёрные клубы дыма.

«Автомат», – как-то медленно и лениво шевельнулось в мозгу. Но под-

нять свинцом налитые руки, или хотя бы одну из них, сил не было. Да если бы и были. Толку-то… На том клочке земли, что ещё оставался между приближающимися и постепенно вырастающими в размерах гадами и ним, оружия не лежало.

Как-то равнодушно мелькнуло и пропало – «Сейчас добьёт, падла. Быстрее бы уже». Но дух, видимо, был иного мнения. На остановившиеся и застывшие гады начали опускаться складки шаровар. «Приседает. Сейчас, наверное, шмонать начнёт». Но медленно вплывшее в видимое пространство загорелое бородатое лицо вдруг раскрыло рот с большими, щербатыми и жёлтыми от насвая зубами и почему-то женским голосом произнесло: «Солдатик».

– Солдатик… Солдатик!

– А?.. – Саня медленно вынырнул из только что липко обволакивавшего его, но уже отступающего под чьим-то чужим, мягким и вместе с тем – настойчивым напором, сна. В слабом свете, что шёл откуда-то сверху и со стороны – сразу подумалось: «Ночь, что ли, не день?» – он разглядел незнакомое женское лицо и чуть ниже: значок с раскинувшимися в стороны крылышками и колесом между ними, тускло блеснувший жёлтеньким на правой стороне груди. «Проводница?..».

– Вставай, вставай, солдатик. Твоя станция!

Да, проводница. Незнакомая, но почти родная русская тётка. Не то что те уроды, узбеки, которых метелили всей толпой, ещё не доехав до Ташкента.

По-человечески ведь просили мымру в тюбетейке, что прочно окопалась в воинской кассе на вокзале Термеза:

– Продай… Продай пять купе в одном вагоне. Нам же всем никак нельзя вразнобой. Последние дни вместе.

Нет, продала пять купе и все – в разных вагонах. Поэтому, как только тронулись, не сговариваясь, пацаны из хвостовых и головных вагонов, оставив в своих купе немудрёное дембельское добро – чемоданчики, фуражки, шинели, а кое-кто и кителя, потянулись к центру состава, через какое-то время встретившись в одной точке. Где тоже были свои, до боли знакомые, загорелые рожи. Дверь в купе распахнута настежь, а на столе уже стояло несколько открытых бутылок водки. В стаканах было «нОлито». И кто-то, уже заждавшийся, бросил первым:

– Ну, мужики… За дембель!

Кто-то другой тут же добавил вслед:

– Первую – не закусывая!

И уже хором, вразнобой, понеслось:

– Вторую – тоже!

– Хорош бакланить… Нефиг её греть в руках, выдыхается!

– Э-ээ, пацаны! Кто только водочку собрался кушать, те – по верхним полкам. А настоящий погранец о жратве и бабах не забывает никогда. Но поскольку с последним – напряг до самого дома, пусть нас ждут боевые подруги… Мишаня! Где тушман? Открывай! Да чё, только одну? Ты смотри – харь-то сколько. И многие – заметь! – пожрать не дураки…

Тесно сгрудившись в тамбуре, и то, только часть – на всех места не хватило, лениво травили между затяжками:

– Нет, не зря говорят – «сидя не напьёшься».

– Да чё переживать? До Ташкента водки хватит. Там к тому, что уже есть, – добавим.

– А если на вокзале не продают?

– Возьмём таксёра и в город. А нет, так и у них затариться можно. У нас так у таксёров завсегда есть.

– Блин… Кто только додумался Серёгу за «добавкой» послать? Он – тако-ой тормоз! Помню, под Андхоем… По нам уже изо всех стволов поливают. Я ему ору – «Ду́хи справа», а он башню… Влево! Влево её поворачивает!

– Да он сам вызвался. Тормоз, тормоз, а тут видно и у самого горит…

– Если горит, что тут бегать? Наше купе через три вагона. Одна нога здесь, другая там. На всё про всё – пять минут. Максимум! А его… Сколько его уже нет?

– Минут пятнадцать…

– Ша, пацаны! А вот и Серёга. Лёгок на помине. Только… Кого это он с собою… Во-ло-кёт.

И уже самому Серёге, чуток расхристанному, в распахнутой парадке и со свежей ссадиной под правым глазом, только что втолкнувшему в тамбур одного узбека-проводника и, в ритм покачиваясь на железяках межтамбурного перехода, цепко удерживающему за шиворот фирменного кителя другого:

– Серый… Ты чё? Нахрен нам эти шибздики? Водка где?

– Водка подождёт. Пацаны, знаете, что эти падлюки делали в наших купе, пока мы тут сидели? Знаете?!

Толпа как-то недобро подобралась и уже иным голосом, металлом царапая сразу погрозовевший в тамбуре воздух:

– И что?

– По карманам шарили! А этот, – и Серый с силой тряхнул того, которого удерживал за шиворот, – твой, Витёк, чемодан открыл, всё на нижнюю

полку вывалил и ковыря-ается… Ковыряется не спеша. С толком, с расстановочкой. А тут я… Здрасьте. Не ждали, сучары?!

Они… Они ещё и брыкаться собирались. Вон, тот первый… Тот-то в глубине купе был. А этот – прямо у входа, карманы выворачивал. Он мне и зафингалил. Видите? Хорошо, у меня эргадешка в кармане. Выхватил её… «Кабздец, – говорю, – вам, пидары. Только дёрнитесь! Так в купе и ляжете. Оба. Двое». Так успокоились.

– Не-ет, Серый… Это – не успокоились. Сейчас мы их успокоим. Успокоим… Мочи, пацаны, педиков, мать их!

Минут через десять кровью был забрызган и первый тамбур, где курили, и весь проход купейного вагона, по которому по очереди, «перекидывая» из руки в руку, прогнали обоих проводников, и второй, рабочий тамбур, в который плавно переместилась почти вся толпа. Через открытую дверь в него, а потом и в сам вагон, который тоже был – нараспашку, тугими упругими толчками врывался сухой, прохладный воздух, а вместе с ним грохот и лязг двигающегося состава. Саня и старшина минбата, Вовка Круглов из Кургана, за руки и ноги, где-то на треть высунув наружу, на весу удерживали первого проводника, в лицо которого бил жесткий, стремительный ветер, срывая с его губ и унося куда-то вдаль, в пустынные просторы прижелезнодорожного пространства, крик, уже несколько минут как перешедший в какой-то однотонный тоскливый вой. Серый, сам с недобро сузившимися глазами, точь-в-точь как тот, уже готовый упасть, второй узбек, которого он плотно прижимал к стенке, у стоп-крана, в голос, перекрикивая шум ветра, грохот и лязг идущего на полной скорости состава, орал ему прямо в лицо:

– Через пять минут! Ты понял, урод?! Через пять минут бригадир должен быть здесь. Здесь! Вот на этом самом месте! А нет, твой дружбан – раз-два, взяли… Ну-ка, мужики, качнули этого педрилу для наглядности. Твой дружбан, как птичка, полетит по родным узбекским просторам. Только, знаешь ли, что-то подсказывает мне, что летать он будет недолго.

Но нам это – по барабану. Мы его полёт отслеживать не собираемся. Выкинули и пошли по составу. И будь уверен, падла, мы тебя найдём. А найдём, я сам, никому другому не доверю… Никому, ты слышишь, сучара, ни-ко-му! Сам, вот этой рукой, вырву чеку и забью эргэдешку тебе в жопу. И даже смотреть не будем на твоё говно и кишки. Потому что они – точно такие же, как у тех, кто уже отправился на встречу с Аллахом.

Ты понял?! Пять минут. Пять!! Пошёл…

Через пять… Может, через семь минут, не больше, прибежал бригадир в застёгнутом на все пуговицы кителе, но со съехавшим на бок галстуком. Больше… До самой Москвы этих двух уродов больше никто не видел.

Проводница не сильно, но настойчиво тянула вверх, за рукав форменной рубашки:

– Давай… Давай, солдатик. Собирайся, родненький! Вот. Китель, шинелька… Давай, давай, миленький, мы тут и стоим-то… Три минуты!

«Три минуты? А в Оренбурге состав на полчаса задержали. В Оренбурге…»

– Куда? Куда?! – проводница схватила уже было дёрнувшегося к выходу Саню за рукав шинели. – А кашне? Кашне-то… Забыл! Вот оно, на третьей полке. Держи.

Кашне. Белое, офицерское. Собственно, из-за него в Москве и загребли…

Дорога домой. Оренбург. Генерал

За окном тянулась ровная, до монотонности однообразная степь, кое-где, для пущего разнообразия, перемежающаяся редкими островками какой-то высокой, высохшей на корню травы. С уже привычным глазу постоянством мимо пролетали телеграфные столбы с убегающими куда-то в бесконечность проводами. Поезд подходил к Оренбургу.

Саня чуть отвернулся от окна, повернув голову к своему механику… Уже бывшему механику-водителю:

– Юрк… Юрка, слышишь?

Тот тоже, в свою очередь, оторвался от окна:

– Чё?

– Слушай, у вас степь такая же?

– Да ты чё?! Никакого сравнения. Это – туфтень какая-то на постном масле, а не степь! У нас… У нас – красота. Ковыль… Если ветер, так знаешь, – как в море волна. Один в один. Набегает одна на другую, подгоняет её и убегает куда-то за горизонт. А на место тех, что убежали, тут же приходят другие. И плавно перетекают, одна в одну. То вверх, то вниз. Стоишь ровно, твёрдо, а тебя качает, убаюкивает. Так и хочется лечь среди травы, закрыть глаза и плыть, плыть… Куда-то туда, где… Ну, где не просто хорошо, а здоровски. Как на картинках в пакистанских журналах. Море, солнце, облака, пальмы. И бабьё! С вот такими титьками!

– Тьфу на тебя, козлина! Всё впечатление испортил этими титьками. Кто о чём, а вшивый… Я тебя за степь спрашиваю, а ты – о бабах.

– А без них как? Что ты в степи один делать будешь? А так, завалил подругу среди ковылей… Солнышко, птица какая-то в траве чирикает, степ-

ная мелочь, жуки, букашки вокруг шебуршат. А из людей только вы. Вдвоём. Одни на всём белом свете…

Слушай, Сань, может, оно из-за солнца так? Сколько уже едем, а, наверное, от самой Эмбы – всё облака, облака. Нет, тут – никакого сравнения с нашей…

– Ну оно и понятно. Дома – и солома едома. За вареники уж молчу. Они у тебя, в Корсуни, небось с бычачью голову. И все, как один, – с вишнями.

– Нет, сейчас с вишнями нет. Не сезон. Это – летом. В июле. Так они и с творогом – не хуже. А ещё знаешь, как мать у меня их делает? С картошкой, а в неё, перед тем, как в тесто заворачивать, жареный лук со шкварками. Вот такая вещь. Знаешь, как я за варениками скучил?! В Москве обязательно матери позвоню. Послезавтра какой день? Будний? Позвоню ей на работу, пусть вареники лепит. А то, Сань, – слышь?! – может, ко мне махнём? Знаешь, какую у меня мать горилку гонит?! Неделю пить будем.

– Не, Юр, сначала – домой. Сколько там не были… А ещё ехать и ехать. Не то, что Лёхе. Вон, уже при полном параде. И чемоданчик из купе вынес.

Поезд стал плавно притормаживать. Пошли какие-то невысокие, явно частные домики, которые почти сразу же сменили промышленные постройки, склады. Заскрипели тормозные колодки. Вагон дёрнуло. И тут же в открытое кем-то окно ворвались бравурные звуки какого-то марша.

– Ша, пацаны! Родина встречает своих героев.

– Да не героев. Тоже мне, герой нашёлся. Валенок вятский. Оренбург приветствует своего уроженца, доблестного ветерана двух афганских компаний, награждённого почётным знаком «Старший пограннаряда» и медалью «За отличие в охране государственной границы» – Алексея Батьковича Кравченко, между боевыми корефанами просто Лёху, со славным погоняловом – Скворец.

Лёха, слышь, как тебя родной Оренбург встречает? Под фанфары!

– Да мне эти фанфары… До одного места. От Оренбурга ещё почти восемьдесят кэмэ. Когда ещё там буду? Тем более, неизвестно – поменялось ли расписание на автовокзале?

– Какой такой автовокзал? Ты смотри – не за тобой ли товарищ Чебриков машинку прислал? Прямо из гаража Комитета Госбезопасности.

Под звуки марша прямо на перрон плавно въехала и остановилась чёрная «Волга».

– Мужики, у кого какие деньги? Все – к машине. Бего-о-ом!

Толпа дружно рванула к выходу из вагона.

Через пару минут «Волга» была в плотном кольце. Пара пацанов легла прямо на капот, остальные, лихорадочно выравнивая и разглаживая мя-

тые по карманам купюры, передавали им деньги, которые те тут же засовывали под оба дворника.

«Пять, десять, четвертной, снова десять», – машинально, про себя, отмечал Саня, сам, в свою очередь, протягивая кому-то – передай! – свой родной четвертной, что мать прислала в Термез, «до востребования».

Вездесущий Юрка – наш пострел везде поспел! – уже стоял с левой стороны «волжаны», у приоткрытого седым пожилым водителем окошка:

– Отец, слушай… Тут нашего другана, недалеко, километров восемьдесят, подбросить бы надо. Лёха… Лёха, как твой кишлак-то?! Вот, слышал, в совхоз имени товарища Кирова подбросить надо. Что «не могу»? Как – «не могу»? Да ты посмотри у тебя под дворниками деньжищ. Тысяча! Не меньше. Полгода потом можешь курить бамбук. Отвези!

Но водитель, явно ошалевший от такого напора, смущённо улыбаясь, всё же продолжал отрицательно покачивать головой:

– Не могу, парни! Честно, не могу. Я генерала жду.

– Какого такого генерала?

И вдруг нестройный, а оттого и невнятный шум, царящий всё это время вокруг машины, перекрыл негромкий, спокойный, но твёрдый голос:

– Вот такого. Самого обычного. Что, бойцы, генералов не видели?

Среагировав на голос и повернув голову, Саня с удивлением увидел – и правда, генерал, с двойными красными лампасами.

И не только он увидел. Мужики резко подобрались. Кто-то потянулся к пуговицам на кителях – проверить, все ли застёгнуты, кто-то – к фуражкам. Поправить их, а заодно до автоматизма привычным движением руки определить – на месте ли кокарда. Поэтому приветствие – «Здравия желаем, тащ генерал!» – получилось недружным, вразнобой.

– Вольно, бойцы! Откуда?

– Из Афгана, – ответили все хором, уже значительно дружней.

Лицо генерала выразило явное недоумение:

– Из какого Афгана? Вас, погранцов, там и близко быть не должно.

– Ну, вам виднее, – за всех ответил Юрка, так и оставшийся стоять у полуоткрытого водительского окошка.

Переводя взгляд в его сторону, глаза генерала вдруг притормозили на дворниках, под которыми толстым слоем лежали разноцветные купюры.

– Деньги? А это ещё откуда? Зачем?

Опять за всех ответил взявший на себя инициативу Юрка:

– Да вот, друг у нас, Лёха… Лёха, ты где? Покажись. Ему тут, недалеко. Восемьдесят кэмэ всего. Одна нога здесь, другая там. Ваш водитель – ласточкой. Туда и обратно. Отвезти бы героя домой.

– Героя?

– Так точно, тащ генерал! Героя. Лёха, расстегни шинель. Прошу любить и жаловать. Младший сержант погранвойск КГБ СССР Алексей Кравченко. Старший погранналряда. Награждён медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

– Ну, если герой…

И уже к водителю:

– Как вас? Пётр Алексеевич, отвезёте бойца. Куда тебе? Отвезёте в совхоз имени Кирова. Как вернётесь, доложите дежурному офицеру, чтобы он дал мне знать. Да, парни, а деньги-то… Заберите.

Что за базар? Равняйсь, смирно! Деньги – забрать. Это приказ! Забрать!

А теперь – прощайтесь с боевым товарищем. Только недолго. Расписание срывать вам никто не позволит. Удачи, воины!

«Недолго» не получилось. Поезд в Оренбурге задержали на полчаса.

Дорога домой. Москва. Патруль

В Москве, не выходя с Казанского, проводили тех, кому надо было на Урал – в Свердловск, Пермь – и за него. К утру, по подземному переходу, по пути показав местным дворникам и продавщицам пирожков – как надо работать, перебрались через площадь, на Ярославский. Там, прямо в центре кассового зала, поставив в кружок дембельские чемоданчики и раскрыв то, что ещё оставалось, несколько раз вздрогнули «по последней – на посошок», с теми, чья дальнейшая судьба уходила на север и северо-восток. В самые дебри вологодских, архангельских и кировских лесов.

Часа через три в метро входили значительно поредевшим составом.

На Киевском, уже только вдвоём с Витьком, без посадочного билета, под громкие, негодующие, но не особо сердитые крики проводницы, стоящей у входа в вагон с зажатым в правой руке жёлтым, свёрнутым в трубочку флажком, они сажали Юрку в готовый вот-вот тронуться кировоградский. Постояв на самом краю платформы до тех пор, пока были видны покачивающиеся из стороны в сторону и чуть подпрыгивающие на стыках парные красные фонари хвостового вагона, Саня ещё чуток подождал и, бросив на шпалы, вслед ушедшему составу, недокуренную даже до половины сигарету, подхватил свой чемоданчик:

– Ну чё, Витёк? Двигаем копытами. Поближе к дому. На Павелецкий…

Там-то их, а вернее, его, и загребли.

Как ни странно, Витёк, все два года вечно попадавший в самые разные передряги, а потому практически не вылезавший из дежурных по кухне,

патрульных не заинтересовал. А вот белое шёлковое офицерское кашне Санька – как-то совсем некстати! – им бросилось в глаза.

Отношения с майором, что принял его документы в находящейся прямо в здании вокзала комендатуре, куда его доставил патруль, не сложились сразу. С явным неудовольствием листая его военный билет, он лениво, почти не разжимая губ и не глядя в сторону Сани, процедил:

– Тэ-эк, тэ-эк… Учебка. А что ты после неё целых два года делал и где болтался, воин?

– В Афгане был.

Майор резко вскинул взгляд от документов. Усмехнувшись, всё так же – почти не разжимая губ, выдал:

– Хорош заливать, мудила. Откуда в Афгане пограничцы?! Ваших там и близко нет. Понял?! Тёлкам своим дома лапшу на уши вешать будешь.

И постепенно наращивая силу звука и количество металла в голосе, продолжил:

– А это что за хрень? Именно хрень, а не форма. Офицерское шёлковое кашне у бойца срочной службы? Офицерская шинель… Подрезанная в нарушение уставных требований к форме одежды военнослужащего. Да ещё и с «начёсом». А петли? Ты что с петлями сделал? Где, каким документом установлено, чтобы они были обмётаны золотым шитьём?! А с фуражкой… Что ты с фуражкой сделал?

Майор вертел в руках Санину гордость, шедевр его дембельского прикида – «карацуповскую фуру», козырёк которой был подрезан и оттого стал значительно меньше, одновременно трансформировавшись из плавного полуокружья в нечто почти квадратное, стилизованное под форму одежды тех лет, когда славный Никита Карацупа гонял врагов трудового народа по всей восточной границе. Околышек фуры был подшит зелёным бархатом, а внутри, прямо по центру донышка тульи, красовалась запакованная в целлулоид шикарная бабёнка из «Плейбоя», от вида которой комендант на какое-то время впал в ступор и даже потерял дар речи. Но ненадолго. Через пару-тройку секунд он уже орал на всю комендатуру:

– А это что? Что, я спрашиваю?! Откуда на форме бойца Советской армии голые бабы?!!

Тут уже лопнуло терпение у Сани. Дальше молчать не было никаких сил. Чтобы его, военнослужащего погранвойск КГБ СССР, втоптали в какую-то армию?!

– Ну, во-первых, не надо меня к вашей армии. Я к ней, слава Богу, – никакого. Понимаешь, майор? Ни-ка-ко-го! А во-вторых, совсем и не голая она. Очень даже симпатичная. А если откуда, так из «Плейбоя».

– Из «Плей»… Чего? Разговорчики!

В общем так, боец. Кашне тебе не положено. Фуражку, шинель… Держи. И вот – безопасная бритва. Режь, отпаривай. Приводи форму в порядок.

– Чего-о-о?

– Режь!

– Не буду!!

Чтобы даже соблазна не было – портить такую красоту, заслуженный итог всех его дембельских трудов, Саня сложил руки вместе, замочком, и крепко-накрепко прижал их к предпоследней пуговице кителя:

– Не буду!

– Что? Что ты сказал, мудила? Ну, боец… Ты сам нарвался. Сам! Теперь тебе не плохо… Тебе сейчас будет очень… Очень плохо тебе будет! Просто хреново. Ты понял? Понял, козлина?!

И вдруг… Вдруг среди этого шума и ора прозвучало совсем негромко, но властно и твёрдо, а потому, наверное, оглушающе, как удар молнии в затянутой грозовыми облаками атмосфере:

– Отставить.

Повернувшись на звук голоса, подавшего команду, Саня обнаружил прямо посреди помещения неизвестно откуда взявшегося, довольно молодого, сухопарого и подтянутого мужчину в штатском. Для майора его появление тоже стало полной неожиданностью:

– А это ещё что такое? Кто тут командует? Ты кто такой? Откуда нарисовался?

На незнакомца эта грозная тирада не произвела ни малейшего впечатления:

– Во-первых, майор, не «ты», а «вы». Во-вторых, откуда я нарисовался – не столь важно. Тем более, что оба мы не художники и даже исходя из одного этого и при наличии хотя бы двух извилин можно догадаться – откуда. А если уже понятно и догадались, то… Что изъято у этого бойца? Вернуть!

– Это ещё почему? На каком основании?

– Потому, майор. По приказу номер, от… Его до вас должны были довести. Посмотрите книгу регистрации приказов, проверьте. Там всё отмечено. А если у вас до сих пор не хватило времени или желания с ним ознакомиться, звоните дежурному по гарнизону. Он вам всё объяснит. Этот воин – мой клиент. Вернуть ему всё, что отобрали. Быстро!

И уже отвернувшись от майора, коротко бросил в Санину сторону:

– Не копайся тут. Как всё получишь – на выход. Я тебя там, в кассовом зале, подожду.

Неторопливо рассовывая по карманам военный билет, сигареты, пакистанскую зажигалку с раздевающейся тётенькой, ещё неизвестно как сохранившуюся мелочь и даже – ни хрена себе! – какие-то бумажные купюры, Саня старательно отгонял от себя настойчиво возвращающиеся, невесёлые мысли: «Ну всё... Накрылся дембель. Медным тазом. Попал ты, Санёк. Лет на пять прилип. Не меньше»…

Но, как ни странно, разговор с незнакомцем, который, как и обещал, ждал Саню у выхода из комендатуры, в кассовом зале, начался совсем не с того:

– Ты здесь один?

– Да нет. Вон ещё. У колонны. Витёк.

– Пошли.

И уже на ходу:

– Вам куда?

– На ворошиловградский. Мне, конечно, можно и донецким. Или ждановским. На крайняк – ясиноватовским. Но Витьку – только этот. А хотелось бы вместе.

– Не выйдет, Сань…

Это уже Витёк, услышавший хвостик Саниных объяснений.

– Не выйдет. Я уже уточнил в кассах. На сегодня билетов до Ворошиловграда нет. Каникулы. Практически весь состав пионерами забит. И чё они в Ворошилове забыли? Так что мне только завтра. А тебе можно ждановским. Плацкарт полчаса тому ещё был. Я узнавал.

– Какое завтра? Вы что, бойцы?! У меня приказ: чтобы таких, как вы, в 24 часа и духу в Москве не было. Не потому, что натворить что-то можете. Это – ерунда. Чтобы не болтали лишнего. Поэтому – никакого завтра. Тебе, я понял, до конечной. А тебе? Ясно. Стойте здесь и – никуда! Ни шагу! Всё понятно?

– Так точно!

И уже глядя в спину стремительно удаляющемуся незнакомцу, Витёк, не поворачивая головы, негромко прошептал, адресуя сказанное Сане:

– Ни фига у него не выйдет. Ворошиловградский уже к платформе подали, под посадку. Через полчаса отправление. А билетов, говорят, уже с самого утра нет. Туристическая бронь. По линии «Спутника». Мне дежурная сказала. Так что ночевать нам с тобой, Санёк, на вокзале. Я тебе говорю – ночевать.

Но ночевать не пришлось. Мрачным предсказаниям Витька не было суждено сбыться. Спустя полчаса через окно плацкартного вагона они уже смотрели на уплывающий чуть в сторону и назад перрон с одинокой фигуркой незнакомца на нём.

В Ожерелье, несмотря на несколько раз повторенные незнакомцем при посадке «нельзя» и «будет очень плохо», всё-таки вышли. И не потому, что не боялись грозных предупреждений. Трубы горели. Надо было купить пива.

– Счастливо, солдатик. Да хранит тебя Господь.

Сзади негромко лязгнули металлом поднимающиеся ступеньки. Саня оглянулся. За спиной проводницы маячил всё-таки спрыгнувший с верхней полки Витёк – и сдалось ей это кашне, разбудила-таки – в накинутом прямо на плечи кителе:

– Бывай, Санёк! Не кашляй. Дембель отгуляй, как положено. Чтобы вздрогнула твоя Пепедуевка. Знай наших! Погранцы – лучшие…

– Да не Пепедуевка, раздолбай, – Саня махнул рукой в сторону тронувшегося и начавшего потихоньку набирать скорость состава.

Что кричал в ответ Витёк, уже не было слышно. Ветер, поднимая вдоль состава мелкую, колючую позёмку, рвал слова и уносил их куда-то в сторону прежде закрытой вагонами, а сейчас открывшейся за путями лесополосы и шумящего своими сушилками «Заготзерна».

Совхозный автобус стоял на привычном месте. У закрытого на ночь магазина сельпо, на противоположной от станции стороне привокзальной площади, прямо под ярко горевшей, единственной на всю округу лампой уличного освещения.

Двери были открыты. Водитель, оторвав голову от баранки, сонно посмотрел в Санину сторону:

– Всё, больше никого не будет? Ну, тогда поехали?

С шумом раздвинулась гармошка закрывающихся дверей. Довольно заурчал до того сонно дремавший двигатель. Саню толкнуло назад и, чтобы устоять на месте, он схватился рукой за вертикаль холодного алюминиевого поручня у водительского места:

– Поехали.

Можно было попросить водилу тормознуть у самого дома, но как только въехали в село, где-то внутри, под шинелью острыми холодными иголками Саню начал колоть стремительно вырастающий в размерах и через какое-то мгновенье уже наполнивший его всего полностью, без остатка, липкий и противный страх. Как тогда, полтора года назад, тёмной майской ночью, когда они второй машиной в колонне входили в кишлак Акча. Перед тем, как их подбили.

Враз севшим голосом он даже не сказал, просипел еле слышно:

– Стой. Здесь останови.

Но водитель услышал. Молча повернул голову в Санину сторону, уже не

сонными, понимающими глазами молча моргнул – «Всё нормально, земляк. Сделаем». И нажал на тормоз.

Подмораживало. На землю медленно, беззвучно падали большие мохнатые хлопья снега. Село спало. Дома в разнобой стояли по обеим сторонам улицы, и ни в одном из них не горели окна. Всё, что с вечера было засыпано в печи, прогорело, поэтому редко из какой трубы поднимался вертикально вверх дымок, светлый, почти прозрачный, на фоне чёрного неба. Где-то далеко, со стороны Зубовки, раздался приглушённый расстоянием короткий лай чем-то потревоженной, а потому очнувшейся от некрепкого ночного сна собаки. Уже значительно ближе и, может, от того – звонче, ей отозвалась какая-то из товарок.

Снова всё стихло. Даже снег под ногами и то почему-то не хрустел. На бугре, у сельсовета, молча мигала жёлтыми огоньками электрической гирлянды кем-то заботливо украшенная ёлочка.

«А ведь скоро Новый год», – как-то неожиданно, как от взрыва кумулятивной гранаты, Саню толкнуло где-то в области груди. – «Неужели этот праздник буду отмечать не в блиндаже или в горах, а дома? За столом. Накрытом скатертью. С фужерами. Шампанским. И без привычного автомата в изголовье»…

Эпилог

Уже на дембеле, в Термезе, ждали своих поездов и первым провожали переводчика с фарси, таджика Касима. Основной для подавляющего большинства остальных – Ашхабад – Москва – приходил позже его душанбинского. На перрон высыпали, все такие весёлые – дембель!!! – а он стоит грустный, нос повесил. Ну, я ему и говорю: «Ты чего загрустил, Касимыч?! Дембель! Домой едем. Домой!!». Он и ответил мне тогда: «А чего весёлого? Всё, пацаны. Последний раз я с вами стою, разговариваю, смотрю на вас»...

Ну, мы все хором: «Да ты чё, Касимыч?! Все адреса в дембельских альбомах у каждого. И полгода не пройдёт, мы следующим летом завалим к тебе. Проверим твоё восточное гостеприимство».

Ничего он тогда не ответил. Только посмотрел на нас всё так же грустно.

Мудрые люди на Востоке. Всё вышло именно так, как Касим и сказал. Тогда, на холодном, продуваемом резким и пронзительным декабрьским ветром термезском перроне я видел его в последний раз.

Уже с появлением в нашей жизни интернета пытался пару-тройку раз

найти его следы, в том числе и по тому адресу, что записан в дембельском альбоме, через людей, которые сейчас живут в Душанбе, но... Ничего из этого не вышло. Кто знает, что там, в Таджикистане, творилось во время гражданской войны 90-х. А сейчас ощущение такое, что не было в этой жизни Касима Давлятова. Никогда не было. И только моя память подсказывает: нет, неправда ваша, господа-товарищи. Был. Был Касим. Касимыч. Славный переводчик с фарси.

Ман медонам… Если с фарси, «ман медонам» – «я знаю». Я знаю, что когда-то Касим был в моей жизни. Я это точно знаю. Одна из немногих фраз чужого и непонятного мне языка, что осталась в памяти с тех стародавних времён… Во многом именно благодаря Касиму.

На снимке – герои этой маленькой повести и небольшого цикла афганских рассказов: Гриня, Санёк, Славик Чека, Хакас, Шурик Чернышов... Касимыч во втором ряду второй слева, правее Грини, положил свою левую руку на плечо Славика Чекуна. А над ними возвышается (в панаме) несгибаемой воли боец Санёк. Шурик Чернышов, что трескал мой компот в душанбинском госпитале, лежит справа. Слева, с автоматом, Фаршид, переводчик с узбекского. А над Шуриком возвышается, тыкая указательным пальцем ему в плечо, Вовка Неверов (Хакас) из Абазы

Содержание

Чуть-чуть от автора.....3
Мой взвод. Маленькая повесть.....4
Там, за речкой. Рассказы.....53
Как разведка туалет чистила.....54
Что такое счастье.....60
Как разведка своего командира чуть заикой не сделала.....65
Обезьянка.....68
Когда не хочется умирать.....72
Как разведка генерала материла.....78
Когда водка во благо?.....81
Как разведка решила себя черешней побаловать.....86
Весёлая жизнь.....88
Как разведка лишилась незаслуженных медалей.....93
Как сарбозы над разведкой посмеялись.....97
Как разведка духов схарчила.....102
Предчувствие.....108
Дорога домой. Термез. Узбеки.....113
Дорога домой. Оренбург. Генерал.....117
Дорога домой. Москва. Патруль.....120
Эпилог.....125

Литературно-художественное издание

Константин Кучер

ТАМ, ЗА РЕЧКОЙ

Повесть и рассказы

Вёрстка: Андрей Лобанов
Корректура:
Екатерина Ищенко, Андрей Лобанов

Отпечатано с готового оригинал-макета в

Тираж экз. Заказ №